

9(4)
С569

УЧЕБНОЕ / ПОСОБИЕ

В. В. Согрин

ИСТОРИЯ США

Рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов
Российской Федерации по образованию в области
международных отношений в качестве учебного пособия
для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки
и специальности «Регионоведение»

300.piter.com

ЗОНАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Э.А. АРТИСЕВИЧ СГУ
ОТРАСЛЕВОЙ УЧЕБНЫЙ
ОТДЕЛ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

756966

Издательская программа

**300 лучших учебников для высшей школы
в честь 300-летия Санкт-Петербурга**

осуществляется при поддержке Министерства образования РФ

ПИТЕР®

Москва • Санкт-Петербург • Нижний Новгород • Воронеж

Ростов-на-Дону • Екатеринбург • Самара

Киев • Харьков • Минск

2003

9(7)

В. В. Согрин

История США

Учебное пособие

Рецензент:

Печатное В. О., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО

Главный редактор
Зам. главного редактора (Москва)
Заведующий редакцией (Москва)
Литературный редактор
Художник
Корректоры
Верстка

*Е. Строганова
Е. Журавлёва
Т. Калинина
Ю. Гудым
Р. Яцко
И. Горбунова, С. Чернецов
О. Валиуллина, О. Сергеева*

ББК 63.3(7США)я7

УДК 94(73)(075)

Согрин В. В.

С67 История США. Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2003. — 192 с. — (Серия «Учебное пособие»).

ISBN 5-94723-681-8

В учебном пособии с современных научных позиций раскрывается четырех вековая история США от колониальной поры до наших дней. Опираясь на многообразные источники, автор дает разностороннюю картину исторического опыта Соединенных Штатов. Его основополагающий теоретический посыл — представление о Соединенных Штатах как о неотъемлемой части западной цивилизации, но обладающих вместе с тем и уникальными чертами. Автор признает исторические достижения Америки, но чужд их апологетической оценки. Он выявляет разнообразные противоречия американского общества, но не приемлет идеологического гиперкритицизма, отрицающего или принижающего вклад Америки в мировую цивилизацию.

© ЗАО Издательский дом «Питер», 2003

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 5-94723-681-8

ООО «Питер Принт», 196105, Санкт-Петербург, Благодатная ул., д. 67в.

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.2001.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93,

том 2; 95 3005 — литература учебная.

Подписано к печати 06.08.03. Формат 60 × 90/16. Усл. п. л. 12. Тираж 4000. Заказ 25.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».

191119, С.-Петербург, Социалистическая ул., 11-а.

129р. 50к.

Оглавление

Введение	5
Тема 1. Колониальное общество	8
1.1. Три типа колоний	8
1.2. Демократия или олигархия?	13
1.3. Бунт по-американски	16
Вопросы к семинарским занятиям	21
Литература	22
Тема 2. Война за независимость и образование США	23
2.1. Победы армии и демократии	23
2.2. Конституция 1787 г.: договор элиты и нации	29
2.3. Джефферсон и Гамильтон: судьбоносный спор	34
Вопросы к семинарским занятиям	39
Литература	40
Тема 3. Эра джексоновской демократии	41
3.1. Экономический подъем и социальные следствия	41
3.2. Виги и демократы	45
3.3. Президент Джексон и его реформы	52
Вопросы к семинарским занятиям	59
Литература	59
Тема 4. Гражданская война и реконструкция	61
4.1. Капитализм и рабство	61
4.2. Неотвратимый конфликт	65
4.3. Революция	71
Вопросы к семинарским занятиям	81
Литература	82
Тема 5. Общество и корпорации	83
5.1. Социал-дарвинистская Америка	83
5.2. Популисты, тред-юнионисты и социалисты	92
5.3. Прогрессивная эра	98
5.4. Реванш и крах консерватизма	106
Вопросы к семинарским занятиям	111
Литература	112
Тема 6. От индустриального к постиндустриальному обществу	113
6.1. Экономические нововведения	113
6.2. Классы и расы	122

6.3. Политическая власть	135
Вопросы к семинарским занятиям	148
Литература	150
Тема 7. Этапы внешней политики: от колонии к сверхдержаве	152
7.1. «Предопределение судьбы»	152
7.2. К мировому лидерству	161
Вопросы к семинарским занятиям	173
Литература	175
Заключение	177
Источники и литература	180
Источники	180
Отечественная литература	180
Зарубежная литература	183
Программа учебного курса «История США»	185
Цели и задачи	185
Тематический план	185

Введение

Миновавшее XX столетие часто называют «американским веком». Но отношение к стране, давшей имя XX веку и являющейся ныне ведущей мировой державой, неоднозначно, равно как противоречив сам американский исторический опыт. Примером крайностей и противоречий является восприятие Америки современным российским обществом, при этом каждая из крайностей густо замешена на разнообразных мифах и стереотипах, часто взаимоисключающих друг друга.

В настоящей работе я ставил целью дать разностороннюю, взвешенную и свободную от «левых», равно как и от «правых» идеологем картину исторического опыта США. Мой основополагающий теоретический посыл — представление о Соединенных Штатах как о неотъемлемой части западной цивилизации, но обладающих и некоторыми уникальными историческими характеристиками, объясняющими в значительной мере их опережающее развитие в сравнении с другими странами и выдвижение на одну из ведущих позиций в мировой истории.

Многие полагают, что Соединенные Штаты — это страна с очень короткой историей, а потому и невыраженными историческими традициями и культурой. На самом деле это поверхностное представление. В действительности североамериканское общество начиналось не с «чистого листа», оно возникло в XVII в. как продолжение английской и в целом западной цивилизации. В Новый Свет были перенесены цивилизационные характеристики, уходящие корнями в Древнюю Грецию и Древний Рим. Среди них мы обнаруживаем идеи автономии личности в отношениях с обществом, а общества — в отношениях с государством, особое уважение к частной собственности, правовой характер отправления политической власти. Своеобразие же укоренения этих ценностей в Северной Америке заключалось в том, что в Новом Свете возможности их дальнейшего развития оказались во многом более благоприятными, чем в Старом Свете.

Дело в том, что большинство переселенцев, сознательно расставшихся с европейской родиной, протестовали против ее достаточно глубокого феодального наследия и пережитков. И были намерены утвердить за океаном свободное буржуазное общество. Чистота

эксперимента пострадала вследствие того, что в Новый Свет переправлялась и часть аристократов, а в южных колониях распространилось рабовладение. Но все же североамериканское общество с точки зрения восприятия буржуазных начал с момента возникновения было более «продвинутое», нежели феодально-буржуазная Англия. Оно как бы являло собою радикально обновленную Англию, и это обстоятельство запечатлелось в названии Новая Англия, данном восточноатлантической сердцевине поселений. В Новой Англии буржуазной свободы оказалось больше, чем в старой.

Необычайно благоприятным обстоятельством для развития буржуазных свобод, индивидуализма и капитализма явились практически неисчерпаемые по меркам того времени возможности их распространения «вширь». Огромный континент, многократно превосходивший размерами старушку-родину, был практически не занят (индейцы занимали малую его часть, уступая и ее хитроумным и предприимчивым белолицым пилигримам). Он сулил и предоставлял изобильные земельные участки, как и неисчерпаемые возможности, миллионам и миллионам претендентов в независимые буржуазные собственники. На протяжении трех столетий — XVII, XVIII, XIX — массы американцев, в том числе из нижних слоев, обращались, продвигаясь на западные земли, в независимых собственников, и подобная социальная мобильность стала важнейшей основой неуклонного экономического подъема США, утвердившихся к концу XIX в. на ведущей позиции в мировой экономике и с тех пор никому ее уже не уступавших.

Следующей чертой, благоприятствовавшей опережающему экономическому развитию США, были массовые непрекращающиеся притоки иммигрантов, которые на протяжении первых трех столетий американской истории практически не ограничивались законодательно. Конечно, иммигранты отличались друг от друга, но все же среди них преобладали люди предприимчивые, смелые, даже отчаянные (уже сама переправка через океан — путешествие на всю жизнь в неизвестное будущее — требовала незаурядного мужества). По прибытии в Америку они трудились в поте лица своего, выбивались в люди, а совокупность их огромных и методичных индивидуальных усилий увеличивала и благосостояние нации в целом.

Назову еще одну долговременную причину, благоприятствовавшую стабильному общественно-историческому развитию США. Это их необычайно выгодное, в сравнении с другими ведущими государствами, географическое и геополитическое положение. Будучи отделенными двумя океанами от других центров мировой цивилизации,

Соединенные Штаты на протяжении большей части своей истории были освобождены от угрозы непосредственного вовлечения в крупномасштабные военно-политические конфликты. Две мировые войны XX в. существенно истощили европейские и азиатские сверхдержавы, а США, каждый раз финансировавшие дружеские им коалиции, экономически от этих войн только усилились.

Это обусловило некоторые важнейшие объективные причины успешного общественно исторического развития США. Объективные реалии свидетельствуют о несостоятельности встречающихся идеологических объяснений американского успеха: одно из наиболее распространенных среди них увязывает лидирующее положение США в первую очередь с их изощренной хитростью и коварством, позволяющим обкрадывать другие страны и народы. Я далек от той мысли, что данная книга, раскрывающая реальные внутриамериканские факторы и факты как успехов, так и противоречий США, развеет расхожие антиамериканские идеологемы и обывательские представления о Соединенных Штатах, но я надеюсь, что она поможет читателям рационально воспринимать и объяснять общество, вокруг которого не утихают страсти в современном мире.

Тема 1

Колониальное общество

1.1. Три типа колоний

Соединенные Штаты на протяжении 170 лет своей истории (1607–1776 гг.) находились в колониальной зависимости от Англии. Освоение Нового Света являлось делом частных лиц и групп, получавших соответствующие разрешения от монарха Англии. Различия в социальном облике этих групп и лиц предопределили различия тенденций колонизации. Грубо говоря, изначально среди тех, кто осваивал Америку, выделялись три главные группы:

- 1) акционерные компании буржуазного типа, устремлявшиеся за океан в поисках рынков, прибылей, источников сырья;
- 2) протестанты, надеявшиеся воплотить на новой родине свои религиозные и этические принципы;
- 3) аристократы, помышлявшие об обширных феодальных владениях.

Стартовые возможности трех групп были более или менее равными, но Новый Свет, как быстро выяснилось, благоприятствовал развитию в первую очередь буржуазных отношений.

Первое поселение в Северной Америке было организовано лондонской Виргинской компанией. В 1607 г. акционеры этой компании основали форт Джеймстаун в пределах территории, получившей название **Виргиния**. Поначалу делами колонии распоряжались губернаторы и совет, назначаемые компанией. В 1619 г. было учреждено первое представительное собрание, названное Генеральной ассамблеей: его целью было сделать жизнь в колонии более привлекательной, в частности стимулировать переселение в Виргинию жителей Старого Света. Всем, кто прибывал за свой счет, незамедлительно предоставляли в собственность 50 акров (20 гектаров) земли. Земельного равенства, правда, не утвердилось: акционеры компании сосредоточили в своих руках наибольшее количество земель, обращенных в плантации, на которых приступили к выращиванию высокодоходного табака.

В 1619 г., когда в Виргинии возникло представительное управление, в нее были ввезены и первые черные рабы. Эти два важных, но различавшихся по смыслу события определили на долгие времена социально-политическую характеристику Виргинии, как и других возникавших рядом с ней южных колоний. Движимые капиталистическим мотивом, виргинские землевладельцы должны были в силу скудости, а практически — отсутствия свободной рабочей силы привлекать труд подневольных работников. Поначалу в их качестве использовали законтрактованных белых сервентов: они вербовались в Европе на срок до 7 лет и состояли из бедняков, а нередко уголовных элементов. Но по истечении контракта сервентов надлежало освободить, а к тому же давать им земельный надел, на котором они работали на самих себя. Поэтому виргинские землевладельцы, особенно собственники плантаций, обратились к труду черных рабов.

До конца XVII в. количество черных рабов оставалось все же относительно небольшим, но затем стало стремительно возрастать. Вот цифры, характеризующие соотношение свободных белых поселенцев и черных рабов:

- 1630 г. — 4646 и 60;
- 1660 г. — 75058 и 2920;
- 1700 г. — 331711 и 44866;
- 1780 г. — 2780369 и 575420.

Подавляющее количество рабов сосредоточилось в южных колониях, а почти их половина находилась в Виргинии.

Американское рабство не было аналогом античного. Американские плантаторы по своему мировосприятию были типичными капиталистическими предпринимателями, которые по причине крайней узости рынка наемного труда обратились к эксплуатации черных рабов. Но использование рабского труда постепенно деформировало их мировоззрение, в котором причудливо и в то же время закономерно соединились буржуазные и рабовладельческие черты. Виргинские плантаторы, они же главные американские рабовладельцы, были, как это ни покажется странным, убежденными сторонниками многих самых передовых буржуазных конституционных норм (но распространяться они должны были только на белых).

Уверовав в право на представительное управление, виргинцы первыми среди американцев стали проявлять строптивость в отношениях с английским монархом. В 1635 г. виргинская ассамблея сместила со своего поста губернатора, который с 1625 г. назначался королем.

Попытка короля Карла I укротить ассамблею не увенчалась успехом, и в 1639 г. он вынужден был утвердить губернатором выдвиженца виргинских плантаторов. В 1640-х гг., в период Великой английской революции, виргинцы сумели расширить полномочия Генеральной ассамблеи. С 1652 г. она сама стала избирать губернаторов и членов колониального совета. Реставрация *Стюартов* в Англии в 1660-х гг. вернула монархии власть над Виргинией. Виргинцы, однако, не смирились с утратой привычных прав и на протяжении всего периода Реставрации выказывали непокорность королевской администрации.

Второй тип колоний составили поселения, основанные на северо-восточной территории переселенцами-протестантами (они-то и получили название **Новая Англия**). Протестанты были неоднородны, и с самого начала среди них выделились умеренное и демократическое направления, деятельность которых дала неодинаковые результаты. Большей активностью некоторое время отличалось умеренное крыло, которое получило от короля право на основание поселения в Северной Америке в 1629 г. Вооружившись королевской хартией, группа поселенцев, объединившихся в «Компанию Массачусетской бухты», совершила удачную экспедицию за океан. Во время экспедиции губернатор будущей колонии Джон Уинтроп ознакомил переселенцев с основами ее устройства и управления. Главной целью объявлялось создание «града на холме», который бы в полной мере соответствовал Священному Писанию. Власть в нем должна принадлежать священнослужителям, а теми или иными правами могла наделяться только послушная паства.

По прибытии в массачусетскую бухту Уинтроп и его помощники начали твердо насаждать теократическое управление. Была создана **конгрегационалистская церковь**, члены которой становились полноправными поселенцами. Будучи сама — по английским меркам — диссидентской, она стала преследовать инакомыслящих: баптистов, индепендентов, квакеров. Недовольные реагировали на эту политику по-разному. Часть поселенцев вернулась в Европу, часть переселилась в необжитые уголки Новой Англии, а оставшиеся стали шаг за шагом вырывать у Уинтропа уступки. Добившись преобладания в Общем собрании, как называлась местная выборная ассамблея, они закрепили за представительным органом права распоряжения землей, сбора налогов, введения норм уголовного права и судебной процедуры.

И все же этой колонии не суждено было стать цитаделью американской свободы. Конгрегационалистская церковь сохранила достаточно прочные позиции, власть Уинтропа была ограничена, но не отменена.

Демократические начала лучше прижились в других, меньших по размерам, протестантских поселениях Новой Англии.

Первым и самым известным среди них оказался **Новый Плимут**. Он был основан английскими пуританами, которые до того искали религиозного прибежища в Голландии. В 1620 г. первая группа «пилигримов», как они сами себя называли, отбыла в Северную Америку на корабле «*Мэйфлауэр*». Во время путешествия они подписали договор об объединении в «гражданский политический организм» с целью создания и соблюдения «справедливых и одинаковых для всех законов». Впоследствии *Джон Куинси Адамс*, один из первых президентов США, назвал его «возможно, единственным в истории человечества примером практического самобытного общественного договора, который до того выступал в качестве законного источника правительства только в воображении философов». Эта оценка стала общепринятой в Соединенных Штатах, почитающих пуритан-пилигримов в качестве основателей американской демократии и народного суверенитета. Неслучайно важные события, связанные с деятельностью пуритан-пилигримов, отмечаются в США как национальные праздники. Так, 22 декабря, день их высадки в бухте Новый Плимут, был провозглашен национальным Днем праотцов, или Днем отцов-пилигримов, а четвертый четверг ноября, в который поселенцы Нового Плимута в 1621 г. отмечали сбор первого урожая, с 1863 г. стал в США национальным праздником — Днем благодарения.

В Новом Плимуте с самого начала порядки оказались более демократичными, нежели в других колониях. Поселенцы сами избирали губернаторов и магистрат, на общем собрании посредством прямого волеизъявления принимали различные законоположения и постановления. После безуспешной попытки в течение первых пяти лет установить коллективное землепользование общее собрание на уравнительных началах стало распределять земельные участки, на которых возобладало частное хозяйство фермерского типа. По образцу Нового Плимута в последующие десятилетия было создано много поселений, расположившихся на территориях, названных **Род-Айлендом** и **Коннектикутом**.

Договорное управление колониями Род-Айленд и Коннектикут было долгое время уязвимо по той причине, что не санкционировалось Англией. И только в 1662–1663 гг. они получили хартии от *Карла II*. Хартии оставили основы управления двумя колониями в неприкосновенности. Две эти американские колонии, получившие статус корпоративных, оказались в уникальном положении: в отличие от

всех других колоний они сами избирали как законодательные органы, так и губернаторов. Самоуправление и демократические начала оказались в них наибольшими.

Колонии третьего типа известны как собственнические: они создавались английскими аристократами на основе феодальных дарений Стюартов. Основывались они как феодальные маноры с целью извлечения соответствующих поборов и поддержания подобающих политико-правовых норм. Но в действительности их развитие с самого начала пошло противоречиво, феодальные эксперименты нигде не удалось уступить место буржуазным отношениям.

Первую собственническую колонию — **Мэриленд** — создал *лорд Балтимор* в 1632 г. Король Карл I наделил его правами полного феодального собственника, но, как скоро выяснилось, утвердить феодальный порядок в колонии было невозможно. В 1637 г. лорд Балтимор поручил своему брату, наместнику Мэриленда, создать представительную ассамблею, которая должна была давать «совет и согласие» по законодательным вопросам. В годы Великой английской революции мэрилендская ассамблея упрочила свои позиции: она получила право инициировать законы и стала заседать отдельно от губернаторского совета, представ в качестве «народной палаты». Провалились попытки ввести феодальное землепользование: хотя поселенцы и выплачивали лорду фиксированную, то есть в большей степени феодальную, нежели капиталистическую ренту, они лично были независимы и, если рента оказывалась обременительной, уходили на свободные земли, чтобы заниматься уже чисто фермерским хозяйством. В одном отношении общественные порядки в Мэриленде оказались даже более передовыми, чем в других колониях: поскольку лорд Балтимор был католиком, протестанты не могли утвердить в его владениях свою гегемонию, а должны были проявлять веротерпимость.

В 1662 г. была основана вторая феодальная колония — **Каролина**, владельцами которой стали восемь фаворитов короля Карла II. Собственники поручили подготовить «фундаментальную конституцию» не кому иному, как будущему отцу английского либерализма *Джону Локку*. Локк составил то, что от него ждали: конституция вводила в Каролине социальную и политическую иерархию. Но, как и в Мэриленде, феодальный строй в Каролине не прижился: при наличии в Северной Америке незанятых территорий и более свободных колоний, поселенцы предпочитали объезжать Каролину стороной. Чтобы не опустошить колонию, собственники вынуждены были пойти на уступки, уже известные по опыту Мэриленда.

Самым именитым аристократом, получившим право на колониальное владение, был брат Карла II Яков, *герцог Йоркский*. Его владение, названное **Нью-Йорком**, было организовано в соответствии с принципами феодального манора. Наместники Якова на протяжении 20 лет, начиная с 1664 г., пытались насаждать в Нью-Йорке «**Законы Герцога**», как назывался правовой кодекс колонии, но затем и они были вынуждены уступить поселенцам, согласившись на созыв представительного собрания с законодательными полномочиями. В 1685 г. герцог стал новым королем Англии, а его колониальное владение было передано другим феодальным собственникам.

В 1681 г. была создана еще одна колония собственнического типа, владельцем которой стал *Уильям Пенн*. **Пенсильвания**, так была названа эта колония, стала по причине необычных взглядов ее владельца одной из самых либеральных в Северной Америке. Пенн, принадлежавший к секте квакеров, одной из самых веротерпимых в то время, пытался утверждать добрососедские отношения с индейскими племенами. В политической области он гораздо больше, чем другие собственники, полагался на принципы представительного правления.

Конец XVII в. подвел итог первому крупному периоду в истории североамериканских колоний. Количественно в этот период преобладали колонии, которые можно отнести к собственническому типу, но, по сути, во всей Северной Америке буржуазные отношения брали верх над феодальными.

1.2. Демократия или олигархия?

Противоречивым было развитие североамериканских колоний на последующем этапе: с одной стороны, в этот период возросла их зависимость от Англии, вследствие чего сковывались демократические начала в политическом правлении, но с другой стороны, в мировоззрении американцев существенно упрочились буржуазные начала, усиливавшие отторжение репрессивной политики метрополии и подготавливавшие антиколониальную революцию.

В самой Англии разграничительной вехой, повлиявшей подобным противоречивым образом на Северную Америку, стал 1688 г. В том году английская оппозиция смогла совершить бескровную — «**Славную**» — революцию, которая во второй раз и уже окончательно освободила Англию от Стюартов. После этого в Англии успешно развивались буржуазные свободы, а соотношение прерогатив монархии и парламента неуклонно менялось в пользу представительного органа.

Но, добившись политической власти для себя, английский парламент и не подумал расширять права представительных органов власти в заокеанских территориях. Более того, буржуазные свободы и права американцев стали сокращаться. К этому приложил руку сам парламент: особенно активно Вестминстер стал ограничивать американские права после **Семилетней войны (1756–1763)**. Но наиболее пагубно на американцах сказалось то, что парламент, резко сократив полномочия монархии в Англии, оставил их практически нетронутыми в Северной Америке.

В XVIII в. английская монархия не только ужесточила правление в королевских колониях, но и расширила последние за счет колоний собственнических. К середине века в Северной Америке остались только три собственнические колонии — Мэриленд, Пенсильвания и Делавэр. Сохранились еще две корпоративные колонии — Род-Айленд и Коннектикут. Остальные восемь колоний были королевскими. Монарх управлял ими с помощью назначаемых им губернаторов, а королевские инструкции должны были признаваться непререкаемыми законами.

Такой политический порядок все более тяготил американцев, рассматривавших себя как англичан, но только переселившихся в Новый Свет. Следовательно, они и должны были располагать всеми правами и свободами английских граждан. Представления же об этих правах и свободах американцы черпали из самой английской политической практики, равно как из сочинений самых смелых и передовых английских либеральных мыслителей. В сознание американцев все более прочно входили заповеди: частная собственность священна и неприкосновенна; конституция и право выше воли и намерений государственных деятелей и должностных лиц; источником законной власти является сам народ, то есть правомерно только выборное правительство; следует придерживаться разделения властей, чтобы предотвратить тиранию; американцы могут облагаться налогами только собственными представительными органами, то есть провинциальными ассамблеями. В какой степени соответствовали этим представлениям американские порядки?

В большинстве колоний явно возобладала невыборная ветвь власти, которую можно назвать монархической. Она была представлена не только **губернаторами**, которые назначались монархом и в большинстве случаев присылались из Англии (только 20 % назначенцев были американцами). К ней можно отнести и **колонияльные советы**, которые помогали губернаторам осуществлять исполнительную и судебную власть и одновременно являлись как бы верхними законодательными палатами. Губернаторы подбирали членов советов из местной

элиты, а после этого они утверждались в Англии (исключение составлял Массачусетс, где совет избирался нижней палатой, и Пенсильвания, где совета не было вообще). Практически губернаторы и советы сосредоточили в своих руках всю исполнительную и судебную власть и большую часть законодательной власти (по словам одного авторитетного современника — «две трети»).

Если столь огромное число полномочий приходилось в Северной Америке XVIII в. на монархическую ветвь, что же оставалось тогда для демократической ветви, представленной **выборными ассамблеями**, которые рассматривались многими как нижние законодательные палаты? Вокруг этого вопроса до сих пор ведутся острые споры среди историков. Самые авторитетные среди них пришли к выводу, что власть колониальных ассамблей, формально резко уступая власти губернаторов, на деле постоянно возрастала, так что демократическая ветвь стала реальным противовесом монархической.

На чем основывалось влияние ассамблей? Главным образом на том, что им удалось шаг за шагом сосредоточить в своих руках власть над финансами и бюджетом, поставив губернаторов в зависимость во всех их расходах. Ассамблеи повсеместно приобрели власть:

- ♦ вводить налоги;
- ♦ определять ежегодный бюджет колоний;
- ♦ устанавливать размеры жалованья всех должностных лиц, включая самого губернатора.

Существуют многие примеры, свидетельствующие, что ассамблеи, используя «власть кошелька», понуждали губернаторов к решениям, угодным выборному органу.

Но эти примеры не отменяют, однако, многочисленных фактов иного сорта, свидетельствующих, что и губернаторы часто подчиняли себе ассамблеи, добивались их роспуска, переноса заседаний, навязывали свои решения и назначения. На протяжении всего XVIII в. ассамблеи не смогли добиться принятия ряда жизненно важных для себя решений, например, закона о регулярных выборах представительных органов, в значительной мере определявшего независимое положение парламента в Англии. И в формальном, и в фактическом отношении ассамблеи никак не могли быть названы парламентами, а, именуя себя таковыми, явно выдавали желаемое за действительное. Их взаимоотношения с губернаторами превратились в нескончаемое сражение, в котором, как свидетельствует весь колониальный опыт, у них не было шансов на решающую победу.

Сами ассамблеи являли собой только зачатки демократического представительства. В их выборах принимали участие одни взрослые белые мужчины, владевшие к тому же определенным количеством собственности. Избирателей в Северной Америке в процентном отношении было больше, чем в Англии, что объяснялось реальной возможностью приобретения американцами земельной собственности, но все же они составляли не более 15 % от всего населения. Сами выборы были открытыми, распространилась практика подкупа избирателей, так что в ассамблеи проходили, как правило, представители влиятельных и богатых семей. Это обстоятельство в совокупности с серьезными позициями в политическом управлении монархической ветви позволяет говорить о преобладании в колониальный период олигархии над демократией. Это объясняет, почему по мере приближения Войны за независимость и политического пробуждения общественных низов все чаще звучали требования не только расширения прав ассамблей, но и демократизации выборов, допуска к ним широких слоев, как и предоставления народу возможности непосредственно участвовать в обсуждении и принятии законов.

Впрочем, конфликты среди американцев находились еще на заднем плане, а преобладало их единение перед лицом усилившейся английской тирании. Борьбу против нее возглавили не низы, а верхи — представители плантаторов, купцов, промышленников, так же как и колониальной интеллигенции, взявших на вооружение передовые либеральные принципы неотчуждаемых прав личности, экономической свободы, представительного правления.

1.3. Бунт по-американски

Взаимоотношения американцев и Англии резко обострились после Семилетней войны 1756–1763 гг. И до того метрополия неоднократно ущемляла экономические и политические интересы американцев, но после Семилетней войны Англией были предприняты беспрецедентные репрессивные акции, отрицавшие первоосновы буржуазного миропорядка. В 1763 г. плантаторы, фермеры и безземельные американцы содрогнулись от английского указа, запрещавшего переселяться за Аллеганские горы и тем самым отсекавшего колонистов от обширных девственных территорий. В 1765 г. последовал не менее суровый закон: все деловые операции в Северной Америке облагались налогом.

Второй закон особенно возмутил американцев: неприемлема была даже не сама величина налога, а то, что он был введен английским парла-

ментом, в котором американцы не были представлены. А это нарушало основополагающую заповедь свободного общества: никаких налогов без представительства. Американцы, продемонстрировав зрелость своего буржуазного сознания, отреагировали акциями массового протеста. Джон Адамс (в будущем второй президент США и отец упомянутого выше пятого президента Д. К. Адамса. — *Авт.*) вспоминал: «Наша пресса стенала, с церковных кафедр извергались молнии, наши ассамблеи принимали резолюции протеста, города голосовали, королевские чиновники повсюду тряслись от страха». У американцев появились патриотические вожди и златоусты, а один из них, виргинец *Патрик Генри*, посоветовал английскому королю извлечь урок из правления Карла I (на исходе Великой английской революции 1640-х гг., начавшейся после введения Карлом I налога без утверждения представительным органом власти, монарх был обезглавлен. — *Авт.*).

В 1766 г. Англия отменила налоговый закон, возмущивший американцев, но тут же приняла еще более тиранический указ: он гласил, что Англия вправе принимать в отношении американцев любые законы и подчинять их любым своим решениям. И стала воплощать свою волю в жизнь: последовали указы о размещении в Северной Америке воинских соединений англичан, о приостановке заседаний строптивых колониальных ассамблей, о переводе губернаторов на содержание метрополии и освобождении их тем самым от финансовой зависимости от колониальных представительных органов. В 1767 г. был обнародован **акт Тауншенда**, вновь облагавший американцев налогами в обход их ассамблей, при этом налоговые сборы шли на содержание колониальной администрации, которая таким образом получала свободу рук в противостоянии с непокорными американцами и их выборными представителями.

После этого стали нарастать политические репрессии: отмена судов присяжных, неприкосновенности жилища и собственности, свободы вероисповедания. Великобритания вознамерилась править в Северной Америке наподобие абсолютной монархии. Американцы в ответ усиливали сопротивление. В 1770 г. пролилась первая кровь: в Бостоне английские солдаты открыли огонь по патриотической толпе, собравшейся в центре города, и убили пять человек (один из них был чернокожим).

Американцы стали создавать полулегальные и нелегальные организации патриотов, самой известной среди которых были «Сыны свободы». Акции сопротивления приобретали все большее разнообразие. Самой знаменитой среди них, получившей широкую огласку во всех колониях, стало «**бостонское чаепитие**». В конце 1773 г. бостонские

«Сыны свободы», переодевшись в индейцев, прокрались на суда английской Ост-Индской компании, прибывшие в местный порт, и сбросили в воду весь груз чая. В ответ на материальный ущерб, нанесенный подданным его величества, и покушение на их священное право собственности английские власти закрыли бостонский порт, запретили городские собрания, приостановили действие массачусетской хартии. Бостонцы в свою очередь оповестили об очередной репрессии англичан все колонии, и те солидарно провели всеамериканский День поста и скорби.

Представители большинства колоний пришли к выводу, что по одиночке они не в состоянии защитить свои права и что совершенно необходимо объединить патриотическое движение провинций. В 1774 г. в Филадельфии был созван **Континентальный конгресс**, на котором определялись цели сопротивления Англии. Прибывший на конгресс лидер бостонских «Сынов свободы» *Сэмюэль Адамс*, как свидетельствовал позднее в показаниях британскому парламенту один из умеренных делегатов, «подстрекал толпу», чтобы та принудила посланников провинций к радикальным решениям, но делегаты удовлетворились поиском компромисса с английской властью.

Конгресс обнаружил серьезные разногласия среди патриотов относительно желательных форм государственных взаимоотношений с Англией. Некоторые американцы — их было немного — хотели добиться представительства в британском парламенте и стать частью единой великой монархии. Эта точка зрения не была популярна, поскольку практически мыслящие американцы понимали, что их депутаты будут всегда в явном меньшинстве в парламенте и никогда не смогут провести в нем приемлемых решений. Другая часть американцев, во главе которых оказались радикал *Сэмюэль Адамс*, а также знаменитый просветитель *Бенджамин Франклин*, доказывала, что Северная Америка должна добиться **гомруля** — самоуправления, означавшего, что местные ассамблеи наделяются всей полнотой власти во внутренних делах, парламент от управления колониями отстраняется, а связующим звеном между Англией и Северной Америкой остается монарх, координирующий их взаимоотношения, но утрачивающий важнейшие права в управлении колониями. Эта доктрина не предполагала разрушения Британской империи, которую Франклин называл «прекрасной вазой», но большинству вождей патриотов даже она долгое время представлялась чересчур радикальной.

Умеренное большинство хотело восстановления тех прав, которыми Северная Америка обладала до Семилетней войны. Даже в середине

1775 г., когда Англия уже спровоцировала начало военных действий в Северной Америке, оно протягивало английскому монарху *Георгу III* «оливковую ветвь» (так называлась примиренческая резолюция, которую Континентальный конгресс направил тогда королю). А о независимости никто из лидеров патриотов не помышлял вплоть до весны 1776 г., когда от ее провозглашения было просто невозможно уклониться.

Вполне резонно предположить, что если бы не строптивость Англии, объявившей Северную Америку в 1775 г. в состоянии мятежа и высказавшей намерение подавить его любыми средствами, то мир между колониями и метрополией был вполне достижим. Большинство американских лидеров даже в самый канун антиколониальной войны были убеждены, что американцы связаны с англичанами кровными узами, единством обычаев, верований, политических убеждений, законодательных установлений, и что разрыв между ними противостоестествен. Кроме того, многие американцы были убеждены, что колонии обречены на гибель без защиты их территории королевскими войсками и без торгово-промышленных связей с метрополией. Так что если бы английские власти проявили добрую волю, у них были реальные шансы достичь примирения с колониями. Но Англия продемонстрировала полное ее отсутствие, и Сэмюэль Адамс в конце 1775 г. мрачно пророчествовал: упрямство короля и парламента «в конце концов приведет к величайшей революции, какую когда-либо знал мир».

Но сам Адамс, по американским меркам — радикал из радикалов, не решился выступить первым с революционным призывом. На это не решился и никто из других американских патриотов. Любопытным историческим фактом, который остается в тени или вообще замалчивается в американских исторических сочинениях и учебниках, является то, что революционный призыв к отделению от Англии был высказан впервые не признанными американскими лидерами, а англичанином *Томасом Пейном*, прибывшим в Северную Америку незадолго до антиколониального восстания. В начале января 1776 г. в памфлете «**Здравый смысл**» он открыто и категорично потребовал немедленно отделиться от Англии и образовать независимое американское государство. Свой призыв Пейн подкрепил множеством разнообразных убедительных и доходчивых аргументов. Как выяснилось, простые американцы заждались именно такого призыва: блестящий по форме и аргументации памфлет Пейна стремительно разошелся рекордным тиражом в 120 тыс. экземпляров (примерно такое количество американцев участвовало в патриотическом движении) и способствовал перевороту в американских умах.

Выдающееся значение памфлета Пейна было признано теми, кого американцы относят к отцам-основателям США (радикала и простолюдина Пейна к таковым не причисляют). Д. Вашингтон в письме к Д. Риду от 31 января 1776 г. утверждал, что «несколько воспламеняющих доводов, подобных случившемуся с Фольмутом и Норфолком (города, сожженные англичанами. — Авт.), в дополнение к неопровержимой логике «Здравого смысла» не оставят у масс сомнений относительно необходимости отделения». Джон Адамс, которому чаще было свойственно преувеличивать свои заслуги перед отечеством и преуменьшать заслуги других, отмечал, что «истории предстоит отнести Американскую революцию на счет Томаса Пейна». Э. Рандольф, известный политик из Виргинии, полагал, что «Здравый смысл» склонил большинство графств крупнейшей колонии Америки в пользу принятия резолюции о провозглашении независимости этой провинции в мае 1776 г.

Пейн сосредоточился на критике «местных и давно устоявшихся предрассудков». Главный предрассудок заключался в том представлении, что усиление английского гнета было результатом заговора в британском парламенте, а король-де к нему не причастен. «Король, — убеждал Пейн американцев, приводя при этом разнообразные доказательства, — не потерпит никаких законов, кроме тех, которые отвечают его целям», а потому сохранение связей с Англией через монарха, минуя парламент, не уничтожает колониальной зависимости. Критика иллюзий, связанных с «доброй волей» английского монарха, перерастала в «Здравом смысле» в развернутую критику самого института монархии. Выступление Пейна в защиту республики, приравнивавшейся тогда как в Европе, так и в Северной Америке к утопии, была равнозначна идейному подвигу. Не будет преувеличением сказать, что концепция республиканизма, ставшая впоследствии основой американской политической идеологии и практики, была впервые обоснована именно Пейном.

Конечно, было бы наивно приписывать провозглашение американской независимости одному чудесному воздействию «Здравого смысла». Важно подчеркнуть, что одобрение независимости вытекало из самой логики революционных событий, провоцировавшихся в сильнейшей мере упрямой репрессивной позицией Англии и подталкивавшихся в не меньшей степени стихийными радикальными акциями сопротивления американского народа. Давление народа на провинциальные ассамблеи зимой и весной 1776 г. побудило лидеров патриотов к созданию революционных органов власти на местах. Народ все настойчивее требовал от ассамблей принятия инструкций, предписывающих

их представителям в Континентальном конгрессе настаивать на полном отделении от Англии. В апреле-мае такие инструкции были одобрены большинством ассамблей. В июне делегаты Виргинии в Континентальном конгрессе предложили для одобрения **«Резолюцию независимости»**, а виргинец *Томас Джефферсон* подготовил аргументированную **Декларацию независимости**. Оба документа были обнародованы 4 июля 1776 г. 4 июля стало главным национальным праздником США — Днем независимости.

Историки единодушно признают Декларацию независимости свидетельством о рождении американской нации и одним из самых выдающихся демократических документов США. Большую часть декларации занимает изложение всевозможных обвинений в адрес парламента и монархии Англии, насаждавших в Северной Америке произвол и ущемлявших экономические интересы колонистов. Подлинное же значение декларации заключено в ее социально-философской части, где изложены три основополагающие демократические доктрины эпохи Просвещения: о равенстве естественных прав людей, об общественном договоре как источнике политической власти, о праве народа на ниспровержение деспотического правительства. Присягнув этим принципам, Американская революция перестала быть только национальным явлением, приобрела всемирно-историческое звучание и значение.

Обновленческое кредо Просвещения было изложено Джефферсоном языком высокой и вместе с тем доступной простому люду прозы в трех лаконичных предложениях: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они наделены Создателем определенными неотчуждаемыми правами, к которым принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав люди учредили правительства, берущие на себя справедливую власть с согласия управляемых. Всякий раз, когда какая-либо форма правления ведет к нарушению этих принципов, народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких началах, какие, по мнению народа, более всего способствуют его безопасности и счастью».

Вопросы к семинарским занятиям

1. Охарактеризуйте три типа американских колоний.
2. Почему возникло рабовладение в североамериканских колониях, в чем его отличие от классического рабства?

3. На какие социальные группы разделилось белое население Северной Америки?
4. Как было организовано и как изменялось политическое управление в североамериканских колониях?
5. Как изменялась политика Англии по отношению к колониям?
6. Какие репрессивные акты были приняты Англией после 1763 г. и почему они вызвали протест американцев?
7. Охарактеризуйте идеологию и программу антиколониального движения.
8. В чем состояла новизна памфлета Томаса Пейна «Здравый смысл»?
9. Почему Декларация независимости 4 июля 1776 г. имеет не только национальное, но и всемирно-историческое значение?

Литература

1. Американская цивилизация как исторический феномен / Под ред. Н. Н. Болховитинова. — М., 2001.
2. Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. — М., 1980.
3. Бурин С. Н. Конфликт или согласие? Социальные проблемы Юга США (1642–1763). — М., 1980.
4. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. — М., 1993.
5. История США / Под ред. Г. Н. Севостьянова: В 4 т. — М., 1983–1987. — Т. 1.
6. Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: В 3 т. — М., 1962–1963. — Т. 1.
7. Покровский Н. Е. Ранняя американская философия: пуританизм. — М., 1989.
8. Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут. 1606–1643. — М., 1978.
9. Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд, 1630–1643. — М., 1980.
10. Согрин В. В. Политическая история США. XVII–XX вв. — М., 2001.

Тема 2

Война за независимость и образование США

2.1. Победы армии и демократии

Некоторые историки называют Войну США за независимость, продолжавшуюся с 1776 по 1783 гг., «двойной революцией». Это означает, что в стране совершались одновременно две революции:

- одна, антиколониальная война, была направлена на достижение независимости от Англии и образование самостоятельного государства;
- другая, «внутренняя» революция, преследовала цель изменить в демократическом духе политический строй нового государства.

Обе революции добились успеха, причем первая из них, антиколониальная война, потребовала от американцев наибольших усилий и сопровождалась наиболее драматичными перипетиями.

Война за независимость оказалась в первую очередь делом рук американской армии, которая была создана Континентальным конгрессом еще до провозглашения независимости, когда стало известно, что Англия твердо вознамерилась подавить силой попытки колоний отстаивать свои права и свободы. С момента рождения американской армии ее судьба в сильнейшей мере определялась *Джорджем Вашингтоном* — первым главнокомандующим. Выбор в качестве главнокомандующего Вашингтона оказался одной из самых больших удач Континентального конгресса: этот виргинский плантатор обнаружил выдающиеся полководческие способности, снискал уважение и авторитет среди практически всех американцев. После Войны за независимость он был избран первым американским президентом, причем авторитет его был настолько велик, что никто даже не пытался соперничать с ним.

Война с самого начала потребовала от Вашингтона незаурядного мужества и самообладания. Официальный Лондон был исполнен желания отомстить американским патриотам и открыто угрожал им виселицей.

В разговорах о лидерах антиколониального сопротивления английские джентльмены утрачивали изящество манер и языка. Нашелся британский генерал, который пообещал пройти «из одного конца Америки в другой, кастрировав всех мужчин». «Совершенно очевидно, — писал тогда *Бенджамин Франклин*, — что он принимал нас за разновидность животных, лишь немногим превосходящих диких зверей... На янки смотрели как на мерзкое чудовище, и парламент считал, что петиции подобного рода созданий не подобало принимать и читать в таком собрании мудрецов». Лондон именовал американский Континентальный конгресс «незаконным сбродом», а Вашингтону достался титул «сверхбунтовщика».

Среди лидеров патриотов Вашингтон одним из первых стал терять терпение в связи с длительной примиренческой позицией Континентального конгресса. Ему, как главнокомандующему, уже пришлось вступать в сражения с «красными шкурками», как называли регулярную английскую армию, а конгресс продолжал протягивать парламенту и королю одну «оливковую ветвь» за другой. В январе 1776 г. Вашингтон воспринял как откровение памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл» и распорядился зачитать его во всех вверенных ему воинских частях. Со слова «независимость» наконец-то было снято табу, и главнокомандующий немедленно стал горячим сторонником полной свободы Америки.

Провозглашение Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г. независимости США послужило важным моральным стимулом для молодой североамериканской армии. Цели ее теперь обрели подлинно исторический смысл. Но сама армия к этому моменту представляла подобие партизанских соединений, и от Вашингтона требовались титанические усилия для превращения ее в регулярные вооруженные силы. Если учесть, что протест против создания и содержания регулярных войск значился на одном из первых мест среди заповедей революции и прочно вошел в сознание американцев, можно понять, сколь нелегкая задача выпала на долю главнокомандующего. Кроме того, патриотическое движение исповедовало принцип безусловного верховенства гражданской власти по отношению к военной, что создавало препятствия для утверждения единоначалия в армии.

Солдатская и офицерская масса предпочитала жесткой дисциплине демократический дух милицейских формирований, в армии царил панибратство (одна из первых сцен, поразивших Вашингтона по прибытии в армию, — офицер, бреющий своего солдата). Распространенным было нежелание солдат воевать за пределами своего штата.

Солдаты и офицеры были плохо подготовлены: не раз пушки американской армии после первого выстрела погребали под собой орудийные расчеты. Взявшись за руководство такой армией, ее главнокомандующий должен был проявить недюжинные организаторские, политические и, конечно, полководческие способности.

Вашингтон смог соединить разнообразные методы и приемы утверждения дисциплины в армии. Он не погнушался и методами насилия, добившись введения телесных наказаний (подчас он сам, используя недюжинную физическую силу, выступал в роли усмирителя непокорных), но, учитывая добровольческий характер армии, больше полагался на материальное вознаграждение. С начала революции он выступал за щедрые земельные пожалования армии. Континентальный конгресс, объявивший все свободные территории общегосударственной собственностью, внял аргументам главнокомандующего и издал указ о земельных пожалованиях офицерам и солдатам, дослужившим до конца войны.

Ход и характер военных действий долгое время требовали от Вашингтона особого искусства и изобретательности в организации оборонительных действий. На протяжении шести лет американская армия вынуждена была оставлять один стратегический пункт за другим. В 1775 г. был сдан Бостон, в 1776 г. — Нью-Йорк, а затем пала и первая столица США — Филадельфия. В 1779–1780 гг. театр военных действий переместился из северо-восточных штатов в южные, где англичане продолжали одерживать победы над американцами. Причины успехов англичан были очевидны: регулярная, основывающаяся на многовековых традициях армия брала верх над необученными полупартизанскими соединениями вчерашних фермеров и ремесленников. Удивительными были не победы англичан, а то, что им в течение шести лет так и не удалось нанести сокрушительного удара американской армии.

Изменение хода военных действий в пользу США произошло в значительной мере благодаря заключению в 1778 г. договоров о дружбе, торговле и оборонительном союзе с Францией. Вслед за Францией к числу европейских союзников США примкнула Испания. То были прагматические союзы буржуазной республики и европейских феодальных монархий, направленные против могущественной Англии. Но они сыграли свою роль в утверждении американской независимости. Решающую победу над англичанами американцы одержали в 1781 г. под Йорктауном в союзе с французскими войсками. Вашингтон, главнокомандующий союзных войск, торжествовал свой самый крупный

успех. После этого поражения Англия не видела более возможностей для подавления восставших колоний и прекратила военные действия. В 1783 г. был подписан мир, признававший право США на независимое существование.

На протяжении всей Войны за независимость американцы уделяли огромное внимание внутривнутриполитическим преобразованиям, суть которых составляло формирование новой государственности. Создается впечатление, что для большинства патриотов в этом и заключался смысл революции: ведение войны было явно передоверено Вашингтону, а остальные государственные мужи погрузились в написание и реализацию всевозможных конституционных проектов. В Америке начался своего рода конституционный бум, выразившийся, по словам одного из патриотов, в том, что все американцы, умеющие пользоваться пером, «обратились к написанию конституций».

Это массовое увлечение разъяснил Томас Джефферсон, подготовивший одновременно с Декларацией независимости три проекта конституции для своего родного штата Виргиния: «Сейчас это, по сути, самое увлекательное занятие, которому желает посвятить себя каждый гражданин. В нем смысл всей нашей борьбы. Если у нас утвердится плохое правительство, это будет означать, что вполне можно было жить в согласии с дурным правлением, навязываемым из-за океана, не подвергая себя ненужному риску и не принося жертв на полях сражений».

Причем патриоты, как вспоминал впоследствии Джон Адамс, меньше всего думали о «консолидации огромного континента под началом единого правительства», напротив, они были уверены, что бывшие колонии, которые теперь стали называться государствами (по-английски *states*: в русском языке это английское слово стало транскрибироваться как «штаты». — *Авт.*), навсегда останутся именно «конфедерацией государств, каждое из которых будет иметь отдельное правительство». Это убеждение подкреплялось ссылками на классиков политической мысли, от Аристотеля до Монтескье, доказывавших, что республики, в отличие от монархии, жизнеспособны только на небольших территориях. Американцы сосредоточились на обустройстве каждого отдельно взятого штата.

Среди патриотов не было единства в подходе к государственному устройству. Умеренные вполне удовлетворились бы косметическим ремонтом, а демократы хотели радикальной перестройки. На протяжении всей Войны за независимость успех явно сопутствовал демократам. Сразу после провозглашения независимости все штаты обя-

вили себя **республиками**: как выяснилось, американцы были до этого привержены монархии исключительно по причине сохранения колониальных уз с Англией, а стоило только разорвать их, как они оказались республиканцами. Все органы власти стали в мгновение ока выборными. Во всех штатах были приняты конституции, снижавшие в сравнении с колониальными временами имущественный ценз для избирателей. В результате давление на государственные органы «снизу» существенно усилилось.

В проектах организации государственной власти американские демократы опирались на принципы, ставшие классическими в идеологии Просвещения. Наипервейший среди них — разделение властей. Демократы в Америке дали ему своеобразную трактовку: из трех ветвей власти — законодательная, исполнительная, судебная — самой опасной им казалась исполнительная, поэтому они стремились ее максимально ослабить, возвышая за ее счет законодательную власть как самую близкую, по их мнению, к народу. Во всех штатах законодательным собраниям были переданы традиционные полномочия исполнительной власти: объявление войны и заключение мира, назначение должностных лиц, в том числе членов исполнительной власти, судей, прокуроров, ведение международных дел и заключение договоров, право помилования и другие. В большинстве штатов законодательные собрания получили право избирать главу исполнительной власти и отстранять его за злоупотребления от должности при помощи процедуры импичмента.

Возвысив среди всех ветвей власти законодательную, составители конституций штатов сосредоточились на ее наилучшем устройстве. Признанный европейский авторитет в этом вопросе *III. Монтескье* полагал, что законодательная власть должна воплощать **«смешанное правление»**: *одна ее палата призвана защищать интересы привилегированного сословия, а другая — представлять народ*. Эта схема была воплощена в английском парламенте, который и послужил моделью «смешанного правления» для Монтескье. Считалось, что законодательная власть в колониальной Америке также соответствовала этой схеме.

Американские демократы отвергли «смешанное правление» как ставившее элиту в привилегированное положение. Весьма широкое распространение в период революции получила идея создания **законодательного собрания из одной палаты**, что означало уравнивание представительных прав разных слоев избирателей. Она получила практическое воплощение: однопалатные законодательные собрания были созданы в Пенсильвании, Джорджии и Вермонте. В других

штатах была создана двухпалатная законодательная власть, но назначение верхней и нижней палат, как правило, видели не в разделенном представительстве разных социальных слоев, а в обеспечении внутри законодательной ветви принципа «сдержек и противовесов». Кроме того, во всех случаях нижние палаты пользовались гораздо большими полномочиями, чем верхние. Нижние палаты были и более демократичны. Они повсеместно переизбирались ежегодно, что должно было обеспечить максимальный контроль над законодателями со стороны избирателей.

Подходы, созвучные демократическим доктринам, повлияли на **формирование центральной североамериканской власти**. В глазах большинства патриотов единственной конкретной формой центральной власти накануне революции выступала **метрополия**. Неудивительно, что центральная политическая власть долгое время рассматривалась ими как источник деспотизма и ее искоренение объявлялось одной из важнейших целей Американской революции. Но будучи все же вынужденными создать собственное центральное правительство, патриоты попытались максимально ослабить его. В 1781 г. ими были одобрены **Статьи Конфедерации**, превращавшие союз штатов в крайне зыбкую общность.

Из трех ветвей власти Статьи Конфедерации зафиксировали создание лишь одной, законодательной, в лице Континентального конгресса. Что касается исполнительного органа, то он выступал в качестве некоего придатка законодательного. Сам конгресс состоял из одной палаты, ее депутаты ежегодно сменялись законодательными собраниями штатов и могли быть в любой момент отозваны. Как показала политическая практика революционного периода, члены конгресса воспринимали себя как посланников суверенных республик, обязанных неукоснительно проводить в жизнь волю своих законодательных собраний. Временами правительства штатов как будто вообще забывали о существовании конгресса. В 1784 г. в конгрессе едва наскребли кворум для ратификации договора с Англией, признававшего независимость США.

Но уже в годы Войны за независимость идея слабой центральной власти стала терять сторонников. Постоянное ухудшение экономического и политического положения Конфедерации, отказ правительств штатов от финансовых обязательств перед Континентальным конгрессом и одновременно их неспособность из-за разноречивых интересов и политических позиций справиться с самыми насущными вопросами, в том числе военными, привели к росту популярности сильного

федерального правительства. Этому благоприятствовало и совместное участие американцев в континентальной армии, резкое возрастание в ходе войны общеамериканских проблем.

Централизация государственной власти объективно отвечала общенациональным интересам США, она являлась условием сохранения и развития их экономической независимости, политического престижа на международной арене, где властвовали европейские монархии. Этот смысл и направленность государственной централизации понимали и некоторые видные демократы, среди них Пейн и Франклин. К одобрению централизации подходили и народные массы, преимущественно и в первую очередь городские слои. Существуют многие свидетельства открытых выступлений ремесленников и рабочих, заинтересованных в защите национальной промышленности от иностранной конкуренции и борьбе с инфляцией, в пользу сильной центральной власти. Однако инициатива централизации государственной власти, как и сама организация сильного федерального правительства, оказалась делом рук политической элиты США, использовавшей централизаторские настроения части низов. Американская элита, взяв в свои руки формирование сильного центрального правительства, сумела реализовать собственные социальные интересы и цели и компенсировала экономические и политические потери, которые она понесла на первых этапах революции. Если перестройка государственного управления на первых этапах испытала сильнейшее воздействие демократов, то его консолидация была осуществлена в соответствии с замыслами элиты.

2.2. Конституция 1787 г.: договор элиты и нации

Политическое движение американских верхов, сумевшее инициировать и создать сильное общенациональное государство, получило название **федералистского**. Оно возникло еще в годы антиколониальной войны, и тогда его платформа включала требования резкого расширения экономических, финансовых, военных и внешнеполитических полномочий Континентального конгресса. Эта платформа была несовместима с суверенитетом штатов, как он был закреплён Статьями Конфедерации 1781 г., и предполагала их радикальный пересмотр или даже отмену. После победы над Англией в федералистском движении на первый план выступили социальные мотивы.

Дело в том, что по достижении независимости внутри США резко обострились социальные конфликты. Низы высказывали убеждение,

что революция не выполнила перед ними своих обязательств. Огромная масса фермеров и городских мелких собственников настаивала на широком выпуске бумажных денег, надеясь рассчитаться с кредиторами обесцененными дензнаками. Неимущие и малоимущие патриоты требовали широких конфискаций богатств феодальных лендлордов и их перераспределения. Пользуясь возросшим влиянием в ассамблеях штатов, низы добились практической реализации своих требований: после 1783 г. возросло число законов об эмиссии «дешевых денег», как и о конфискации имущества лендлордов, поддерживавших Англию. Лидеры федералистов усматривали в настроениях низов опасные уравнилельские устремления, угрожавшие крахом собственности и социальным хаосом. Нейтрализовать их призвано было сильное федеральное правительство.

В 1786–1787 гг. лидеры федералистского движения дали идеологическое обоснование необходимости сильного национального правительства, надежно защищающего интересы собственности и верхнего класса. Они отвергли как идеалистические и крайне опасные представления ряда демократов об отсутствии в США социальных антагонизмов и ненужности по этой причине сильного государства. Сами идеологи элиты обнаружили в США разделение на разнообразные социальные классы и неустранимые противоречия между ними. При этом основополагающим объявлялось разделение на два класса, которым были даны простые названия: «богатые» и «бедные», «меньшинство» и «большинство». Четко устанавливался источник разделения общества на два класса. «Неравенство во владении собственностью лежит в основе великого и фундаментального разделения общества на фракции» — это суждение *Александра Гамильтона*, главного федералистского ума. *Джеймс Мэдисон*, другой влиятельный федералист, утверждал: «Наиболее общим и неискоренимым источником разделения общества на фракции является разнообразное и неравное распределение собственности». Вопрос для духовных и политических вождей элиты заключался в том, как обеспечить социальное спокойствие в подобном обществе, надежно защитить и представить экономические и политические интересы фракции богатого меньшинства и примирить с ним большинство.

С такими настроениями и идеями федералисты прибыли на **общественно-американский конвент** в Филадельфию, который заседал с мая по сентябрь 1787 г. Делегаты конвента были уполномочены только исправить Статьи Конфедерации, однако уже в самом начале заседания, нарушив свои полномочия, они отвергли Статьи и обратились к раз-

работке Конституции США. Впоследствии тема принятия Конституции США и ее характера стала предметом ожесточенных споров историков. Одни из них считали конституцию узкоклассовым документом элиты, другие, напротив, видели в ней продукт народного волеизъявления. В действительности конституция оказалась весьма неоднозначным документом: она реализовала интересы американской элиты, но она же воплотила и разнообразные компромиссы между нею и обществом в целом.

Авторы конституции, вошедшие в историю как **отцы-основатели США**, были непосредственно заинтересованы в защите интересов верхнего класса. Но это далеко не исчерпывало их мотивов и видения государственных основ США. В американской конституции воплотились их политическая культура и мировоззрение, которые вмещали богатые конституционные традиции Старого Света, в первую очередь Англии, и политическую философию Просвещения. На конвенте в Филадельфии собрались образованнейшие люди Америки, которых Т. Джефферсон, стоявший на демократических позициях и не участвовавший в конвенте, назвал тем не менее собранием «полубогов». Благодаря образованности и опоре на разнообразные, утонченные и передовые политические учения они смогли создать конституцию, которая в своей основе сохраняется и поныне.

Среди качеств участников конвента, повлиявших на содержание конституции, необходимо особо отметить **политический реализм**. Он проявился в способности авторов конституции соразмерять собственное мировоззрение и интересы с политическими мнениями, широко распространенными в Америке, и находить компромиссы, которые, удовлетворяя классовые интересы верхов, согласовывали их так или иначе с интересами общества в целом. В результате конституция стала не только как договор между разными группами верхнего класса, но также как компромисс и соглашение между ним и политически активными слоями граждан США, а под буржуазный миропорядок была подведена широкая социальная база.

Участники конвента резко и отрицательно отзывались о **демократии**. Но когда некоторые из них поставили вопрос о восстановлении избирательного права дореволюционного периода, большинство делегатов высказались против, сохранив и избирательное право, одобренное конституциями штатов, и новое, более демократичное, чем в колониальный период, распределение избирательных округов. Как подчеркнул *Мэдисон*, названный соотечественниками «философом американской Конституции», если в вопросе об избирательном праве, который,

по всеобщему убеждению, был «фундаментальной статьей республиканского строя», не довериться точке зрения, восторжествовавшей в штатах, то проект федеральной конституции просто-напросто не будет одобрен.

Авторы конституции не подвергли сомнению **принцип разделения властей**, ставший неотъемлемой частью национального политического сознания и рассматривавшийся как главное противоядие от деспотизма. Но разделению властей они дали собственную трактовку, означавшую усиление исполнительной ветви власти за счет законодательной. Протест против умаления роли исполнительной власти оказался одним из главных мотивов конституционного конвента. Особой популярностью среди участников конвента пользовалась концепция «единой и неделимой» исполнительной власти. Она, во-первых, провозглашала наделение таковой во всем объеме одного лица, а во-вторых, означала максимальное отстранение от контроля над аппаратом исполнительной власти законодательного органа.

Достоинство концентрации и централизации исполнительной власти федералисты видели в быстром и эффективном проведении решений в жизнь. Поддержание социального порядка и экономической стабильности на огромной территории США, как и управление таким большим государством, защита его от внешних врагов, доказывали они, возможны лишь при условии принятия быстрых решений и энергичного осуществления их одной сильной рукой. Разделение исполнительной власти между двумя, тремя и большим числом лиц, нашедшее воплощение в ряде штатов, было, по их убеждению, губительно для государства.

Конвент вручил исполнительную власть **президенту США**, переизбираемому каждые четыре года. Президент был наделен всей полнотой исполнительной власти, а также важными законодательными полномочиями. Он имел право издавать президентские указы и пользовался правом **отлагательного вето** в отношении решений законодательного органа. Чтобы преодолеть президентское вето, законодателям при повторном обсуждении необходимо было собрать не менее двух третей голосов. Как показал последующий американский опыт, преодоление президентского вето крайне затруднительно (оно происходит примерно в одном случае из десяти).

Филадельфийский конвент отказался вверить избрание президента рядовым избирателям или законодательному собранию, что было бы аналогом практики избрания главы исполнительной власти в штатах. Президента избирали специальные выборщики, при этом в пер-

вых президентских избирательных кампаниях только в четырех штатах право избрания выборщиков было доверено рядовым избирателям, а во всех остальных штатах они отбирались законодательными собраниями. Прошло несколько десятилетий, прежде чем назначение выборщиков повсеместно оказалось в руках избирателей.

При обсуждении законодательной ветви власти большинство делегатов высказались в пользу выделения в ней двух палат. При этом верхняя палата — **сенат** — должна была сдерживать демократические перекосы в деятельности нижней палаты и особо заботиться об интересах элиты. Залогом умеренности сената являлись его малочисленность и длительный срок полномочий сенаторов. Право избрания сенаторов было вверено не рядовым избирателям, а законодательным собраниям штатов. Схема организации нижней палаты была более демократичной в сравнении с сенатом, но менее демократичной в сравнении с нижними палатами законодательных собраний штатов.

При всем том, что препарирование авторами федеральной конституции разделения властей носило в целом умеренно консервативный характер, оно включило одну оригинальную либеральную черту, которая в наше время стала неотъемлемой частью всех демократических конституций. Имеется в виду механизм **«сдержек и противовесов»**, согласно которому ветви власти не просто разделены, но также сдерживают и контролируют друг друга. Обширными возможностями контроля обладал президент: он имел право законодательного вето и назначения членов Верховного суда. Но и законодательная ветвь получила возможность контролировать исполнительную власть: сенат давал президенту «совет и согласие» по вопросам правительственных и судебных назначений. Кроме того, конгресс мог отстранить президента от должности в случае серьезных нарушений им государственных законов и морально-этических норм.

Консерватизм конвента проявился в том, что первоначально он отказался включить в федеральную конституцию **«Билль о правах»**, который имелся во всех конституциях штатов и содержал перечень основополагающих гражданских и политических прав американцев. Сами авторы федеральной конституции пытались объяснить свой отказ именно тем, что «Билль о правах» был включен в конституции штатов. На это их критики резонно замечали, что если бы Конституция США, подобно Статьям Конфедерации, сохраняла полный суверенитет штатов, тогда позиция ее составителей была бы объяснима, но поскольку федеральная конституция объявлена высшим законом по отношению к конституциям штатов, а федеральное государство возвышено над

штатами, постольку включение в основной закон США «Билля о правах» обязательно.

Отсутствие «Билля о правах» в проекте федеральной конституции оказалось в глазах американского общества самым уязвимым ее местом. Во время обсуждения проекта ратификационными конвентами штатов большинство из них согласилось одобрить основной закон только при условии дополнения его «Биллем о правах». В 1789 г. Мэдисон внес на рассмотрение конгресса США проект дополнения федеральной конституции первыми десятью поправками, которые и стали известны как «Билль о правах». В 1791 г. процесс их одобрения был завершен.

Принятие федеральной конституции подвело черту под формированием основ североамериканского государства. Оно стало главным событием завершающего этапа Американской революции. На этом этапе американская элита предприняла мощную и успешную попытку консолидации политической власти в своих руках. Выработанная ею и одобренная необходимым большинством штатов федеральная конституция отсекала или ограничивала «перехлесты» политической демократии и тенденции социального эгалитаризма, которые в предшествующий период нашли широкое выражение в действиях низов и в законодательной практике многих штатов. Но принятие федеральной конституции было не контрреволюцией, а именно завершающей и одновременно консервативной фазой революции, означавшей нормализацию буржуазного миропорядка, приведение завоеваний революции в соответствие с интересами тех элитных групп, которые участвовали в революции и благодаря ей закрепили господствующие позиции в экономике и социальной структуре.

Консервативная фаза Американской революции оказалась гораздо мягче Термидора — консервативной фазы Французской революции конца XVIII в., ибо элита США сочла необходимыми и возможными разнообразными компромиссы с неэлитными слоями, что подвело под американский миропорядок весьма прочную социальную базу. Элита США придала конституции форму общественного договора с нацией, который налагал на правителей и управляемых взаимные обязательства.

2.3. Джефферсон и Гамильтон: судьбоносный спор

На двенадцатом году провозглашения независимости в США было создано прочное национальное правительство и, как казалось многим, появилась основа для преодоления между штатами разногласий, социальных конфликтов и политических распри. Однако, как вскоре вы-

яснилось, такие взгляды были не более чем иллюзией. Правда, первые национальные выборы в США продемонстрировали единение граждан: они сплотились вокруг Джорджа Вашингтона, единодушно избранного президентом страны. На внепартийной основе было создано первое правительство США. Однако практически сразу после принесения Вашингтоном присяги и открытия заседания палаты представителей и сената началось формирование враждебных политических фракций. По иронии судьбы, Вашингтон, ярый противник фракционных размежеваний, назначил на два ключевых поста в правительстве (министр финансов и государственный секретарь) создателей политических партий-соперниц — 34-летнего *Александра Гамильтона* и 46-летнего *Томаса Джефферсона*.

Гамильтон возглавил **Федералистскую** партию, а Джефферсон — **Республиканско-демократическую**. Соперничество двух партий и их лидеров отразило серьезные разногласия в рядах американской элиты и глубокое различие представлений о путях развития североамериканского общества. Сразу после принятия конституции вышел наружу конфликт между торгово-финансовыми и аграрными кругами. В период принятия конституции они были сплочены, столкнувшись с угрозой социального и экономического хаоса, но после ее одобрения на первый план выступило серьезное различие их социально-экономических интересов. Федерализм образца 1787 г. начал рушиться, а утверждение на ведущей позиции в американском правительстве Гамильтона (министр финансов стал играть роль премьера), подчинившего Федералистскую партию интересам северо-восточного капитала и пренебрегшего интересами аграриев, привело к отходу от федералистов основной группы политиков-южан во главе с Мэдисоном.

Выразительницей аграрных интересов стала Республиканско-демократическая партия, созданная совместно Джефферсоном и Мэдисоном при безусловном верховенстве первого. Союз двух политиков выглядел в ряде отношений странным: между ними существовали серьезные мировоззренческие различия. Джефферсон мечтал об обращении США в республику фермеров, обосновывал главенствующую роль сельских сходов и городских собраний, демократического самоуправления мелких собственников. Мэдисон же настаивал на недопущении к политической власти простолюдинов и передаче ее выборной элите. Что же объединило этих людей?

Политическому партнерству двух виргинских политиков способствовала разнящаяся по мотивам, но решительная оппозиция гамильтоновскому плану развития Соединенных Штатов, расчищавшему

путь финансовому и торгово-мануфактурному капиталу за счет аграрных интересов страны. Смягчение разногласий оказалось возможным благодаря тому, что оба политика были в высшей степени способны к компромиссам ради общей цели. Им обоим был свойствен политический прагматизм (очень ярко он проявился в отношении Джефферсона и Мэдисона к рабству: теоретически осуждая его с позиций естественно-правовой теории века Просвещения, они на практике отдавали должное интересам плантаторов).

На ведущей позиции в Республиканско-демократической партии с самого начала оказались плантаторы, а в Федералистской — политики, связанные с торгово-финансовым капиталом. У обеих партий была и массовая поддержка. Более широкой и демократичной она оказалась у джефферсоновской партии — ее поддерживала основная масса мелко-го фермерства, в то время как федералисты опирались по преимуществу на благополучных горожан и владельцев преуспевающих плантаций и ферм. Тем не менее федералисты во главе с Гамильтоном главенствовали в американской политике на протяжении более чем десяти лет после принятия конституции.

Гамильтон предложил широкую программу государственного покровительства финансам, торговле, промышленности. Он потребовал полностью погасить государственные долги, что было выгодно финансовому капиталу, сосредоточившему в своих руках практически все долговые обязательства Континентального конгресса эпохи Войны за независимость (большая часть этих обязательств состояла из долговых расписок, выдававшихся американским солдатам, которые, в свою очередь, не надеясь на возмещение долга, перепродавали расписки за бесценок финансовым воротилам). Министр финансов откровенно указывал, что цель полного возврата государственного долга — **создание прочного альянса правительства и денежного капитала.**

Добившись успеха в этом вопросе, Гамильтон затем навязал законодателям создание **Национального банка** на условиях, также выгодных северо-восточному финансовому капиталу. С особой настойчивостью Гамильтон проповедовал идею создания в стране **крупных мануфактур.** На возражения оппонентов, доказывавших несостоятельность плана развития больших предприятий в силу нехватки рабочих рук и отсутствия крупных состояний, он приводил весомые контраргументы. Ручной труд на предприятиях, указывал Гамильтон, уступит место машинному, и при условии энергичного внедрения новых технических изобретений на мануфактурах дефицит рабочей силы может быть легко преодолен. Кроме того, в США, по его мнению, совершен-

но не использовался опыт по привлечению на мануфактуры женщин и детей. Что же касается отсутствия в стране достаточного количества крупных индивидуальных состояний, необходимых для массового развития больших предприятий, то эта проблема, разъяснял Гамильтон, будет легко разрешена с созданием Национального банка, который предоставит ссуды на любую сумму любому количеству предпринимателей. Несмотря на отчаянное сопротивление оппонентов, предложения Гамильтона получили поддержку со стороны законодательной и исполнительной власти.

Джефферсон и его сторонники решительно возражали против плана индустриализации США, который, по их убеждению, был чреват массовой пролетаризацией населения, разделением его на богатых и бедных, разрушением социальной однородности и гармонии, крахом республиканских добродетелей, распространением коррупции и, в конечном итоге, утверждением господства финансовой олигархии. Согласно их плану, правительство должно было использовать величайшее естественное преимущество США над Старым Светом, заключавшееся в наличии у государства огромного фонда свободных земель, который позволял обращать в добродетельных и обеспеченных фермеров любое количество граждан. Такие фермеры являлись, кроме того, единственной надежной опорой республики и демократии. Фермерский путь развития США должен быть главенствующим, а промышленность и финансы — подчинены ему.

Критикуя Гамильтона, джефферсоновцы то и дело допускали пропагандистские передержки: они, например, объявляли министра финансов противником республики и сторонником введения в США монархии, хотя Гамильтон, глубоко презиравший демократию и предпочитавший ей сильную власть элиты и президента, вместе с тем не вынашивал никаких антиреспубликанских планов. Джефферсоновцы стремились дискредитировать Гамильтона и как личность: затеяли расследование его финансовых дел, не гнушались копаться в его любовных похождениях. Впрочем, Гамильтон и его сторонники платили им той же монетой: бездоказательно объявляли демократов французскими шпионами, а Джефферсона клеймили как безбожника и развратника (в вину ему вменялась любовная связь с чернокожей рабыней Салли). Политическая практика молодой республики обнаружила, что в условиях острой борьбы за голоса избирателей политики легко пренебрегали принципами морали, не гнушались всевозможными передержками и ложью.

Непримиримая полемика между джефферсоновцами и гамильтоновцами при ближайшем рассмотрении обнаруживает одну странность,

которая в исторической ретроспективе приобретает характер закономерности. Обе партии демонстрировали одобрительное отношение к общественно-политическим и государственным основам, закрепленным конституцией 1787 г., а Джефферсон твердо заявлял о намерении сопротивляться Гамильтону в рамках утвержденной ею государственно-правовой системы. Избранная Джефферсоном и его партией форма политической оппозиции означала закладку краеугольного камня двухпартийной системы США — консенсуса (согласия) — в поддержание и упрочение основ американского миропорядка. Основа консенсуса — верность обеих партий федерально-республиканскому устройству, конституции 1787 г., рыночной экономике, в целом общественным принципам, восторжествовавшим на завершающих этапах Американской революции, — проявилась как в идеологии, так и в политической практике.

Но между партиями были и различия, в ряде отношений — глубокие и принципиальные. Главное выражалось в приверженности разным — **индустриальному и аграрному** — путям национального экономического развития. Серьезными были и политические различия, выразившиеся, в частности, в представлениях о способах упрочения американских основ. Гамильтон и его последователи выступили за «замораживание» либерально-республиканских преобразований Американской революции и упрочение тех институтов и законов, которые соответствовали узким интересам верхнего класса. Партия федералистов, находившаяся у власти в 1790-е гг., зарекомендовала себя партией порядка.

Джефферсоновцы, напротив, проявили себя сторонниками развития и умножения демократических нововведений Американской революции, распространения демократических прав и свобод на новые слои населения. Джефферсоновская политическая стратегия обеспечила им более широкую поддержку, что в конечном итоге способствовало оттеснению ими федералистов от государственной власти.

Джефферсон был избран президентом в 1800 г. и переизбран на эту должность четыре года спустя. После него в период с 1809 по 1817 г. президентский пост занимал Мэдисон, так что Республиканско-демократическая партия имела хороший шанс реализовать свои принципы. Демократические меры пришлось главным образом на период правления Джефферсона. При нем была пересмотрена **налоговая политика**, что оказалось выгодным в первую очередь фермерам, ремесленникам и рабочим. Были существенно облегчены условия доступа к государственному земельному фонду для простого люда. Джефферсон восстановил в полном объеме действие «Билля о правах», который неоднократно ограничивался в период пребывания у власти фе-

дералистов. В 1807 г. конгресс США одобрил закон, запретивший ввоз в страну рабов. Демократические начала американского общества вследствие этих и других реформ были упрочены.

Но все же ни Джефферсону, ни тем более Мэдисону не удалось отменить те тенденции социально-экономического развития, которые были заложены преобразованиями Гамильтона. А англо-американская война 1812–1815 гг. вдохнула новую жизнь в гамильтоновскую концепцию государственного покровительства промышленности, торговле и финансам. Как выяснилось, без этих трех экономических столпов сохранение национальной независимости США и упрочение их военно-политических позиций было невозможно. В 1816 г. после истечения хартии первого Национального банка по инициативе Мэдисона был создан второй Национальный банк. Мэдисон также энергично высказывался в пользу интенсивного развития мануфактур и указывал, что при рассмотрении вопроса о тарифах следует принимать во внимание потребности национальной промышленности. Страна, доказывал Мэдисон под впечатлением уроков англо-американской войны, крайне заинтересована в строительстве «дорог и каналов», что могло быть лучше всего осуществлено под началом сильного национального правительства.

Федералисты заявляли, что Мэдисон и Республиканско-демократическая партия «обокрали» Гамильтона и его сторонников. В действительности же Джефферсон и его преемники проявили трезвый реализм, интегрируя в свою политику те гамильтоновские начинания, без которых Соединенные Штаты не могли обеспечить динамичного и гармоничного развития собственной экономики и достойного положения в мире.

Вопросы к семинарским занятиям

1. Почему Войну США за независимость называют «двойной революцией»?
2. Охарактеризуйте основные экономические, социальные и политические нововведения Войны США за независимость.
3. Сравните Статьи Конфедерации 1781 г. и Конституцию США 1787 г. Раскройте различия между ними.
4. Раскройте основные доктрины Конституции США. Какие ее положения сохранились по сегодняшний день и почему?
5. Сравните и раскройте сходство и различия в программах и идеологии Федералистской и Республиканско-демократической партий США.

6. Охарактеризуйте политический курс правительств Дж. Вашингтона и Д. Адамса.
7. Что такое «джефферсоновская демократия» и какие изменения она внесла в американское общество?
8. Почему джефферсоновские республиканцы одобрили ряд положений Федералистской партии?

Литература

1. Американские просветители. Избранные произведения в 2 томах. — М., 1969.
2. *Бэррес Р.* Документы американской революции. — М., 1994.
3. Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. — М., 1976.
4. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 / Под ред. Э. А. Иваняна. — М., 2001.
5. *Нитобург Э. Л.* Негры США. XVIII — начало XX в. — М., 1979.
6. *Печатнов В. О.* Гамильтон и Джефферсон. — М., 1984.
7. *Согрин В. В.* Идеиные течения в американской революции XVIII века. — М., 1980.
8. *Согрин В. В.* Основатели США. Исторические портреты. — М., 1983.
9. Становление американского государства / Под ред. А. А. Фурсенко. — СПб., 1992.
10. *Ушаков В. А.* Америка при Вашингтоне (Политические и социально-экономические проблемы США в 1789–1797 гг.). — Л., 1983.
11. *Фурсенко А. А.* Американская революция и образование США. — Л., 1978.
12. «Федералист»: политические эссе А. Гамильтона, Д. Мэдисона и Дж. Джея / Под ред. Н. Н. Яковлева. — М., 2000.

Тема 3

Эра джексоновской демократии

3.1. Экономический подъем и социальные следствия

Англо-американская война 1812–1815 гг. определяется нередко как вторая Война США за независимость. У этой войны было несколько причин, а одна из наиболее важных заключалась в нежелании Англии предоставить Соединенным Штатам возможность вести себя на международной арене как подлинно суверенное государство. Грубое нарушение Англией морских прав США явилось непосредственной причиной объявления Соединенными Штатами войны бывшей метрополии. Война велась с переменным успехом и внешне закончилась без ощутимых потерь или приобретений враждующих сторон. Но в долгосрочной перспективе выигрыш оказался на стороне Соединенных Штатов, упрочивших внешнеполитические позиции и экономическую самостоятельность.

Особую пользу из войны извлекла американская экономика. Отрезанная от традиционного английского импорта, она «напряглась», включила на полную мощь внутренние резервы и дала жизнь многим новым промышленным производствам. Начинается ускоренное развитие хлопчатобумажной, шерстяной, металлургической промышленности. Экономический скачок был не только количественным, но и качественным. В стране начинается смена капитализма мануфактурного, то есть основанного на ручном труде, капитализмом промышленным, основанным на машинном производстве. Промышленная революция, как называют это явление историки, стимулировала и аграрную экономику, в развитии которой особое значение имело стремительное, как никогда прежде, освоение огромных западных территорий.

Не все, но все же очень многие историки признают в качестве главного стимулятора новых достижений американской экономики именно войну 1812–1815 гг. Глубину последовавших экономических изменений принято иллюстрировать с помощью цифр, характеризующих экономический рост на протяжении четырех десятилетий.

В США, как и в Великобритании, являвшейся родиной промышленной революции, ведущая роль в смене мануфактурного капитализма фабрично-заводским принадлежала **текстильной промышленности**. Она сконцентрировалась в северо-восточных штатах, а бум текстильного производства характеризуют следующие цифры: с 1817 по 1837 г. выпуск тканей увеличился с 4 до 308 млн ярдов, то есть в 77 раз. Затем индустриализация распространилась и на другие отрасли.

Бум в промышленности сопровождался бумом на транспорте. В начале XIX в. американцы сосредоточились на создании сетей сухопутных дорог: этот процесс получил название **«внутренних усовершенствований»**. В 1817 г. началась эпоха водных каналов. Сначала построили канал Эри, главную северо-восточную магистраль, которая стала быстро приносить прибыль. К 1850 г. длина каналов, покрывших густой сетью по преимуществу северо-восток США, составила 3700 миль (около 6000 км).

В 1830 г. была построена первая железная дорога, а к 1860 г. длина железных дорог в США составила 31 тысячу миль (около 50 000 км) — столько же, сколько во всем остальном мире. Несмотря на то что железные дороги более чем в 8 раз превосходили по длине водные каналы, значение последних в становлении национального рынка не следует преуменьшать. Дело в том, что строительство каналов обходилось дешевле, тарифы за перевозки на них были ниже, поэтому многие предприятия, особенно расположенные близко от каналов, предпочитали перевозить свою продукцию водным путем. Но со временем железные дороги, имевшие многие другие преимущества (скорость перевозок, их объемы и т. д.), стали преобладающим транспортным средством. Строительство дорог, каналов и железнодорожных магистралей породило одну важную новую черту в структуре американского капитализма. Поскольку оно потребовало огромных капиталовложений, возникла и укоренилась **корпоративная форма бизнеса**. Соответственно, возросла численность предпринимательского класса, а корпорации выдвинулись на верхнюю позицию в мире бизнеса.

В период с 1820 по 1860 г. удельный вес городского населения увеличился в США с 7 до 20 %. Это был самый высокий темп урбанизации в американской истории. Но все же и в эти десятилетия аграрная экономика преобладала над промышленностью, а сельское население многократно превосходило городское. Появились миллионы новых сельских хозяев, осваивавших западные территории. Многие историки длительное время полагали, что это были вчерашние промышленные рабочие, и приписывали западу роль социального «предохранни-

тельного клапана» (обращая рабочих в фермеров, западные земли снимали классовый конфликт между пролетариатом и предпринимателями). На современном этапе большинство историков полагает, что на запад устремлялись не промышленные, а сельскохозяйственные рабочие, а также арендаторы и дети фермеров из северо-восточных штатов. Это обстоятельство, однако, не отменяет факта стремительного роста численности новых мелких сельских собственников, имевших собственные социально-политические интересы.

Плоды экономического роста распределялись неравномерно. Социальное расслоение по мере успешного развития капитализма, как предсказывал еще Гамильтон, не только не ослабевало, но даже усиливалось. Согласно подсчетам авторитетных современных историков, в 1776 г. верхний один процент белых американцев владел 12,6 % национального богатства, а верхние десять процентов — половиной всех богатств. В 1860 г. доля богатства верхнего одного процента возросла до 29 %, а верхних десяти процентов — до 73 % национального богатства. За этот период доля, доставшаяся 90 % американцев, уменьшилась, следовательно, с 50 до 27 %.

Наращение экономических различий не означало, что положение нижних слоев вообще становилось хуже. Так, реальная заработная плата рабочих за период с 1815 по 1860 г. увеличилась в полтора раза. Но если учесть, что доход среднестатистического американца за тот же период вырос вдвое, можно заключить, что прибавка национального богатства доставалась в гораздо больших пропорциях верхнему классу. В этот период американские рабочие, пусть и в меньшей мере, чем их европейские собратья, столкнулись с пороками, характерными для первоначальной, «дикий» стадии капитализма. Ненормированный рабочий день, распространявшийся не только на мужчин, но также на женщин и детей, недоедание, бродяжничество — эти и другие «родимые пятна» юного капитализма, известные уже несколько десятилетий в Англии, распространились и в Америке. В 1819 г. страна узнала еще об одном негативном следствии бурного промышленного развития — **кризисе перепроизводства**.

С экономическими тяготами столкнулся не только молодой рабочий класс, но и новые собственнические слои, в первую очередь фермеры. Многих из них разорил или загнал в финансовую кабалу кризис 1819 г. Когда же новые собственники пытались найти причину своих неудач, то чаще всего возлагали вину на диктат вскормленной Гамильтоном «денежной аристократии», оплотом которой в их глазах стал Национальный банк США.

С 1816 г. в США существовал второй Национальный банк. И хотя в отличие от первого Национального банка он был детищем не федералистского, а республиканско-демократического правительства, второй Национальный банк, как и первый, олицетворял для многих унию денежных тузов и государства. Правительство располагало 20 % его капиталов и назначало одну пятую часть директоров. Этого было недостаточно, чтобы подчинить банк воле государства, и на практике им управляли ведущие американские финансисты, использовавшие в своих интересах привилегии, дарованные банку правительством. В глазах многих американцев, особенно начинающих предпринимателей, Национальный банк был монополией, мешавшей развернуться провинциальным банкам: он препятствовал честной конкуренции, лишал соперников равенства шансов, использовал свои привилегии для обогащения северо-восточных финансистов и грабежа мелкой сошки.

Из разных штатов поступали энергичные протесты против деятельности Национального банка. Жалобы на финансового спрута порой противоречили друг другу: рабочие северо-восточных штатов, например, обвиняли банк в том, что контролируемая им денежная эмиссия ведет к инфляции, в то время как фермеры запада полагали, что банк искусственно сдерживает печатание денежных знаков. Противоречие объяснялось различием интересов: рабочие негодовали по поводу постоянного роста цен, в первую очередь на питание, фермеры же полагали, что покупателям не хватает денежных знаков на приобретение их продукции. Беды их были разными, но приписывались они одному источнику — Национальному банку.

Насколько обоснованным было обвинение банка в монополизации финансовой сферы? Внешне оно не являлось очень убедительным: банк непосредственно распоряжался не более чем одной третью финансовых ресурсов страны. Но он располагал механизмами и привилегиями, которые позволяли диктовать свою волю в финансовой сфере. Возможности своего финансового господства Национальный банк продемонстрировал уже в момент создания. В 1817 г., основываясь на распоряжении конгресса США, Национальный банк потребовал от провинциальных банков возвращать долги не в бумажных деньгах, а звонкой монетой. Это привело к перенапряжению ресурсов местных банков, росту банкротств, обострению проблемы долгов мелких предпринимателей и фермеров, особенно в западных и южных штатах. Экономический кризис 1819 г. прямо увязывался ими с происками денежных воротил из Национального банка.

Законодательные собрания штатов стали принимать законы, защищавшие местных предпринимателей и ограничивавшие всевластие «монстра», как нарекли Национальный банк. Мэрилендская легислатура одобрила закон о суровом налогообложении местного отделения Национального банка. На защиту последнего встал Верховный суд США. Действия Национального банка и поддерживавших его федеральных властей вызывали растущее недовольство среди новых предпринимательских слоев, фермерства, рабочих.

3.2. Виги и демократы

В первой четверти XIX в. во многих штатах были приняты законы, расширявшие возможности простых американцев выражать свой протест с помощью избирательных бюллетеней. К середине 1820-х гг. имущественный ценз сохранялся только в 3 из 24 имевшихся тогда штатов. Наряду с демократизацией избирательного права была проведена еще одна важная реформа — повсеместная передача права избрания президентских выборщиков от легислатур штатов рядовым избирателям. Между тем партия джефферсоновских республиканцев, чей приход к власти в начале века породил все эти реформы, стала сама постепенно сдвигаться все более вправо (это особенно проявилось после ухода Джефферсона в отставку при его преемниках на президентском посту — *Д. Мэдисоне* и *Д. Монро*). Руководство партии тесно смыкалось с верхними социальными слоями, среди которых усиливалось влияние финансово-банковских кругов. У рядовых избирателей появлялось все больше оснований для того, чтобы использовать демократические нововведения в целях наказания переродившегося руководства джефферсоновской партии.

По формальным меркам джефферсоновские демократы добились наибольшего политического влияния в стране в период англо-американской войны 1812–1815 гг., когда им удалось практически вытеснить Федералистскую партию с национальной политической арены и утвердить свою монополию в управлении страной. Но могущество партии стало подтачиваться внутренними противоречиями. Большая часть партии была недовольна тем, что руководство восприняло ряд положений гамильтоновской программы и допустило в свои ряды финансовую аристократию. Партия раскололась на фракции, которые постепенно превращались в самостоятельные партии. Одна крупная фракция, во главе которой стояли «перерожденцы», вскоре выступила под именем **Вигской партии**, а другая, поклявшаяся восстановить

джефферсоновские идеалы, взяла имя Демократической партии. Создателем и лидером Демократической партии оказался *Эндрю Джексон*.

Эндрю Джексон быстро добился впечатляющих успехов. В 1828 г. он был избран президентом США, а в 1832 г. переизбран в этой должности. Им и его преемниками были проведены разнообразные реформы, способствовавшие либерализации американского общества, так что у современников и историков были весомые основания назвать вторую четверть XIX в. эрой «джексоновской демократии».

Джексон был первым американским политиком, который мог бы претендовать на звание народного президента. Основанием для этого было уже его происхождение и способ вхождения в верхний класс: в отличие от шести его предшественников на президентском посту, всех без исключения выходцев из американской элиты, Джексон родился в бедной семье, рано осиротел и проделал путь наверх, полагаясь исключительно на собственные усилия и ум. Его путь к богатству и известности воплотил популярную национальную идею — «человек, сделавший самого себя» (*selfmade man*).

Джексону удавалось совершать одновременно восхождение и по экономической, и по государственной лестнице. Обосновавшись в штате **Теннесси**, Джексон сумел стать преуспевающим плантатором и предпринимателем. В возрасте 29 лет он был избран членом нижней, а год спустя — и верхней палаты конгресса США. В первой четверти XIX в. он занимал посты члена Верховного суда штата Теннесси, военного губернатора **Флориды**, сенатора США.

Другая черта Джексона, обеспечившая ему популярность в народе, — **неизменный демократизм политических высказываний**. Уже дебютируя на политической арене в конце XVIII в., он проявил себя твердым джефферсоновцем: требовал отмены имущественного ценза для избирателей, государственного невмешательства в экономику и равных стартовых и конкурентных возможностей для всех американцев, продажи западных земель по низким ценам представителям нижних слоев, разделения и разграничения полномочий центра и штатов. Он жестко критиковал за аристократизм и элитарность политику Дж. Вашингтона и второго президента, федералиста Д. Адамса. В период «перерождения» джефферсоновской партии Джексон выступил под знаменем «старых республиканцев»: развенчивал сращивание правительства с финансами и бизнесом, отрыв государства от народа и коррупцию, отстаивал право доступа всех американцев к государственным должностям. Одним из главных объектов его атак был Национальный банк.

Еще одна черта Джексона, обеспечившая ему широкую популярность среди избирателей, — **нацеленность на экспансию**, расширение американских территорий любой ценой. Экспансионизм был неотъемлемой чертой американского массового сознания: в приобретении и завоевании новых территорий граждане США видели залог не только процветания страны, но и личного благополучия. Джексон был не только идеологом, но и самым удачным практиком экспансии. В период войны 1812–1815 гг., в которой Джексон сражался в чине генерала, он не только одержал самую громкую победу над англичанами (в январе 1815 г. под **Новым Орлеаном**), но и разгромил множество индейских племен, отняв у них три пятых нынешней Алабамы и одну пятую Джорджии. В конце 1810-х гг. его усилиями была завоевана **Флорида** и разгромлены племена семинолов. Кредо Джексона — индейские территории должны быть заселены американцами — вдохновляло миллионы соотечественников.

Джексон и объединившиеся вокруг него политики уверенно утвердились на ведущей позиции в американской политике. Демократическая партия в течение двадцати лет, начиная с 1828 г., побеждала на четырех президентских выборах из пяти, а если учесть, что во время вигского президентства (1841–1845 гг.) верховная исполнительная власть перешла от скоропостижно скончавшегося *У. Гаррисона* к вице-президенту *Д. Тайлеру*, откровенно симпатизировавшему демократам, то тогда джексоновскую эпоху можно без экивоков назвать периодом господства демократов. В глазах современников, раз за разом приводивших к власти Демократическую партию, между нею и вигами существовали серьезные и принципиальные различия.

Американские историки на протяжении длительного периода также рассматривали демократов и вигов как радикально отличающиеся партии. Но с середины XX в. среди историков возобладал другой подход, отрицающий существование серьезных отличий между партиями. В действительности же у демократов и вигов было как сходство, проявлявшееся в отношении к американским первоосновам, так и отличие, заключавшееся в разных представлениях о целях и путях совершенствования общества. Ни виги, ни демократы не ставили под сомнение частную собственность, республиканизм, федерализм, разделение властей, социальную стратификацию. Демонстрируя приверженность мирному конституционному соперничеству, они приняли запрет на обсуждение главной взрывоопасной темы — рабства. Но партии различались в вопросе о том, как экономические блага и политические права должны распределяться между разными слоями белого населения.

Совокупность накопленных исторической наукой данных свидетельствует, что руководство обеих партий состояло из верхних слоев американского общества, но вместе с тем новые и менее богатые элитные слои пополняли по преимуществу Демократическую партию, а актив вивгов составляли уже устоявшиеся и более богатые слои верхнего класса. А после начала джексоновских реформ соотношение американцев из верхнего класса стало резко меняться в пользу вивгов. Таким образом, сравнение социального состава руководства и актива двух партий позволяет увидеть в их соперничестве признаки «революции элит»: новые верхние слои или претенденты на элитные места пытались использовать Демократическую партию для того, чтобы потеснить старые, в первую очередь финансовые, элитные группы.

Разношерстным был социальный состав избирателей, голосовавших за две партии. Представители средних и нижних слоев разделились в партийных симпатиях. Но характерна тенденция: экономически более развитые и коммерциализированные районы страны чаще отдавали предпочтение вивгам, а экономическая «периферия» и только вступающие на ноги регионы возлагали надежды по преимуществу на Демократическую партию.

Показательны этнические и религиозные различия избирателей двух партий. Большинство протестантов и коренных американцев голосовали за вивгов, а католики и иммигранты — за Демократическую партию. Подобное разделение включает в себе очевидный социальный подтекст: коренные американцы, в первую очередь протестанты, обладали экономическими и политическими преимуществами в сравнении с иммигрантами, среди которых тогда в большинстве были немцы и ирландцы католического вероисповедания. Поддержка коренными американцами и протестантами Вивгской партии проистекала из желания сохранить эти преимущества, в то время как стремление иммигрантов и католических общин сплотиться вокруг Демократической партии, обещавшей последовательно бороться за «равенство возможностей», означало попытку перераспределения и обновления социальных позиций, укоренившихся в американском обществе. В целом сравнение социальной опоры и руководства двух партий позволяет заключить, что экономически и социально приниженные слои были склонны в большей степени поддерживать Демократическую партию.

В каждой из партий сочетались противоречивые тенденции. Реформаторское крыло демократов состояло по преимуществу из представителей северо-восточных штатов во главе с *М. Ван Бюреном*. На левом фланге находились и более радикальные группы, защищавшие

интересы западных фермеров и северо-восточных рабочих. На правом фланге им противостояла крупная фракция южных плантаторов. Джексон по мере углубления своего реформаторского курса смыкался более тесно с «левыми» фракциями, а в целом магистральную линию Джексона и демократов, если воспользоваться современной политической терминологией, можно определить как **левоцентристскую**.

Среди фракций Вигской партии главное место принадлежало группе *Г. Клея*. Программа Клея вошла в историю под именем **«Американской системы»**. Ее главные требования: высокие протекционистские тарифы, поддержка централизованной финансовой системы и Национального банка, активное участие федерального правительства в строительстве дорог, каналов и других «внутренних улучшениях», освоение западных территорий — пользовались поддержкой прежде всего среди северо-восточных торгово-промышленных и финансовых кругов. Но у Клея были сторонники и среди фермеров, в первую очередь благополучных. Клей вошел в историю как мастер политических компромиссов и даже получил имя **«великого миротворца»**. Главными компромиссами, связанными с именем Клея, стали соглашения 1820 и 1850 гг., касающиеся проблемы рабства. Фракцию Клея, самую многочисленную в Вигской партии, можно определить как **консервативно-либеральную и правоцентристскую**.

На правом фланге вигов наиболее заметной была фракция политиков из штатов Новой Англии во главе с *Д. Уэбстером*. Как наследники принципов А. Гамильтона и федералистов, они наиболее последовательно защищали позиции финансово-торговой элиты, приоритет федерального правительства и жестко критиковали демократические нововведения. Консервативную позицию занимала также южная группировка вигов, одним из лидеров которой в 1840-х гг. оказался *А. Стеффенс*, в будущем создатель рабовладельческой **Конфедерации южных штатов**.

Социальный состав и демократов, и вигов был, как видно, разнородным и, основываясь только на нем, провести различия между партиями весьма затруднительно. Гораздо более существенными оказались **идеологические различия между демократами и вигами**. Ядро социально-экономических взглядов Демократической партии составляли идея равенства возможностей и антимонополизм. Кредо Демократической партии лучше всего было выражено самим Джексоном в ходе конфликта с конгрессом США по поводу Национального банка: «Заслуживает сожаления, что богатые и имущие столь часто используют правительственные законы для эгоистических целей. Различия в обществе сохранятся при любом справедливом государственном управлении.

Равенство талантов, образованности и состояний не может быть утверждено общественными институтами. Но законы обязаны защищать равное право каждого на пользование господними дарами, изделиями промышленности, всей экономики, как и собственными добродетелями. Когда же законы используются для того, чтобы к этим естественным и справедливым благам добавить искусственные различия, даровать титулы, денежные подношения и искусственные привилегии, в результате чего богатые становятся богаче, а сильные сильнее, то простые члены общества — фермеры, ремесленники и рабочие, у которых нет ни времени, ни средств, чтобы приобрести подобные преимущества, — имеют право жаловаться на несправедливость своему правительству».

В этом послании конгрессу, которое по значимости для американской демократии приравнивается некоторыми историками к Декларации независимости 1776 г., заключен философский камень джексоновской демократии. Джексон выступил противником радикального уравниательства, ликвидации естественных различий между людьми, вмешательства в «природу вещей». Но он же был против насаждения искусственных различий — не менее губительных, чем искусственное уравнительство. Дайте равные шансы всем, и в результате каждый индивидум реализует полно свои возможности, а общество обретет наибольшее благо — вот его лейтмотив. Фермеры и рабочие не могут быть искусственно обращены в капиталистов, но они должны иметь равные легальные возможности, чтобы накапливать богатства и пользоваться плодами своей деятельности.

Самым ярким образцом искусственных привилегий джексоновцы считали хартию, выданную правительством США Национальному банку. Утвержденная правительством монополия Национального банка в денежно-кредитной сфере лишала равных прав и конкурентных возможностей другие банки, как и всех американских производителей и потребителей. Образцом искусственных привилегий объявлялись также хартии, выдаваемые властями штатов корпоративным предпринимательским объединениям. Наконец, к искусственным привилегиям приравнивались протекционистские тарифы, которые брали под особое покровительство национальную промышленность, но ущемляли интересы аграрных слоев, вынужденных в условиях подавления иностранной конкуренции покупать отечественные товары по завышенным ценам.

Возможность создания искусственных привилегий, согласно идеологии Демократической партии, была заключена в любом альянсе государства с бизнесом. Поэтому государство поступило бы наилучшим

образом, воздерживаясь от вмешательства в экономику и конкурентные отношения. Если уж государство не могло полностью отстраниться от участия в экономическом процессе, то оно должно было делать это с наименьшими издержками для конкуренции. Так, джексоновцы требовали, чтобы помощь государства строительству дорог, каналов, другим «внутренним улучшениям» осуществлялась властями штатов, а не федеральным правительством, способным нанести большой вред равенству возможностей.

Разрушая искусственные привилегии «денежной аристократии», «ассоциированного капитала», государство вместе с тем, согласно демократической доктрине, должно было по мере возможностей помогать простым американцам легальными способами входить в класс собственников. Как и во времена Джефферсона, упор делался на облегчение им доступа к западным землям: джексоновцы добивались уменьшения размеров продаваемых участков и их цены. Идеологии Демократической партии был присущ аграрный «акцент», что объяснялось социальными мотивами: в аграрной экономике видели больше возможностей для сохранения многочисленного класса независимых средних и мелких собственников.

Идеология вигов в ряде важных отношений звучала как прямая противоположность идеологии Демократической партии. Банки, промышленность и торговля объявлялись в ней основой американского процветания, а потому государству надлежало приложить все возможные усилия для их поощрения. Государственная экономическая политика должна была включать федеральную помощь «внутренним улучшениям», поддержку высоких таможенных пошлин в целях защиты отечественной промышленности, сохранение позиций Национального банка, являвшегося гарантом денежно-кредитной стабильности. Виги защищали корпоративную форму капитала как самую передовую, эффективную и способствующую реализации дорогостоящих проектов. Неравенство состояний объявлялось естественным результатом экономической конкуренции и не подлежало экономической регламентации. Виги доказывали, что в Америке существовали неограниченные возможности для социальной мобильности, а потому какая-либо законодательная поддержка нижних слоев была излишней.

Серьезными были различия между демократами и вигами в политических вопросах. Демократы настаивали на отделении власти от собственности и самом широком приобщении масс к политическому управлению. По их собственному определению, они были привержены «демократическому республиканизму». Виги, напротив, следовали

идее элитарного республиканизма. Многие из них были противниками отмены имущественного ценза, а в представительном правлении видели способ ограничения народного суверенитета.

3.3. Президент Джексон и его реформы

Личность и политический стиль Джексона в сильнейшей мере определяли все стороны американского общественного развития в годы его президентства. Целью президентства объявлялись демократические реформы, но, как выяснилось очень быстро, Джексон не стеснялся в выборе средств для достижения этой цели и, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление консерваторов, решил обуздать их при помощи авторитарного правления. **Авторитарные способы** достижения демократических целей — таким оказался «фирменный знак» президентской практики Джексона. Политические оппоненты считали главным в политическом правлении Джексона именно его авторитарный стиль и прозвали его «королем Эндрю».

С оппозицией джексоновским нововведениям нередко выступал **конгресс США**, в первую очередь его верхняя палата — сенат. Натолкнувшись на сопротивление сената, Джексон выдвинул собственное толкование разделения властей: оно оказалось ближе к подходу Гамильтона, а не Джефферсона, и сближало президентскую власть с выборной монархией. Но в отличие от Гамильтона Джексон оправдывал возвышение президентской власти с помощью демократической аргументации. Президент, указывал он, избирался самим народом США, а сенаторы — законодательными собраниями штатов, по этой причине именно президент должен быть признан выразителем народного суверенитета. Опираясь на такую трактовку, Джексон не стеснял себя традицией в использовании права отклонять конгрессовские законы: он прибег к президентскому вето двенадцать раз, что превысило количество вето, наложенных шестью его предшественниками вместе взятыми.

Остроконфликтными оказались отношения Джексона и с **Верховным судом США**. В момент вступления Джексона в президентскую должность Верховный суд был оплотом консерваторов, отстаивая в качестве самых главных принципы нерушимости собственнических прав и вообще всего, что было связано с интересами элиты. Во время конфликта вокруг Национального банка Верховный суд твердо встал на сторону финансовой монополии, обосновывая ее конституционность и неподвластность реформаторским намерениям президента. Джексон вступил в схватку с Верховным судом, а самый верный спо-

соб изменения его консервативной позиции увидел в заполнении судебных вакансий своими сторонниками. За годы президентства он сумел в полной мере реализовать свой замысел, так что в конце концов семеро из десяти главных судей страны оказались его людьми.

Авторитарный стиль характеризовал взаимоотношения Джексона с **кабинетом министров**. Президент предоставил ему только право совещательного голоса, а решения принимал единолично. Джексон не испытывал колебаний, смещая неугодных министров и осуществляя перестановки кабинета. В годы его президентства в должности государственного секретаря побывали четыре человека, министра финансов — пять и генерального прокурора — три. Наряду с официальным кабинетом Джексон образовал неформальный **«кухонный кабинет»** из самых доверенных лиц.

Очень скоро именно «кухонный кабинет» стал играть главную роль в разработке правительственной политики. В «кухонном кабинете» видную позицию занял *Ф. Блэр*, которому было поручено издавать проправительственную газету *«Глоуб»*. Джексон формулировал темы и идеи газеты, а Блэр воплощал указания на бумаге. «Глоуб» было предоставлено преимущественное право печатать правительственные документы. Вознаграждения за их публикации позволили сотрудникам «Глоуб» занять места среди самых преуспевающих американских журналистов. Подобным же образом правительство оказывало щедрую финансовую поддержку и другим газетам, поддерживавшим его линию.

Укрепление президентской власти использовалось Джексоном для воплощения в жизнь реформ, обещанных Демократической партией. Самой радикальной и знаменитой мерой стала **ликвидация Национального банка**. Схватка между президентом и сторонниками банка впервые обрела остроту летом 1832 г., когда на голосование в конгрессе США был поставлен вопрос о продлении полномочий финансовой монополии. Сторонники банка добились преимущества как в сенате, так и в палате представителей. Реакция Джексона на решение конгресса была жесткой: «Банк намеревается убить меня, но я убью его». Быстро было подготовлено президентское вето, в которое включалось пространное, резко антимонополистическое и эгалитарно-демократическое обоснование мотивов президента. Преодолеть президентское вето конгрессу не удалось.

После избрания в конце 1832 г. на второй президентский срок Джексон обнаружил твердое намерение досрочно прекратить деятельность Национального банка (его полномочия истекали 1 января 1837 г.). Он и его единомышленники настойчиво доказывали, что финансовая

монополия лишала свободного доступа к кредитам и возможности вхождения в мир держателей акций и предпринимателей миллионы рабочих, фермеров, людей, желающих открыть свое дело. Выход заключался в ликвидации финансовой монополии, рассредоточении правительственных вкладов между многими банками и перемещении финансовой активности из федеральной столицы в штаты. Президент также обвинил банк в активном участии в политической деятельности, в подкупе государственных чиновников и прессы, в насаждении коррупции.

В конце 1833 г. Джексон дал распоряжение министру финансов изъять правительственные вклады из банка, что ставило последний перед угрозой неминуемого краха. Указание президента вызвало резкий подъем оппозиционной критики и породило острый политический кризис. Виги резонно указали, что банк был создан конгрессом США, а посему и ликвидирован может быть только им. В нарушении конституции обвинил президента Верховный суд, а его председатель сравнил действия Джексона со скальпированием живого индейца. Оппозиция президенту возникла и в его собственном кабинете (о несогласии с президентом заявили трое из пяти членов кабинета).

Министр финансов отказался подчиниться указанию президента и был незамедлительно отправлен в отставку. На его место Джексон назначил своего единомышленника, и тот стал энергично переводить федеральные вклады из Национального банка в банки штатов. Финансовый спрут затрепал по швам.

Радикальная экономическая мера Джексона породила среди современников острые дискуссии, которые были продолжены историками. Многие критики справедливо указывали на ее противоречивость и негативные последствия — например, рост инфляции, вызванный рассредоточением контроля над финансами между множеством банков. Сторонники же реформы доказывали, что ее позитивные результаты перевешивали отрицательные. Главное положительное следствие заключалось в резком разрастании «вширь» и углублении финансовой и предпринимательской активности новых буржуазных слоев. Число банков в США в период с 1829 по 1837 г. выросло с 329 до 788, а общий объем займов увеличился с 137 до 525 млн долларов. Тысячи и тысячи американцев воспользовались расширившимися возможностями займа для приобретения земель на западе: их продажа с 1832 по 1836 г. увеличилась более чем в восемь раз.

Джексон воплотил в жизнь аграрную платформу Демократической партии. Она состояла из двух пунктов: вытеснение с западных тер-

риторий индейских племен и облегчение доступа к земельному фонду массам белых поселенцев. Хотя президент считал индейскую политику внутренним делом каждого штата, он призывал национальный конгресс не жалеть федеральных средств на благое дело — переселение индейцев. За восемь лет пребывания Джексона на президентском посту у индейцев было выкуплено 100 млн акров (40 млн гектаров) земли на сумму примерно в 68 млн долларов. В баталиях с вигами, требовавшими распродажи государственного земельного фонда на условиях, выгодных земельным спекулянтам, джексоновцам удалось провести сначала серию биллей о временных преимущественных правах поселенцев-фермеров, а в 1841 г. добиться в интересах последних уже и закона о «всеобщем и постоянном преимущественном праве» на занятые земли. Следствием джексоновской аграрной политики было расширение на западе фермерского землевладения.

Внешне противоречивый, но вполне согласующийся с идеологией Демократической партии характер носила **рабочая политика** джексоновцев. Партия поддерживала требования рабочих об улучшении условий труда, но она же, следуя антикорпоративной и индивидуалистической доктрине, относилась неодобрительно к попыткам использовать в этих целях профсоюзы и забастовки (Джексон оказался первым президентом, использовавшим федеральные силы для подавления рабочей забастовки). Рабочие, по убеждению Джексона и его единомышленников, могли улучшить свое благосостояние с помощью повышения квалификации и трудолюбия, но отнюдь не прибегая к угрозам остановки производства, что означало бы покушение на право собственности работодателей. При этом каждый рабочий должен был в первую очередь надеяться на самого себя и свои усилия, свою личную конкурентоспособность, попытки же объединиться в профсоюзы заключали в себе угрозу монополизации рынка труда. Корпорации рабочих были так же нетерпимы, как и корпорации предпринимателей.

Стремление Джексона поставить знак равенства между рынком труда и рынком товаров, казалось бы, должно было серьезно поспорить его с рабочим движением. Этого не случилось. Более того, возникшие в 20–30-е годы, как грибы после дождя, рабочие партии на всех выборах неизменно поддерживали джексоновцев, горячо аплодируя их намерениям разрушить Национальный банк, облегчить простому люду доступ к землям запада, покончить с коррупцией чиновников. Мироззрение рабочих в ту эпоху, как и прежде, было либерально-демократическим, их жизненные чаяния связаны с приобщением к классу

мелких собственников. Работая на фабриках и шахтах, пусть и в самых тяжелых условиях, организуясь в профсоюзы и объявляя забастовки предпринимателям, большинство пролетариев жило мечтой в обозримом будущем скопить деньги, отправиться на запад и основать свою ферму, купить лавочку или мастерскую. Многим из них не суждено было воплотить эту «американскую мечту» в жизнь, но даже неудачники продолжали верить в нее и передавали ее, как эстафету, своим детям и внукам. А когда эти простые граждане Америки начинали судить о программах и делах джексоновцев, для них главным было то, что президент и его окружение боролись за претворение в жизнь равенства возможностей, максимальное облегчение доступа к западным землям, развитие конкуренции в промышленности и финансовой сфере.

Гораздо скромнее, чем в обещаниях, выглядели **демократические преобразования Джексона в политической сфере**. Вопреки мнению француза *Алексиса де Токвиля*, написавшего 170 лет назад свой знаменитый труд «**Демократия в Америке**», джексоновская эпоха отнюдь не была равнозначна триумфу народоправства и «власти толпы». Политическая система в целом продолжала контролироваться верхними слоями общества, но верно и то, что в нее был включен ряд важных демократических нововведений. Джексоновцы выступали не только против финансово-экономических, но также и против политических монополий.

К наиболее опасным политическим монополиям были отнесены **партийные кокусы** — *узкие объединения лидеров той или иной партии, присвоившие с момента образования США право выдвижения кандидатов в президенты*. В 1832 г. «король-кокус», как его именовали тогда американцы, был наконец-то низложен сторонниками Джексона. Демократы противопоставили ему **национальный партийный конвент**, делегаты которого, избранные от всех штатов, должны были на основе свободного обсуждения и волеизъявления назвать кандидатов на высшие должности в стране. Вслед за демократами к проведению национальных партийных конвентов обратились и виги.

В джексоновскую эпоху народ стал участвовать в политике гораздо активнее, чем прежде. Рост политической активности американцев характеризуют следующие цифры: в 1788 и 1790 г. в первых общенациональных выборах участвовало соответственно 13 и 16 % избирателей, в 1824 г. этот процент вырос до 26,5 %, а в 1828 г. — до 56,3 %. В 1840 г. количество избирателей, воспользовавшихся правом волеизъявления, достигло рекордного уровня — 78 %. Само число име-

ющих право голоса в джексоновский период увеличилось в четыре раза. В стране началась, как говорят политологи, **эра массовой политики**. Претенденты на места в государственном управлении должны были теперь вести себя иначе: быть более восприимчивы к умонастроениям и чаяниям народа. И здесь опять-таки лидировали демократы: в 1840 г. их партия впервые в американской истории приняла **национальную политическую платформу**, открыто излагавшую ее позицию избирателям и накладывавшую определенные обязательства на ее кандидатов. Четыре года спустя ее примеру последовала Вигская партия.

Большинство историков, как правило, выставляют отрицательную оценку **негритянской политике** Демократической партии. Но как раз в этом вопросе расхождения между демократами и вигами были наименьшими. Как выразился один из самых авторитетных исследователей того периода: «На деле все белые американцы джексоновской эпохи были расистами». Разграничительная линия в негритянской проблеме пролегла не между партиями, а внутри каждой из них, разделяя позиции двух политико-географических секций — Севера и Юга. На протяжении практически всего джексоновского периода южанам и северянам удавалось сохранять компромисс во взрывоопасном вопросе.

Первый компромисс между Севером и Югом, получивший название **миссурийского**, был достигнут в 1820 г. В США тогда было 22 штата, из них одиннадцать свободных и одиннадцать рабовладельческих. Когда годом раньше в конгресс США с просьбой о приеме в Союз обратилась рабовладельческая территория **Миссури**, среди законодателей возникли острые дебаты, поскольку в случае положительного решения вопроса равновесие между свободными и рабовладельческими штатами нарушалось. В 1820 г. нашли компромисс: в Союз были одновременно приняты два штата — рабовладельческий **Миссури** и свободный **Мэн**. Также по географической широте 36°30' была проведена **условная демаркационная линия**: севернее нее могли образовываться только свободные штаты.

Десять лет спустя вопрос о рабстве вновь встал на повестке дня в связи с возникновением в северо-восточных штатах **радикальных abolitionистских обществ**, требовавших немедленной отмены рабства. Когда abolitionистская пропаганда набрала силу и противники рабства стали активно предлагать свои идеи и петиции национальному правительству и конгрессу, политическая элита вновь изыскала способ погасить проблему. В 1836 г. конгресс США одобрил **«правило кля-па»**: антирабовладельческие петиции и иные подобные документы,

поступавшие в федеральный законодательный орган, регистрировались и без всякого оглашения и обсуждения клались «под сукно». Запрет на обсуждение рабства просуществовал до 1844 г.

С 1844 г. проблема рабства обрела остроту в связи с экспансионистскими планами США, направленными на завоевание **Техаса, Нью-Мехико, Калифорнии**, принадлежавших тогда **Мексике**. В обеих партиях нашлись как сторонники экспансии, так и ее противники, при этом главный мотив критиков заключался в том, что присоединение новых территорий, близких географически к рабовладельческим штатам, усилит позицию последних. После войны с Мексикой (1846–1848), в результате которой Соединенные Штаты присоединили к себе Техас, Нью-Мехико и Калифорнию, вопрос о распространении рабства на свободные территории стал главным в политических баталиях. Противники распространения рабства из обеих главных партий покинули их и объединились в партию **Фри сойл («Свободная земля»)**. В 1848 г. партия Фри сойл, во главе которой оказался не кто иной, как Ван Бюрен, один из лидеров демократов и некогда ближайший сподвижник Джексона, сумела повлиять на исход президентских выборов, склонив на свою сторону часть тех избирателей, которые прежде поддерживали Демократическую партию. В результате президентское кресло занял вигский кандидат *З. Тейлор*, а законодатели из его партии занялись поиском приемлемого варианта освоения завоеванных территорий.

Вариант, предложенный вигским интеллектуалом Клеем и одобренный в 1850 г., включал серию компромиссов: так, рабство допускалось в **Нью-Мехико**, но запрещалось в **Калифорнии**, в округе **Колумбия** отменялась работорговля, но одновременно сохранялся и усиливался закон о беглых рабах. Компромисс Клея восстановил политическое согласие только на время: вскоре вопрос о рабстве вновь расколол политиков и нацию, и США вступили на тропу, неотвратимо приближавшую их к гражданской войне. Но то была новая эпоха, в которую и демократы, и виги утратили многие свои прежние качества. Джексон до нее не дожил: после отставки с президентского поста он проживал в семейном поместье, где и скончался в 1845 г.

Главным же политическим «нервом» джексоновской эпохи оставался конфликт внутри белого населения по вопросу о **распределении социально-экономических и политических прав и возможностей между разными его слоями**. Джексон и его партия подходили к этому вопросу с либерально-демократических позиций, в то время как Вигская партия занимала по преимуществу либерально-консер-

вативную позицию. Историческое значение джексоновской демократии при всех ее ограничениях и недостатках заключалось в закреплении и развитии либерально-демократических начал в общественной жизни белых граждан США.

Вопросы к семинарским занятиям

1. Охарактеризуйте основные черты смены в США мануфактурного капитализма фабрично-заводским.
2. Как повлиял промышленный переворот на изменение социального состава американского общества?
3. Почему Национальный банк стал олицетворением новых социальных коллизий?
4. Как возникла и что представляла из себя партия национальных республиканцев?
5. Охарактеризуйте сходство и различия Демократической и Вигской партий.
6. В чем сущность антимонополизма Э. Джексона и демократов?
7. Как был ликвидирован Национальный банк США и каковы следствия этой реформы?
8. Назовите основные факты политической демократизации джексоновской эпохи.
9. Какой была рабочая политика Э. Джексона и как относились к нему рабочие организации?
10. Охарактеризуйте негритянскую и индейскую политику Э. Джексона.
11. Охарактеризуйте политический стиль Э. Джексона. Почему он заслужил прозвище «король Эндрю»?
12. Как можно охарактеризовать историческое место джексоновской демократии?

Литература

1. История США / Под ред. Г. Н. Севостьянова: В 4 т. — М., 1983–1987. — Т. 1.
2. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 / Под ред. Э. А. Иваняна. — М., 2001.

3. Кислова А. А. Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX в. — М., 1989.
4. Романова Н. Х. Реформы Э. Джексона. 1829–1837. — М., 1988.
5. Согрин В. В. Президенты и демократия. Американский опыт. — М., 1998.
6. Токвиль А. де. Демократия в Америке. — М., 2000.
7. Черниловский З. М. От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного суда США. — М., 1982.
8. Шпотов Б. М. Промышленный переворот в США: В 2 частях. — М., 1991.

Тема 4

Гражданская война и реконструкция

4.1. Капитализм и рабство

Компромисс 1850 г. стал последним в череде многочисленных соглашений Севера и Юга, отодвигавших проблему рабства на задворки национальной политики. Уже вскоре после его заключения обнаружилось, что возможности взаимных уступок исчерпаны и последние сменились жестким противостоянием двух регионов. Развязкой конфликта стала **Гражданская война 1861–1865 гг.**, сменившаяся эпохой **Реконструкции 1865–1877 гг.**, которая по размаху и радикализму не уступала военному периоду. Некоторые исследователи называют период 1861–1877 гг. **второй Американской революцией**, означавшей решающую схватку буржуазной цивилизации Севера и гибридной буржуазно-рабовладельческой цивилизации Юга. Ее главным итогом явилось превращение США в целом в чисто либерально-капиталистическое общество.

Среди современников Гражданской войны преобладало представление о ней именно как о конфликте противоположных общественно-политических систем, в центре которого находился вопрос о рабстве. Серьезные разногласия по вопросам о причинах и характере Гражданской войны возникли уже среди историков. До середины XX в. среди американских авторов влиянием пользовались те, кто рассматривал Гражданскую войну как противоборство двух разнородных общественных систем. С середины XX в. на ведущую позицию вышли те, кто отрицал цивилизационные различия между Севером и Югом, подчеркивал и даже абсолютизировал капиталистические начала рабовладения, как и либерально-демократические стороны общественно-политического устройства южных штатов.

В свете подобной интерпретации военный конфликт Севера и Юга предстает скорее как трагическое недоразумение или случайность, а разногласия между ними сводятся к различному пониманию прерогатив центрального правительства и прав штатов. Исторический вывод,

извлекаемый из подобного взгляда, заключается в том, что гражданская война могла быть предотвращена при наличии должной воли и мудрости у национальной политической элиты середины XIX в. Неоднозначные, а то и взаимоисключающие оценки эпохи Гражданской войны и Реконструкции свидетельствуют, что возможности постижения их исторического смысла не исчерпаны.

Американское рабовладение не было неким подобием античного рабства. Оно формировалось в недрах капитализма и отразило особенность его становления в аграрной экономике Северной Америки: американские плантаторы по причине крайней узости рынка наемного труда вынуждены были прибегнуть к труду черных рабов. Но использование рабского труда не прошло бесследно для плантаторской буржуазии, превратившейся в особый класс, в котором странно и в то же время закономерно переплелись черты типичных капиталистов и рабовладельцев.

В годы первой Американской революции рабство было запрещено на севере США. Американские демократы, впрочем, как и многие умеренные отцы-основатели США, уповали на достаточно скорую смерть рабства и в южных штатах, возлагая особые надежды на фундаментальную естественную причину — постоянно нараставшую убыточность рабовладения. Однако экономические перипетии рубежа XVIII—XIX вв. нанесли по их надеждам сокрушительный удар.

Стремительное развитие промышленной революции в Англии, происходившей в первую очередь в легкой промышленности, вызвало беспрецедентный спрос на хлопок. Американские плантаторы предпочли ему все остальные культуры. Изобретение в США в конце XVIII в. хлопкоочистительной машины резко повысило производительность и прибыльность плантационной рабовладельческой системы. В первой четверти XIX в. вследствие бурного развития ткацких фабрик в США плантационное рабство получило еще один стимул для своего роста. Об отмирании, а тем более ликвидации «короля-хлопка», как он был поименован на юге, а следовательно, плантационного рабства в таких условиях не могло быть и речи.

Среди современных американских историков вопросы о характере и прибыльности плантационного рабства остаются весьма актуальными. В вопросе о характере единства не достигнуто (часть историков определяет американскую плантаторскую систему как капиталистическую, а другая часть — как докапиталистическую), но в вопросе о его прибыльности принципиальные разногласия преодолены. Восторжествовала та точка зрения, что производство хлопка и его доход-

ность возрастали вплоть до самой гражданской войны. Вместе с тем часть историков доказывает, что по общему уровню экономического и социального развития юг США серьезно уступал капиталистическому северу. Юг превратился в пленника монокультуры («короля-хлопка»), а это неизбежно сопровождалось прозябанием всех иных сфер и отраслей экономики, в том числе и самых перспективных. На Юге практически замер процесс урбанизации и индустриализации, только два его города входили в число 25 крупнейших городов США, замыкая этот список.

Технологический прогресс в хлопковом хозяйстве также со временем замедлился: рабовладельцы предпочитали вкладывать деньги не в машины, а в рабов. Показательно, что, хотя ввоз рабов в США был запрещен с 1808 г., их количество неуклонно возрастало: в 1800 г. на юге был 1 млн рабов, а в 1860 г. — уже 4 млн. Сказочные богатства южных плантаторов (60 % самых богатых американцев проживали на юге, хотя его свободное население составляло только 30 % от общеамериканского) основывались на сверхэксплуатации рабов. Детей рабов начинали эксплуатировать с 6 лет, а к 12 годам они полностью покрывали издержки, затраченные на них хозяевами в «непроизводительный» период детства.

Эксплуатация рабов становилась все более изощренной, а плантаторы обростали замашками и манерами крепостников. К некапиталистическим формам эксплуатации рабочей силы на юге необходимо прежде всего отнести специализацию ряда штатов на «разведении» рабов для последующей продажи и саму работорговлю. «Разведение» чернокожих рабов в южных штатах для последующей продажи приобрело особенно широкий размах, превратившись в настоящую индустрию после прекращения с 1808 г. ввоза рабов в США извне. Правительство США не осмеливалось посягнуть на невольничьи рынки в самих южных штатах, более того, работорговля стала одной из престижных профессий по той причине, что приносила больше прибыли, нежели производство и экспорт хлопка.

В первой половине XIX в. в отношении рабов на юге был установлен **репрессивный политический и правовой режим**. Им не разрешалось отлучаться с плантаций, контактировать со свободными гражданами, в том числе и со свободными неграми, собираться даже маленькой группой без надзора надсмотрщиков. Рабам запрещалось иметь какое-либо оружие, а также горны, барабаны — все, что могло представлять угрозу жизни и покою хозяев. Они не имели права обращаться в суд и могли быть подвергнуты наказанию, включая физическую

эзекуцию, по прихоти рабовладельца. Антирабовладельческая критика на Юге была строго-настрого запрещена и преследовалась в уголовном порядке.

В отношении рабства допускались только апологетические высказывания. Была выпестована целая плеяда влиятельных защитников рабства, взгляды которых распространялись не только на юге, но также и на севере США. Наибольшей известностью среди идеологов рабства пользовался *Д. Кэлхун*. Рабовладение, доказывал он, является истинным благодеянием как для рабовладельцев, так и для самих рабов. Только рабство, утверждали Кэлхун и его единомышленники, превратило черных варваров в человеческие существа: сравните американских негров с африканскими, и вы увидите, что первые неизмеримо превосходят вторых и морально, и интеллектуально, и физически. Американские рабы, по их утверждению, жили гораздо лучше белых рабочих севера, что свидетельствовало о превосходстве рабовладения над капитализмом.

Северные штаты, особенно их политическая элита, были готовы если не к альянсу, то, как минимум, к компромиссу с южными штатами. Причем в основе их длительного компромисса с южными рабовладельцами лежало не только желание сохранить федеральный Союз и социальный мир, но и мировоззренческое единство с южанами в отношении чернокожих американцев, а попросту говоря, расизм.

Алексис де Токвиль, посетивший США в 1831 г., возмущался рабовладельческим строем Юга, но еще больше его поразило то, что белые и черные представляют собой отдельные касты — высшую и низшую — в свободных северных штатах. Формально, отмечал Токвиль, гражданских и политических прав чернокожих на севере никто не отрицает, но фактически у негров нет возможности воспользоваться ими. По свидетельству французского путешественника, чернокожие в свободных штатах были совершенно бесправны, а отношение к ним белых заключало в себе даже больше предрассудков и презрения, нежели в штатах, где господствовало рабство.

Политическая элита северных штатов связывала решение негритянской проблемы с полным разделением белой и черной рас посредством вывоза всех негров в Африку или в Латинскую Америку. Сторонники вывоза черных в Африку объединились вокруг **Американского колониационного общества**, созданного в северных штатах в 1817 г. Лидеры общества подчеркивали, что приемлют только постепенную отмену рабства и исключительно на добровольной основе, с согласия и по воле самих плантаторов.

Совместное мирное проживание белой и черной рас в Соединенных Штатах, как вытекало из разъяснений колонизационного общества, являлось в условиях США не более чем прекраснотушной утопией. Стена, разделявшая белых и черных, объявлялась нерушимой по причине неискоренимых предубеждений белых американцев. Белые не могли воспринять негров в качестве равных и подобных себе, во-первых, в силу прочно укоренившегося отношения к ним как низшему, рабскому сословию, а во-вторых, из-за неистребимого черного цвета кожи. Программа колонизационного общества была воспринята политическими кругами северо-восточных штатов в целом. Отношение к чернокожим как к чужеродной расе, подлежащей выселению в Африку, широко распространилось и среди простых американцев свободных штатов.

4.2. Неотвратимый конфликт

В подобных условиях защита прав негров с демократических и гуманистических позиций требовала огромного мужества. Таких людей было немного, а первым среди них оказался *Уильям Ллойд Гаррисон*, который в 1831 г. в созданной им газете «*Либерэйтор*» провозгласил цель беспромедлительной отмены рабства и предоставления чернокожим равных с белыми гражданских прав. Число сторонников Гаррисона увеличивалось медленно, но неуклонно, а особым весом среди них пользовались верующие американцы, доказывавшие, что рабство и расизм несовместимы со Священным Писанием. Со временем **аболиционисты** (от английского *abolish* — отменять), как стали называть единомышленников Гаррисона, разделились на радикалов, поддерживавших идею незамедлительной отмены рабства, и умеренных, предпочитавших поэтапные политические меры по ограничению рабовладения.

Умеренные аболиционисты, оказавшиеся в большинстве, организовали в 1840 г. **партию Свободы**, которая, дебютируя в том же году на президентских выборах, собрала всего 7 тысяч голосов. На выборах 1844 г. партию поддержали 63 тысячи человек. В 1848 г. партию Свободы сменила партия **Фри сойл**, выдвинувшая более мягкие требования. Эта партия, которой принадлежал крылатый лозунг «Свободная земля, свободный труд, свободные люди», вскоре ставший девизом всех противников рабства, в конкретной программе ограничивалась требованием запрета распространения рабства на новые территории. Но и фрисойлеры не смогли реально оспорить позиции двух ведущих партий — вигов и демократов.

То, что оказалось не под силу партиям Свободы и Фри сойл, удалось новой **Республиканской партии**. Но произошло это уже в 1850-е гг., когда взаимоотношения и конфликт Севера и Юга приобрели новое качество. Новый разворот американской истории был обусловлен несколькими конкретными драматическими событиями, происшедшими в 1854–1856 гг. А первым и главным среди этих событий стало принятие в 1854 г. конгрессом США закона «Канзас–Небраска». Правоммерно сравнение этого закона с «гербовым актом» британского парламента 1765 г.: если «гербовый акт» породил историческую цепочку, приведшую к Войне США за независимость, то закон «Канзас–Небраска» имел следствием череду событий, закончившихся Гражданской войной Севера и Юга.

Закон «Канзас–Небраска» был предложен *Стивеном Дугласом*, одним из лидеров Демократической партии, в связи с обсуждением вопроса о приеме в Соединенные Штаты двух новых территорий. Обе эти территории, **Канзас** и **Небраска**, лежали севернее 36°30' северной широты и согласно Миссурийскому компромиссу 1820 г., который поддерживался на протяжении 34 лет и являлся главным условием сохранения единства между свободными и рабовладельческими штатами, могли быть включены в США только в качестве свободных штатов. Законопроект Дугласа наносил сокрушительный удар по этому компромиссу и, как следствие, по всей системе баланса сил между Севером и Югом. Причем компромисс отвергался при помощи демократической доктрины: Дуглас доказывал, что вопрос о разрешении или запрете на новых территориях рабства может и должен решаться не федеральным правительством, а самим населением новых штатов, которое реализует свою волю при помощи демократического референдума.

Дуглас и его сторонники доказывали, что их волнует не вопрос о рабстве, который они вообще не хотели вносить в повестку дня, а вопрос о том, какой должна быть процедура приема новых штатов в Союз. При этом, указывали они, демократическое волеизъявление приобретает силу закона и в том случае, если рабство будет одобрено, и в том, если оно будет отвергнуто. Сам Дуглас, пытаясь отвести любые обвинения в защите интересов рабовладения, доказывал, что рабство не сможет укорениться ни в Небраске, ни в Канзасе.

Все эти аргументы, однако, не обманули ни противников рабства, ни жителей северных штатов в целом. Главным в законе «Канзас–Небраска» для них было то, что он создавал возможность проникновения и легализации рабства на территориях свободных штатов и изменял сложившийся политический порядок в пользу рабовладельческого Юга.

И уже во время обсуждения и голосования закона «Канзас—Небраска» американские политики разделились главным образом по географическому, а не по партийному признаку. Это новое, **секционнo-географическое разделение** американских политиков нанесло сокрушительный удар по прежней двухпартийной системе.

Уже в середине 1854 г. большинство вигов и демократов из свободных штатов, объединившись с фрисойлерами, объявили о создании Республиканской партии, потребовавшей недопущения рабства на новых территориях. Эта перипетия нанесла наиболее чувствительный удар по вигам, исчезнувшим в качестве национальной политической силы. Демократическая партия была ослаблена в меньшей степени, но, сохранившись, она, по сути, переродилась, посвятив себя отныне защите рабства. С 1854 г. двумя главными политическими партиями являлись уже республиканцы и демократы, а разделял их **вопрос о рабстве**. С этого же года республиканцы стали олицетворять либерально-демократические идеалы, а демократы превратились в консервативную силу. Данную пертурбацию нельзя не признать поразительной, но подобные ей еще не раз произойдут в американской истории, правда, состав двухпартийной системы уже никогда не изменится — политическими местами на протяжении последующих полутора столетий будут меняться только республиканцы и демократы.

Роль закона «Канзас—Небраска» в перемене исторических судеб Америки, взаимоотношений Севера и Юга кажется столь значительной, что возникает закономерный в подобных случаях вопрос: а произошли бы трагический раскол американской нации и гражданская война в США, если бы их элита не допустила в 1854 г. грубейшей политической ошибки и не нарушила компромисс 1820 г.? Объективный ответ на этот вопрос состоит, на мой взгляд, в том, что закон «Канзас—Небраска» не был случайностью, а подвел итог длительным, подспудно развивавшимся экспансионистским устремлениям южных рабовладельцев, сумевших в 1854 г. открыто навязать свою волю нации.

Дело в том, что рабовладельческой системе становилось все более тесно — и географически, и экономически, и политически — в той сфере влияния, которая была закреплена за ней Миссурийским компромиссом. Чтобы выжить и развиваться, поддерживать жизнеспособность «короля-хлопка» и увеличивать прибыли, она нуждалась в легализации рабовладения на более широком пространстве. Идеологические доктрины, высказанные Дугласом в 1854 г., вынашивались и оттачивались заранее, так что их выдвижение на повестке дня национальной политики являлось только вопросом времени. Их законодательное

воплощение в 1854 г. вскрыло болезнь, загонявшуюся на протяжении десятилетий внутрь американского общественного организма.

В 1854 г., сразу после принятия конгрессом США закона о праве новых территорий самим определять отношение к рабству, население Канзаса разделилось на две части. Одна часть проголосовала за антирабовладельческий порядок, а другая — за рабовладельческий. Канзас оказался зеркалом разделенного американского общества, а события в новом штате заключали модель последующего национального конфликта. Очень быстро они переросли в малую гражданскую войну, причем обе стороны обнаружили намерение сражаться не на жизнь, а на смерть. В 1856 г., к моменту завершения активных военных действий, потери сторон составили 200 человек убитыми. Аболиционисты приобрели своего первого великомученика — им стал *Джон Браун*, сложивший голову в результате героических сражений с защитниками рабства.

В течение конфликта в Канзасе позиция национального правительства оставалась противоречивой, но в целом соотношение сил в нем оказалось неблагоприятным для противников рабовладения. С тем большим рвением спланивались они вокруг Республиканской партии, вселявшей теперь главную надежду на успешное сопротивление рабовладельцам в общенациональном масштабе.

Республиканскую партию можно определить как антирабовладельческую только с серьезными оговорками. С решительной критикой рабства, осуждением его как абсолютного зла, как и с требованием уравнивания черных в правах с белыми, выступала фракция меньшинства, названного радикалами. Фракция большинства, лидер которого *Авраам Линкольн* был признан и вождем Республиканской партии в целом, осуждала рабство как главное препятствие для прогрессивного развития белой Америки, а интересы черных американцев воспринимала как второстепенные, а то и вообще игнорировала их. Идея отмены рабства на юге, как и уравнивания черных в правах с белыми, была фракции большинства чужда вплоть до начала Гражданской войны; долгое время она ограничивалась требованиями запрета рабства на новых территориях и приема их в Союз как свободных штатов. Была в Республиканской партии и консервативная фракция, мотивы которой исчерпывались удержанием федеральной политической власти в руках элиты северо-восточных штатов.

И все же при всей противоречивости Республиканской партии она, безусловно, выступала наследницей и продолжательницей либерально-демократической традиции Джефферсона и Джексона. Республи-

канцы с самого начала опирались на широкую демократическую коалицию, в которой преобладали средние и мелкие собственники, фермеры, мастеровые, рабочие, а в их руководстве, в сравнении с партиями Джефферсона и Джексона, было гораздо больше выходцев из нижних слоев. Из неэлитных слоев выдвинулись многие лидеры партии, среди них А. Линкольн и Э. Джонсон — первый и второй республиканские президенты. Линкольн, подобно Эндрю Джексону, происходил из бедной семьи, с детства был приобщен к тяжелому физическому труду и смог начать восхождение по социальной лестнице исключительно благодаря упорному самообразованию, непреклонной воле в достижении намеченных целей и, конечно, недюжинным природным талантам. Плоды самообразования и таланты ему наиболее полно удалось реализовать на адвокатском поприще, а адвокатская известность открыла дорогу в большую политику.

Республиканская партия, определяя свои общественные идеалы, неизменно подчеркивала, что выражает интересы трудящейся Америки и нацелена на утверждение «цивилизации свободного труда». По современным меркам подобная самооценка республиканцев может показаться демагогической, но она предстает в ином свете, если стоять на почве историзма и рассматривать ее в контексте американских реалий середины XIX в. Дело в том, что республиканцы, подобно джексоновской Демократической партии и в соответствии с распространенными среди их современников представлениями, включали в трудовые классы не только рабочих, но также фермеров, мелких и средних предпринимателей, которые сами были вовлечены в производство и доходы которых основывались на собственном зримом ощущении трудового вклада. Республиканцы отказывались проводить различия между этими социальными слоями и по той причине, что границы между предпринимателями, фермерами и рабочими оставались в Америке весьма подвижными, эти слои непрерывно обменивались между собой, а среди собственников численно преобладали мелкие независимые предприниматели и фермеры, в значительной мере вчерашние рабочие.

Линкольн неизменно подчеркивал, что представляет интересы именно этих независимых предпринимателей и фермеров, которых никто не нанимает и которые работают на самих себя и свои семьи. Такие предприниматель и фермер, доказывал он, являются центральными фигурами американского общества, свидетельствуя, что в Америке труд стоит выше капитала и выступает в качестве главной ценности общества. Положение наемных рабочих характеризовалось Линкольном

как переходное. Ссылаясь на свой жизненный опыт, он доказывал: усердные и предприимчивые рабочие имеют в Соединенных Штатах стопроцентный шанс завести собственное дело и просто обязаны стремиться к этой цели. Но чтобы эта «американская мечта» стала явью, в стране должна господствовать система свободного труда, позволяющая труженику исключительно по собственной воле распоряжаться самим собой. Отсюда вытекал один из основополагающих лозунгов Линкольна и республиканцев — «Свободный труд!»

Одну из важных целей Республиканская партия видела в том, чтобы с помощью государства помочь гражданам реализовать «американскую мечту» о приобщении к независимым собственникам. Большинство республиканцев отрицательно относились к сверхбогатствам, в частности, не одобряли корпоративной формы капитала, но при этом они не принимали идеи перераспределения собственности. Главная возможность обращения американцев в независимых фермеров и предпринимателей, по убеждению республиканцев, заключалась в предоставлении им свободного доступа к западному земельному фонду. С момента возникновения Республиканская партия отстаивала закон о гомстедах: согласно ему, земельные участки на свободных территориях должны были предоставляться простым труженикам или бесплатно, или за минимальную, чисто символическую плату. Такой подход был несовместим с распространением на новые территории рабства, в связи с чем формулировался второй важнейший лозунг Республиканской партии — «Свободная земля!»

Было очевидно, что главным препятствием на пути реализации социальной программы Республиканской партии оказывались рабовладельцы, твердо вознамерившиеся прибрать западные земли к своим рукам и утвердить там рабский труд. Борьба против плантаторов обрела для республиканцев характер политической закономерности: без ликвидации рабства их цель демократизации белой Америки оставалась недостижимой. Отсюда и появление в их программе третьего принципиального лозунга — «Свободные люди!»

Линкольн, как и другие республиканцы, был привержен и идее дальнейшего углубления политической демократии, что предполагало дополнение представительного правления непосредственным участием народа в политической власти. Именно Линкольну принадлежало определение демократии как «управление народа, посредством самого народа и для народа», ставшее классическим. В целом политическая, социальная и экономическая программа Республиканской партии оказалась в явном противоречии с ценностями рабовладель-

ческого Юга, и не случайно в мировоззрении республиканцев и их сторонников разногласия между Севером и Югом предстали не просто как конфликт по негритянскому вопросу, а как антагонизм двух противоположных по сути цивилизаций, несовместимых общественно-политических систем. Их конфликт, как провозгласил один из лидеров республиканцев, был «неотвратим». Общенациональная победа партии обещала общенациональное торжество либерально-демократического строя.

Республиканская партия не выдвигала открыто требования отмены рабства в южных штатах, но рабовладельцы, вникнув в ее программу, не сомневались, что приход Линкольна и его сторонников к власти создаст для их общественных устоев, да и для самого их существования, смертельную угрозу. Вполне объяснима их реакция на победу Линкольна на президентских выборах в ноябре 1860 г.: семь южных штатов (впоследствии к ним присоединились еще четыре) заявили о выходе из федерального Союза. 4 февраля 1861 г., за месяц до вступления Линкольна в президентскую должность, мятежные штаты провозгласили образование собственного государства и обнародовали его конституцию. Президентом новоявленной **Конфедерации** был избран *Джефферсон Дэвис*, а вице-президентом — *Александр Стивенс*. 18 февраля, то есть раньше Линкольна, они были приведены к присяге. Александр Стивенс лаконично изложил кредо южан: «Краеугольным камнем нашего государства является та великая истина, что негр не равен белому человеку и что рабство — подчинение высшей расе — является его естественным и нормальным состоянием».

4.3. Революция

Линкольн принес президентскую присягу 4 марта 1861 г. К рассуждениям о рабстве, социальных и политических реформах он в этот раз не обращался — они были явно отодвинуты на будущее. Президент дал понять, что в сложившихся обстоятельствах видит главную и единственную цель в восстановлении единства Соединенных Штатов. Осудив южан за раскол государства, президент в конце речи счел необходимым протянуть им оливковую ветвь: «И все же мы не враги, а друзья. Мы не должны стать врагами».

Примирительные слова президента пролетели мимо ушей южан. Они активно готовились к военным действиям. Состояние «ни войны, ни мира» между Севером и Югом продолжалось немногим больше месяца. 12 апреля 1861 г. войска южной Конфедерации напали на форт

Самтер и без особого труда одержали победу. Линкольн объявил Юг в состоянии мятежа и призвал в армию Севера 75 тысяч добровольцев. В США началась гражданская война.

Соотношение сил внешне выглядело явно не в пользу мятежников, и особых шансов на успех у них, судя по всему, не было. Двадцать три штата, оставшихся в Союзе (среди них четыре лояльных рабовладельческих штата), насчитывали тогда 22 млн жителей, в них фактически была сосредоточена вся промышленность, железные дороги, крупные банки Соединенных Штатов. Да и сельское хозяйство было на таком уровне, что с лихвой покрывало их потребности. В мятежных же штатах было только 9 млн человек, из них около 4 млн рабов, не испытывавших в большинстве случаев никаких симпатий к хозяевам.

И все же южане надеялись на успех. Прежде всего, они были уверены в своей лучшей военной подготовке. В южных штатах всегда считалось престижным знать военное дело, плантаторы были прекрасными наездниками и стрелками, выходцы из их семей неизменно составляли лучшую часть офицерского корпуса американской армии. С начала войны 387 самых подготовленных офицеров американской армии, уроженцев южных штатов, перешли на сторону Конфедерации, поставив Линкольна перед необходимостью заполнять командирские должности вчерашними фермерами и лавочниками. Офицеры-южане не сомневались в том, что быстро справятся со всем этим «сбродом». Рабовладельцы очень надеялись также на помощь заграницы, в первую очередь Великобритании, которая зависела от поставок хлопка.

Но все же общий баланс сил был явно в пользу северян, и многие из них, не менее самонадеянно, чем офицеры и генералы из мятежных штатов, верили в собственный скорый успех. Северяне-оптимисты испытали крах надежд уже после первого крупного сражения 21 июля 1861 г., которое состоялось в небольшом городке **Манассас** близ Вашингтона. Многие члены американского конгресса, чиновники и их жены, уверенные в победе армии северян, расположились на близлежащем холме, чтобы насладиться разгромом мятежников. Однако федеральная армия, превосходившая численно южан, не выдержала уже первой их атаки и в панике бежала. Артиллерийские орудия, огромное количество военного снаряжения было брошено на поле боя и пополнило арсеналы рабовладельцев.

На следующий день после позорного поражения Линкольн заменил престарелого главнокомандующего армией *Скотта* на генерала *Джорджа Макклеллана*. У того была отменная военная репутация, а пресса даже называла молодого генерала (ему было 34 года) американским

Наполеоном. Но именно Макклеллан оказался самым неудачным из всех выдвиженцев Линкольна. Первым делом Макклеллан приступил к неторопливому сооружению оборонительных укреплений по всей линии фронта. Когда же Линкольн начал терять терпение из-за медлительности генерала, тот попросил «не давить на него» и обещал, что после укрепления обороноспособности Севера сможет покончить с мятежниками одним ударом.

И вот наконец в октябре, после постройки немыслимого количества оборонительных сооружений вокруг Вашингтона, Макклеллан решил начать наступление и форсировал со своей армией реку **Потомак**. Но первое же столкновение с неприятелем закончилось полным крушением всех замыслов Макклеллана. От разгрома федеральную армию спасли только фортификационные сооружения вокруг столицы. После этого многие в правительстве Линкольна осознали, что ставка на Макклеллана оказалась ошибкой.

Близился к концу 1861 г., а федеральная армия, значительно превосходившая по численности и вооружению войска Конфедерации, не смогла одержать ни одной победы. Среди деятелей Республиканской партии, доминировавших во властных органах США, вспыхнули дискуссии о причинах военных неудач. Все громче звучал голос радикалов, доказывавших, что порочна социально-политическая стратегия войны. По их убеждению, ее нужно было менять в корне: цель войны — восстановление единства Союза — должна быть заменена целью полного уничтожения рабства, конфискации собственности рабовладельцев и достойного вознаграждения патриотов. Провозглашение этой цели, доказывали они, сразу подняло бы восстание черных рабов Юга, а привлечение в федеральную армию негров, готовых отдать жизнь за свою свободу, сделало бы ее непобедимой.

Требования радикалов оставались для Линкольна неприемлемыми в течение всего первого года президентства. В начале 1862 г. он продолжал надеяться на восстановление единства Союза с помощью преимущественно военных мер. В марте им был издан президентский указ № 1, которым объявлялось наступление против рабовладельческой Конфедерации по всей линии фронта.

В течение нескольких месяцев федеральному правительству сопутствовал успех. Особенно удачно действовала на юго-западе армия генерала *Гранта*, очистившая от мятежников **Кентукки** и **Теннесси**. Блестящие победы были одержаны генералом *Батлером*, захватившим **Новый Орлеан**, а затем соединившимся с армией Гранта, в результате чего территория мятежников была расколота надвое. Победы Гранта

и Батлера вновь вселили в Линкольна уверенность, что единство Союза можно восстановить и без ликвидации рабства, поэтому, когда в мае генерал Хантер, действовавший в Джорджии, Флориде и Южной Каролине, объявил негров этих штатов свободными и призвал их в армию, президент тут же отменил его приказ.

Но в том же месяце Линкольн решился на принятие первого радикального социального закона в интересах белых американцев. Это был закон о гомстедах, вытекавший из программы Республиканской партии и рассчитанный на поддержку фермеров и рабочих. По закону все граждане США старше 21 года и даже претенденты на гражданство получали право на приобретение в полную собственность 160 акров (64 га) земли из государственного фонда после занятия соответствующего участка и пользования им в течение 5 лет и уплаты регистрационного взноса в размере от 26 до 34 долларов. Те же, кто хотел обратить участок в полную собственность за более короткий срок, но не ранее чем через 6 месяцев после подачи заявки, должны были также уплатить небольшую сумму — по 1,25 доллара за акр. Принятие закона соответствовало знаменитой джефферсоновской мечте об обращении в собственников большинства белых американцев и о развитии Соединенных Штатов как общества, в котором доминирует средний класс.

Демократический аграрный закон укрепил влияние Линкольна среди белого населения северных штатов и в армии, но их поддержки оказалось недостаточно, чтобы переломить ход войны. Надежда Линкольна завершить гражданскую войну без революционного решения вопроса о рабстве рухнула летом-осенью 1862 г. вследствие новых сокрушительных поражений генерала Макклеллана. Три попытки Макклеллана штурмом взять столицу мятежников Ричмонд провалились, а после последнего провала Макклеллана преследовавшая его армия южан даже чуть было не захватила Вашингтон. Федеральное правительство было спасено только благодаря спешной переброске к столице армии Гранта с западного фронта.

Поражение Макклеллана оказалось для Линкольна настоящим шоком, и теперь ему не оставалось ничего иного, как уступить главному требованию радикалов — без промедления предоставить свободу черным рабам и призвать их в армию. В конце 1862 г. им была подписана Прокламация об освобождении рабов в мятежных штатах. Прокламация не вполне удовлетворила радикалов: они хотели, чтобы одновременно рабство было ликвидировано и в лояльных Союзу рабовладельческих штатах. Но гораздо больше были недовольны сторонники

примирения с южанами и, конечно, сами мятежники: прокламация, по их утверждению, доказала, что истинной целью президента было не сохранение Союза, а освобождение рабов! Президент мятежной Конфедерации *Дэвис* не сомневался, что в ответ на прокламацию южане сплотятся еще теснее и гораздо быстрее доведут свое дело до успешного конца.

И действительно, первые месяцы после опубликования прокламации были отмечены отчаянными попытками южан решительно изменить ход войны в свою пользу. В апреле 1863 г. главнокомандующий армией конфедератов *Роберт Ли* нанес чувствительное поражение северянам на Центральном фронте. Южане форсировали Потомак, совершив бросок через *Мэриленд*, и вторглись в штат *Пенсильвания* — одну из опор федерального правительства. Армия северян перешла к глухой обороне.

Но то был последний успех южан. Северяне смогли перехватить инициативу уже в июне, в битве под *Геттисбергом* в Пенсильвании. Это была главная битва Гражданской войны и в военном, и в политическом отношениях. Она продолжалась целую неделю, чаша весов склонялась то в одну сторону, то в другую, пока наконец 4 июля — в День независимости Соединенных Штатов — южане не отступили в Виргинию. Число убитых и раненых со стороны южан намного превысило потери федеральной армии. Значение победы под Геттисбергом становилось очевиднее с каждым последующим днем, так что, когда в ноябре в память о погибших там был открыт мемориал, Линкольн счел необходимым приехать на место кровавого сражения и выступить с речью. Речь была короткой — всего 268 слов, но именно она стала самой знаменитой среди всех выступлений времен Гражданской войны.

Линкольн впервые заявил, что в стране идет «великая Гражданская война», целью которой было испытание на прочность демократического эксперимента, начатого в конце XVIII в., особенно же той великой идеи, что «все люди сотворены равными». От исхода войны, доказывал президент, зависит судьба «правительства, созданного народом, управляемого народом и для народа». Война, по убеждению президента, начатая как противозаконный бунт со стороны южан, превратилась в великую социальную драму, способную раз и навсегда спасти свободы американцев.

После Геттисберга северяне уже не уступили конфедератам ни одного крупного сражения. Их расчет на активную поддержку армии Соединенных Штатов со стороны освобожденных рабов оправдывался

с каждым днем. Подтверждались слова Линкольна: «Чем больше негры сделают как солдаты для спасения Севера, тем меньше останется на долю белых солдат». Впервые негритянские полки участвовали в сражении на стороне армии Соединенных Штатов 27 мая 1863 г. и, как засвидетельствовала влиятельная американская газета, «сражались как тигры». Каждая новая битва обнаруживала, что негры готовы сражаться за свою свободу насмерть. В плену их, в отличие от белых, ожидало повешение или продажа в рабство, поэтому они предпочитали умирать на поле боя. К концу войны на стороне Соединенных Штатов воевало уже 166 негритянских полков, а количество чернокожих солдат достигло 186 тысяч. Каждый четвертый чернокожий солдат отдал жизнь за освобождение своей расы.

К осени 1864 г. исход гражданской войны был предрешен, что облегчило Линкольну переизбрание в должности президента. Он придавал этим выборам, состоявшимся 8 ноября, особое и даже выдающееся историческое значение. Президент подчеркивал, что это были первые национальные выборы, проведенные в условиях продолжавшейся войны и раскола нации, и их успех свидетельствовал, сколь прочные корни пустил в Америке демократический эксперимент, которому не были страшны даже жестокие бури. Успех на президентских выборах был воспринят Линкольном и как мандат на скорейшую расправу с плантационным рабством. Содержавшееся в предвыборной платформе Республиканской партии обещание о внесении в федеральную конституцию **Тринадцатой поправки**, полностью запрещающей рабство в Соединенных Штатах, было выполнено уже в январе 1865 г. и ратифицировано штатами в декабре того же года.

Во взглядах Линкольна на негритянскую проблему произошел существенный сдвиг: президент наконец-то отказался от плана вывоза негров в Африку и Латинскую Америку и стал размышлять об устройстве черной расы в самих Соединенных Штатах. Линкольн пришел к заключению, что негры, с оружием в руках сражавшиеся за освобождение, должны быть наделены равными с белыми избирательными и иными политическими правами. Впервые с начала гражданской войны он не просто подчинился программе аболиционистов и радикальных республиканцев, но и стал высказываться в пользу ряда важнейших их требований вполне по доброй воле.

Политические успехи Линкольна подкреплялись военными. В январе–марте 1865 г. федеральная армия заняла **Южную и Северную Каролину** — главный оплот мятежников. 2 апреля пал **Ричмонд** — столица южной Конфедерации. Приближалась полная капитуляция

Юга, но Линкольну не суждено было дожить до нее: 14 апреля во время спектакля в одном из вашингтонских театров он был смертельно ранен актером *Джоном Бут*ом, поклонником мятежников. Президент скончался на следующий день. Рабовладельческие штаты капитулировали 26 апреля.

Окончание гражданской войны означало завершение первой фазы либерально-демократической революции и наступление второй фазы, вошедшей в историю под именем **Реконструкции** (1865–1877). Планы Реконструкции, то есть способы и условия обратного принятия мятежных штатов в Союз, стали разрабатываться еще в период гражданской войны. Главными были два плана: президента Линкольна и радикальных республиканцев в конгрессе США.

Линкольн предложил «мягкий» вариант: все сторонники рабовладельческой Конфедерации, за исключением ее верхушки, попадали под амнистию, а после того как 10 % избирателей того или иного мятежного штата подтвердят лояльность федеральному правительству и согласятся с отменой рабства, этот штат мог вернуться в США на полноправной основе. Радикалы в конгрессе подготовили альтернативный закон: тот или иной мятежный штат мог вернуться в Союз только в том случае, если большинство его избирателей присягнут на верность федеральному правительству и одобряют радикальные нововведения Гражданской войны.

Программа Реконструкции стала осуществляться сразу после гибели Линкольна, вслед за капитуляцией Юга. Новый президент *Э. Джонсон*, взявший за основу план Линкольна, натолкнулся на жесткое сопротивление радикальных республиканцев. Их позиция стала непримиримой после того, как выяснилось, что первые четыре южных штата, допущенные Джонсоном в Союз, по сути, приступили к ревизии итогов Гражданской войны. Они избрали на руководящие посты в штатах, так же как и депутатами в конгресс США, многих бывших лидеров Конфедерации, отказались предоставлять свободным неграм гражданские и политические права, приступили к разработке и принятию так называемых «черных кодексов», возвращавших бывших рабов в юридическое положение, мало чем отличавшееся от прежнего. Конгресс США заявил твердое «нет» подобному повороту событий и отказался допустить в свои ряды вновь избранных депутатов из южных штатов.

Среди историков всегда оживленно обсуждался вопрос о том, какой оказалась бы судьба Реконструкции, если бы Линкольн не был убит 14 апреля 1865 г. и оставался на своем посту до конца срока.

Большинство историков приходят к выводу, который и представляется справедливым, что между Линкольном и Джонсоном были принципиальные мировоззренческие и политические различия и что по этой причине Линкольн даже с учетом того, что его собственный план Реконструкции не отличался от плана Джонсона, мог пойти и пошел бы в изменявшихся политических условиях на сотрудничество с радикальными республиканцами, как он это делал неоднократно в годы Гражданской войны. Джонсон такой готовности не проявил и вступил с конгрессом в конфронтацию — одну из самых ожесточенных за всю историю США.

В конгрессе США продолжала господствовать Республиканская партия, а в ней наибольшим влиянием пользовалась фракция радикальных республиканцев. Мотивы республиканцев в подходе к политике Реконструкции были разнообразны, но первоначально одним из ведущих было искреннее желание выкорчевать рабовладельческую цивилизацию на Юге, опираясь на поддержку освобожденных чернокожих американцев. Конгресс начал осуществлять собственную программу Реконструкции, приняв в интересах негров ряд законов, среди которых особое значение имела **Четырнадцатая поправка** к федеральной конституции, наделявшая чернокожих равными с белыми гражданскими правами. Президент Джонсон сделал все, чтобы заблокировать эти законы.

В 1866 г. в ходе перевыборов депутатов конгресса радикальные республиканцы еще больше упрочили свои позиции. Они одобрили новый закон о Реконструкции, который Джонсон не смог отклонить (его вето было успешно преодолено законодателями). Согласно закону, десять южных штатов, отказавшихся одобрить Четырнадцатую поправку к конституции, разделялись на пять военных округов, каждый во главе с федеральным генералом. Во время чрезвычайного управления южные штаты были обязаны одобрить эту поправку, принять в собственных штатах новые конституции, которые бы наделяли негров избирательными правами, выполнить ряд других условий. Только после этого конгресс США соглашался предоставить им равные права в федерации.

Тогда же конгресс принял закон, запрещающий президенту смещать государственных чиновников с должностей без согласия законодателей. Тем самым брались под защиту представители исполнительной власти, которые были солидарны с линией конгресса, а не президента. Попытка президента снять военного министра, поддерживавшего конгресс, привела к тому, что законодатели впервые в амери-

канской истории возбудили против главы исполнительной власти **импичмент** (*процедура отстранения от должности. — Авт.*). Импичмент не удался, но Джонсон был дискредитирован и на президентских выборах 1868 г. не имел никаких шансов на успех. Республиканцы выдвинули своим кандидатом боевого генерала *Гранта*, который и стал президентом. Теперь отношение президента и конгресса к Реконструкции совпадало.

Режим чрезвычайного управления, введенный Республиканской партией и конгрессом в южных штатах, продолжался в течение нескольких лет. В 1868 г. в федеральный Союз были допущены семь бывших рабовладельческих штатов, выполнивших все требования, продиктованные конгрессом. Возвращение оставшихся трех штатов затянулось до 1870-х гг. Республиканцы осуществляли свою политику на Юге, опираясь на поддержку вчерашних черных рабов. Перерегистрация избирателей в южных штатах привела к тому, что 40 % белых избирателей были лишены права голоса, зато таковым было наделено большинство черного мужского населения. В результате число черных избирателей существенно превысило белых — 735 тысяч против 635 тысяч. Черные избиратели неизменно голосовали за республиканцев, обеспечивая им при любом раскладе голосов среди белых победу над Демократической партией. В результате республиканцы доминировали в органах власти южных штатов на протяжении всего периода Реконструкции.

Среди всех реформ Реконструкции наиболее весомыми оказались политические. В первую очередь речь идет о двух поправках к федеральной конституции, оказавшихся одними из самых демократических за всю американскую историю. Четырнадцатая поправка, вступившая в силу в 1868 г., не только провозглашала равенство юридических и политических прав всех американцев независимо от цвета кожи, но и позволяла федеральному правительству «наказывать» штаты за их нарушение. На основании этой поправки федеральное правительство могло ввести в любой штат войска для защиты прав чернокожих. **Пятнадцатая поправка**, ратифицированная в 1870 г., развивала предыдущую и запрещала федерации и штатам лишать граждан той или иной расы избирательного права.

На основании этих поправок, как и других демократических законов, черные американцы существенно расширили свои права и возможности не только в политической, но также в социальной и экономической сферах. В результате выросли, хотя и остались ниже, чем у белых, заработки и доходы чернокожих рабочих, арендаторов, фермеров.

Чернокожие стали приобщаться к классу собственников, хотя здесь их успехи были гораздо скромнее, чем у белых. Их белые защитники добивались отмены «**черных кодексов**», подавления организаций ку-клукс-клана, других проявлений расизма.

Реконструкция развивалась по восходящей линии вплоть до начала 1870-х гг., затем она резко затормозилась и окончательно прервалась в середине десятилетия, не доведя до конца многие свои начинания (несколько десятилетий спустя значительная часть результатов Реконструкции была отменена). Почему же вторая либерально-демократическая революция в США при всех ее очевидных достижениях осталась незавершенной?

Историки выявили и назвали тому много причин, но среди них можно и необходимо обозначить одну главную. К началу 1870-х гг. опасность реставрации рабовладельческого строя на Юге была ликвидирована, а утверждение буржуазно-либерального миропорядка гарантировано. Произошла смена политических, а также в значительной мере экономических и социальных элит. Место бывшего рабовладельческого класса заняли капиталистические нувориши и новый политический класс — по преимуществу из числа тех, кого их современные критики окрестили «**саквоаяжниками**» и «**прохвостами**».

«Саквоаяжниками» называли выходцев с Севера, которые устремились на Юг, чтобы преобразовать его по образу и подобию собственных штатов, не забывая при этом о собственной экономической выгоде и политической карьере. Второй мотив по мере сокрушения позиций плантаторского класса все более выдвигался на первый план. «Прохвостами» окрестили уже тех южан, которые одобрили политику Реконструкции, увидев в ней шанс как для возрождения Юга, так и для утверждения собственного благополучия, вхождения в новую элиту, призванную занять место бывшего рабовладельческого класса. И в поведении «прохвостов» идеальные мотивы все более уступали место корыстным и карьерным.

В целом, утвердившись в рядах экономической и политической элиты южных штатов, белые друзья черной расы все более действовали и мыслили в соответствии с интересами своей экономической и политической выгоды и все меньше руководствовались благородными соображениями, которые были, безусловно, присущи многим из них в предшествующий период. Обязательства перед черной расой, которая помогла им стать новой элитой, их все более тяготили.

Погруженность в собственные интересы становилась всепоглощающей. Имена бывших идеалистов все чаще и чаще всплывали в связи

с громкими скандалами, связанными с коррупцией, лихоимством, грязными экономическими и политическими махинациями. На смену революции пришел **термидор** — *завершающая фаза большинства революционных эпох* (сам этот термин заимствован из названия последнего этапа Великой Французской революции конца XVIII в. — *Авт.*). Американский термидор, как и любой другой, не был равнозначен контрреволюции, он не отменил основополагающих социально-экономических и политических сдвигов революционной эпохи, но подчинил их преимущественно интересам элит, возвысившихся благодаря революции.

Вопросы к семинарским занятиям

1. Чем объяснить экономический подъем американского рабовладения в первой половине XIX в.?
2. Каким было отношение к чернокожим американцам на Юге и Севере США?
3. Охарактеризуйте компромиссы Севера и Юга 1820 и 1850 гг.
4. Почему обострились противоречия Севера и Юга во второй половине 1840-х — начале 1850-х гг.?
5. Охарактеризуйте роль закона «Канзас—Небраска» в возникновении Гражданской войны.
6. Как возникла Республиканская партия США? Разъясните ее лозунги «Свободный труд!», «Свободная земля!», «Свободные люди!»
7. Охарактеризуйте историографические различия в объяснении причин Гражданской войны. Можно ли было предотвратить ее?
8. Когда и почему возникла Конфедерация южных штатов, каковы были ее идеология и цели?
9. Охарактеризуйте основные различия между первым и вторым этапами Гражданской войны.
10. Охарактеризуйте основные законодательные акты Гражданской войны. Как они повлияли на ее исход?
11. В чем значение геттисбергской речи А. Линкольна?
12. Что такое Реконструкция Юга? Охарактеризуйте 13, 14 и 15-ю поправки к Конституции США.
13. Кто такие «саквояжники» и «прохвосты»?
14. Почему была прекращена Реконструкция Юга?

Литература

1. Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. — М., 1980.
2. Бурин С. Н. На полях сражений гражданской войны в США. — М., 1988.
3. Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и гражданская война в США. — М., 1964.
4. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 / Под ред. Э. А. Иваняна. — М., 2001.
5. Сегрин В. В. Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. — М., 1995.
6. Сегрин В. В. Президенты и демократия. Американский опыт. — М., 1998.
7. Хофстедтер Р. Американская политическая традиция и ее создатели. — М., 1992.

Тема 5

Общество и корпорации

5.1. Социал-дарвинистская Америка

Термидор эпохи второй Американской революции имел разнообразные политические следствия. Одним из главных стало изменение характера Республиканской партии. Демократическая и эгалитарная направленность идеологии и деятельности Республиканской партии сошла на нет, а на первое место вышли иные цели: всяческое поощрение промышленного и финансово-банковского развития, защита отечественного капитализма от иностранной конкуренции, обеспечение господства «здорового», то есть золотого денежного стандарта, которые отвечали непосредственным экономическим интересам капиталистического класса, одержавшего при помощи поддержки союзников «снизу» триумфальную победу над рабовладельческой олигархией и преумножившего свои богатства еще в ходе самой второй Американской революции.

Олицетворением радикальной перемены характера Республиканской партии стала знаменитая и уникальная во всей американской истории сделка с Демократической партией, известная как «**компромисс 1877 года**». Суть такова. На президентских выборах 1876 г. в ходе соперничества между республиканцем *Р. Хейсом* и демократом *С. Тилденом* (он пообещал покончить с коррупцией Республиканской партии) чаша весов впервые с 1860 г. склонилась в пользу лидера Демократической партии. Без учета результатов выборов в четырех штатах (Флорида, Луизиана, Южная Каролина и Орегон), носивших спорный характер и подлежавших перепроверке, у Тилдена было 184 голоса выборщиков, а у Хейса только 165. Кандидату от демократов, чтобы стать президентом, достаточно было получить один из оставшихся 20 голосов выборщиков, то есть его устраивал благоприятный исход выборов в любом из четырех штатов. Республиканскому же кандидату для победы нужна была поддержка всех без исключения выборщиков от четырех штатов.

Не вызывало сомнений, что в трех южных штатах — **Луизиане, Южной Каролине и Флориде**, где еще сохранялась Реконструкция, а республиканцы полностью контролировали избирательную процедуру и счетные комиссии, итоги выборов были подтасованы в их пользу. Так, в Луизиане счетные комиссии, состоявшие из республиканцев, объявили недействительными 13500 голосов, поданных за демократов, в результате чего Хейсу было обеспечено большинство в 4 тысячи избирателей и поддержка всех выборщиков.

Чтобы разобраться в нарушениях избирательной процедуры, была создана **федеральная комиссия**, включившая по пять представителей от сената, палаты представителей и Верховного суда США. В феврале 1877 г. комиссия приняла решение не углубляться в темное дело и присудить все 20 спорных голосов выборщиков кандидату от Республиканской партии. Решению комиссии как раз и предшествовала сделка республиканцев и демократов, по условиям которой Хейс в награду за президентскую должность должен был без промедления отозвать войска федерального правительства из Флориды, Луизианы и Южной Каролины, где еще не было объявлено об окончании Реконструкции, передать контроль за распределением федеральных должностей на Юге демократам, выделить субсидии на развитие там экономики, в частности на строительство железных дорог. В течение 1877 г. Хейс выполнил все главные требования демократов.

Республиканцы после этого сохранили контроль над центральной властью, но южные штаты на долгие десятилетия стали доменом Демократической партии. Восстановить рабство и экономическую мощь плантаторов ей было не по плечу, но она сумела создать на Юге расистский политический режим. Поскольку федеральная конституция, ее 15-я поправка запрещали дискриминацию по цвету кожи, южные политики предприняли обходные меры по ограничению политических прав негров.

Первой мерой, серьезно уменьшившей число черных избирателей, стало введение **избирательного налога**. Сотни тысяч негров предпочли уплате налога неучастие в выборах. Второй мерой, еще больше сократившей число черных избирателей, явилось введение в южных штатах **ценза грамотности**. Согласно цензу избиратели должны были суметь прочитать конституцию штата или федерации, а в ряде случаев объяснить смысл прочитанного. Этот ценз ударил и по части белых избирателей, но больше всего от него пострадали негры: число неграмотных среди них достигало 60 %. Наконец, третьей ограничительной мерой стал своеобразный **ценз родства**, введенный в четырех штатах.

В историю он вошел под именем «дедушкина закона»: претендент на избирательное право должен был доказать, что этим правом пользовался его дед. Негры, расставшиеся с рабским состоянием относительно недавно, в большинстве случаев представить таких доказательств не могли. В целом ограничительные меры лишили избирательных прав до 90 % черных американцев и утвердили полное господство белых избирателей.

Все эти ограничения избирательного права на Юге были признаны законными Верховным судом США, провозгласившим, что они не заключают дискриминации по цвету кожи. Верховный суд также объявил правомерными одобренные в южных штатах законы о раздельном проезде белых и черных на транспорте, раздельном пользовании и посещении ими кафе, театров, больниц и т. д. Одобрив расовую сегрегацию, Верховный суд объявил, что она отнюдь не противоречит 14-й поправке к федеральной конституции, поскольку та, осуждая неравенство прав, не отрицает возможности раздельного пользования ими. Доктрина «равных, но раздельных прав» явилась утонченным и одновременно циничным оправданием расизма. Ни для кого не было секретом, что в результате сегрегации негры оказывались в гораздо более худших условиях, чем белые, и о равенстве их прав не могло быть и речи.

Деятели Республиканской партии, сохранившие в своих руках общенациональную власть, закрыли глаза на установление расистского режима в южных штатах. Компромисс с южанами по расовому вопросу помог им удерживать власть на федеральном уровне и в последующем. За 50-летний период от начала Гражданской войны республиканцы побеждали на одиннадцати президентских выборах из тринадцати. Общегосударственная власть все больше использовалась ими для разнобразной поддержки промышленного и финансового капитала, который господствовал теперь в экономике как Севера, так и Юга.

Промышленный и финансовый капитал имел шансы закрепить экономическое господство во всех регионах страны и без активной поддержки со стороны государственной власти. Но такая поддержка существенно ускоряла повсеместное овладение им экономическими высотами. Действуя через Республиканскую партию и государственные структуры, наиболее предприимчивые промышленники и финансисты, среди которых гораздо больший удельный вес, чем прежде, принадлежал нуворишам, сумели в течение двух-трех десятилетий создать железнодорожные, нефтяные, стальные, банковские и иные империи. Именно в последние десятилетия XIX в. классическая свободная конкуренция уступила место монополистическому капитализму.

Наиболее существенную поддержку (щедро оплаченную) Республиканская партия и государственные чиновники оказали железнодорожным компаниям. Так, им были переданы в виде грантов 200 млн акров федеральных земель. Щедрость государства принесла ощутимые результаты: не только северо-восток, но также юг и запад покрылись густой сетью железных дорог (их протяженность с 1870 по 1900 г. увеличилась в семь раз), а их владельцы возглавили список самых богатых людей страны.

Широкая государственная поддержка оказывалась и промышленным компаниям, среди которых на ведущей позиции прочно закрепились предпринимательские объединения. Если в эпоху Э. Джексона корпорации считались чуть ли не главным врагом общества, душителями свободной конкуренции, то после Гражданской войны они почитались в качестве основы процветания. Власти штатов соперничали друг с другом в обеспечении наиболее благоприятных условий для корпоративного капитала на своих территориях. В 1875 г. в штате **Нью-Джерси**, который известен как «**родина корпораций**», был принят закон, отменявший большинство ограничений на предельные размеры капиталов предпринимательских объединений, резко расширявший их возможности при получении займов и выпуске акций и облегчавший условия ответственности перед кредиторами. Другие штаты, боясь отстать от Нью-Джерси и стремясь инкорпорировать на своих территориях как можно больше предпринимательских объединений, создали для них поистине тепличные условия. Разнообразные государственные льготы благоприятствовали возникновению и утверждению господства в экономике США таких гигантов, как «*Стандард Ойл*», «*Юнайтед Стэйтс Стил*», «*Дженерал Моторс*». Имена их создателей стали олицетворением капиталистической элиты на многие десятилетия.

Особую заботу в отношении большого бизнеса проявлял Верховный суд США. Среди использованных им средств поражает приспособление к интересам бизнеса 14-й поправки к федеральной Конституции США. Одобренная в 1868 г., она провозглашала, что «ни один штат не может лишить кого-либо жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры». Радикальные республиканцы, инициаторы поправки, предназначали ее для пресечения попыток властей южных штатов ограничить гражданские и политические права освобожденных негров. Но в 1870–1890-х гг. судебная ветвь активно использовала эту поправку для того, чтобы пресечь попытки властей штатов как на Юге, так и на Севере ущемить права и интересы бизнеса.

Принцип «надлежащей правовой процедуры», так же как и принципы «безусловных прав» и «свободы договора», почерпнутые из той же Конституции США, были десятки раз применены Верховным судом для того, чтобы обеспечить корпорациям полную свободу рук в достижении своих интересов. Позиция Верховного суда определялась, по сути, идеологическими мотивами: первый из них заключался в том, что процветание бизнеса являлось основой благополучия Соединенных Штатов в целом, а второй — в том, что интересы бизнеса, а следовательно, и США будут обеспечены наилучшим образом, если государство в своей экономической и социальной политике будет следовать принципу «невмешательства» в «естественный ход вещей».

Признание «естественного хода вещей» основой общественного прогресса выступило в качестве краеугольного камня идеологии американского бизнеса, как и следовавшего в его фарватере общественно-го мнения. Наиболее полно это кредо обосновывалось **социал-дарвинизмом**, не без успеха претендовавшего в последние десятилетия XIX в. на роль общенациональной идеологии. Социал-дарвинизм перенес биологические законы знаменитого ученого *Чарльза Дарвина* на общество и обосновывал естественное, вытекающее из самой природы вещей происхождение социальных явлений и противоречий, таких как классовые конфликты, конкуренция, миллионные состояния корпораций, с одной стороны, и массовая бедность — с другой. Сведение общественных законов к биологическим снимало вопрос о социально-экономической обусловленности этих явлений. Они объявлялись извечными и неуничтожимыми категориями мироздания.

Первым, кто перенес законы Дарвина на общество, был англичанин *Герберт Спенсер*. Учение Спенсера приобрело широкое влияние в Англии, но наибольшее распространение оно получило в США. Поездка Спенсера по Соединенным Штатам в 1882 г. вызвала в стране настоящий энтузиазм, его лекции в лучших университетах и избранных клубах собирали огромные аудитории, английского социолога чествовали как национального героя. Начиная с 1880-х гг. в стране создавались кафедры социал-дарвинизма, он стал господствующей общественно-политической теорией, которая пронизала все общественные науки. «В первые три десятилетия после гражданской войны, — писал *Р. Хофстедтер*, один из признанных мэтров американской исторической науки, — невозможно было утвердиться в какой-либо из сфер интеллектуальной жизни, не будучи последователем Спенсера».

Популярность социал-дарвинизма имела несколько причин. Нелзя сбрасывать со счетов то, что социал-дарвинизм заимствовал свои

законы из биологии, которая благодаря открытиям Дарвина совершила гигантский скачок в своем развитии и оказалась в одном ряду с самыми передовыми науками своего времени. Но все же главной причиной американского триумфа социал-дарвинизма было то, что исповедуемые им законы общества и политические рекомендации удивительно полно и точно отразили запросы новой социально-экономической элиты.

Интеллектуальным лидером американских социал-дарвинистов стал *Уильям Самнер*, глава социологов Йельского университета. Он оказался блестящим проповедником и публицистом: его лекции, собиравшие огромные аудитории, распространялись затем многотысячными тиражами по всей стране. Самнера цитировали газеты и политики, миллионеры и ученые, а американскую социологию все чаще называли «самнерологией».

В мировой истории, доказывал Самнер, не было ни одного периода, когда бы отсутствовало разделение на классы и их конфликты. Он не видел никаких способов устранения или даже смягчения классовых различий и в будущем. Идеи же, предполагавшие возможность утверждения бесклассового общества и замены классовых конфликтов социальным сотрудничеством, высмеивались как утопия. Вслед за классовой борьбой воплощением естественного закона борьбы за существование объявлялась частнособственническая конкуренция. Самнер неизменно называл финансовых и промышленных магнатов, сокрушавших «менее приспособленных» конкурентов, продуктом «естественного отбора», элитой общества, созданной самой природой.

Молох «естественного отбора», по Самнеру, неизбежно принимал всех «менее приспособленных» человеческих «особей». Это была закономерная цена общественного прогресса. Любые усилия, направленные на устранение крайностей неравенства и смягчение участи «менее приспособленных» индивидуумов, доказывал Самнер, противоречат формуле общественного прогресса и угрожают крахом цивилизации: «Многие экономисты выражают неудовлетворенность распространенной в мире нищетой... Но при этом они не учитывают, что, отвергнув формулу выживания наиболее приспособленных видов, можно предложить только одну альтернативу — выживание наименее приспособленных. Первая формула лежит в основе развития цивилизации, вторая является формой антицивилизации».

Самнер требовал от правительства неизменно руководствоваться в социально-экономической политике принципами чистого индивидуализма, и в первую очередь — государственного невмешательства, уxo-

дядими корнями в XVIII в.: «Все возможные достижения на пути к естественному социальному порядку могут быть лишь следствием саморазвивающегося прогресса, но не результатом реконструкции общества по плану какого-либо социального архитектора-энтузиаста... Общество должно быть свободно от их вмешательства, то есть предоставлено самому себе в своем развитии. И здесь мы вновь должны довериться старой формуле государственного невмешательства».

Американская экономическая элита, ознакомившись с социал-дарвинистскими принципами, без промедления взяла их на вооружение. Э. Карнеги, Д. Рокфеллер, Д. Морган, Д. Херст преподносили себя как наиболее приспособленных индивидуумов, а созданные ими промышленные и финансовые империи — как высшие достижения естественного отбора. Некоторые из них и сами становились активными пропагандистами социал-дарвинистских идей, распространяя их через газеты, журналы, а то и через пухлые сочинения. Э. Карнеги, создатель стальной империи, производившей металла больше, чем вся Великобритания, получил признание и в качестве теоретика социал-дарвинизма. Одной рукой он беспощадно истреблял в своей отрасли профсоюзы, а другой писал наставления для соотечественников о способах «выживания» в условиях благословенной экономической свободы. Его книга «Триумфальная демократия» стала практическим руководством для тех, кто желал сколотить миллионы, полагаясь на силу, волю, предприимчивость.

Социал-дарвинистская идея о благотворности естественного развития экономики и социума была воспринята обеими главными политическими партиями, как и государственной властью. Однако исповедуемая ими доктрина «государственного невмешательства» в «естественный ход вещей» при соотнесении с политической практикой обнаруживала, как минимум, изрядную долю лицемерия. Действительно, власть не стесняла себя при создании льготных условий развития корпоративного капитала, а о формуле «государственного невмешательства» вспоминала главным образом в связи с требованиями нижних социальных слоев облегчить их материальное положение и ограничить экономический диктат монополий.

Защищаясь от обвинений в двуличии, власть часто прибегала к тому аргументу, что владельцы корпораций преумножили богатство нации, вывели ее на передовую позицию в мире, а потому заслуживают признательности со стороны общества и обеспечения «свободы рук». Но соответствовал ли этот аргумент реальности, и если да, то в какой степени?

Последствия монополизации были неоднозначны и не могут быть исчерпаны только позитивной или негативной оценкой. Что касается **экономических последствий**, то они характеризуются впечатляющими достижениями корпоративной Америки. К 1900 г. США прочно стали ведущей промышленной державой мира. За 30 лет производство чугуна выросло в 8 раз, добыча угля — в 10, выплавка стали — в 150 раз. Чугуна и стали США производили больше, чем Великобритания и Германия, вместе взятые.

Социальные же следствия монополизации были противоречивы. В ходе ее сложилась новая экономическая элита, разрыв между нею и основной массой населения постоянно углублялся. Резко возросшее национальное богатство Америки (валовой национальный продукт увеличился с 1870 по 1900 г. в 3 раза при росте населения в 2,3 раза) распределялось крайне неравномерно. Реальные доходы промышленных рабочих, руками которых создавались новые богатства, выросли за 30 лет в 1,4 раза — цифра несоизмеримая с тысячекратным ростом за тот же период состояний владельцев корпораций. В ходе монополизации были разорены десятки тысяч независимых предпринимателей, опустившихся в нижние слои общества. Создатели промышленных империй сокрушали их отнюдь не при помощи одного только предпринимательского гения. Нефтяной владыка *Джон Рокфеллер*, как убедительно доказывали либеральные журналисты той эпохи, прокладывал путь к экономическому господству при помощи поджогов нефтехранилищ неуступчивых конкурентов, стоворов с владельцами железных дорог, подкупа судей и законодателей. «Естественный отбор» в других отраслях обладал абсолютно такими же чертами.

Противоречивы и **политические тенденции эпохи монополизации**. С одной стороны, в последней трети XIX в. сохранились все политические институты и механизмы, укоренившиеся в предшествующие десятилетия. К ним добавились и некоторые демократические нововведения, в первую очередь тайное голосование во время выборов. С другой стороны, в южных штатах были введены избирательный налог и ценз грамотности, резко сократившие количество как черных, так и белых избирателей. Но главным показателем снижения реального значения демократии стало активное вторжение во власть лидеров финансово-промышленного капитала, которые не только активно продвигали туда подконтрольных им менеджеров, юристов, партийных функционеров, но и сами стремились обосноваться на политическом олимпе.

Финансово-промышленные магнаты облюбовали для себя сенат, верхнюю палату конгресса США, которая в тот период превратилась

в самый влиятельный властный институт. В конце XIX в. в сенате заседали 25 миллионеров — почти треть его состава. Многие другие сенаторы непосредственно представляли интересы финансово-промышленных объединений. Ведущие сенаторы-республиканцы конца XIX в. *У. Аллисон, Н. Олдрич, О. Платт, Д. Спурнер* («философский клуб», как величали их угодливые языки) были адвокатами крупных корпораций. Они, подобно лидерам бизнеса, ощущали себя хозяевами страны, отобранными для управления ею самой природой. Известный сенатор, он же газетный магнат из Калифорнии *Д. Херст* высказался однажды о себе и своих коллегах в духе социал-дарвинистских идей: «Я не слишком-то разбираюсь в книгах, не так уж много довелось мне их прочесть. Но я достаточно путешествовал, много повидал и, основываясь на собственном опыте, пришел к заключению, что сенаторы являются продуктом выживания наиболее приспособленных видов». Миллионер или адвокат корпораций, типичный американский сенатор, олицетворял тесную унию государства и бизнеса.

Сенаторы ревниво следили за попытками президента, формального главы государства, выйти из-под их влияния и проводить самостоятельную линию. Особенно нетерпимы они были к законодательным инициативам главы исполнительной власти. «Наиболее видные сенаторы, — вспоминал *Д. Хоар*, член верхней палаты конгресса США конца XIX в., — воспринимали как личное оскорбление президентские послания с предложениями законодательных мер, которые не вызывали у них одобрения. А если они направлялись в Белый дом, то делали это с целью дать совет, а не получить его». Большинство президентов того времени предстают политическими карликами в сравнении с такими своими предшественниками, как *Э. Джексон* и *А. Линкольн*.

Все более подчинялись воле экономических владык и политические партии. Различия между республиканцами и демократами сужались, обе партии идейно, политически и организационно сблизились с корпоративным капиталом. Они и сами превратились в подобие корпораций, подчиняя политику во все большей мере целям обогащения. Руководителей партийных организаций стали именовать боссами: наипервейшая задача последних заключалась именно в изыскании способов финансового процветания партий (не забывая, понятно, и о самих себе).

Корпоративный капитал выступал главным финансистом избирательных кампаний обеих главных партий. Яркой иллюстрацией финансового главенства экономических магнатов в избирательных кампаниях служат президентские выборы 1896 г., в результате которых

главой государства стал республиканец У. Маккинли. Решающую роль в обеспечении победы Республиканской партии сыграл мультимиллионер из штата Огайо М. Ханна. Ханна, который был признан первым национальным боссом республиканцев (их неформальным реальным вождем в отличие от формального главы, каковым был гораздо менее влиятельный председатель национального комитета партии), привлек в 1896 г. к финансированию избирательной кампании богатейших людей Америки, навязал свою волю руководителям разных фракций внутри партии и добился выдвижения кандидата, наиболее приемлемого для бизнеса и обладавшего наибольшими шансами на победу.

Альянс Ханны и выдвинутого им кандидатом в президенты У. Маккинли послужил поводом для многих злых карикатур. На одной из них Ханна был изображен в виде монстра-плутократа, сплошь обклеенного долларами, а Маккинли — карликом, едва не утонувшим в наполеоновской треуголке. Для обеспечения победы Маккинли Ханна собрал рекордную для XIX в. сумму — более 3,5 млн долларов. После избрания Маккинли президентом республиканцы, да и не только они, справедливо признали Ханну истинным триумфатором кампании.

Среди американцев было немало тех, кто с изумлением, а то и с восхищением наблюдал за воцарением в экономике и политике «наиболее приспособленных» индивидуумов и искренне считал их триумф следствием «естественного отбора». Но было немало и тех, кто полагал, что возвышение олигархов оказалось возможным вследствие предательства политиками и государством народа и демократии. Эти американцы попытались объединиться, перейти в контрнаступление, восстановить свои позиции как в экономике, так и в политике.

5.2. Популисты, тред-юнионисты и социалисты

Народный протест оформлялся постепенно, а поначалу наиболее громко заявило о себе **американское фермерство**. В 70–80-е гг. возникали различные фермерские партии, сосредоточившиеся на критике золотого денежного стандарта, или «дорогих» денег, и защите «дешевых» денег, под которыми понимались бумажные и серебряные деньги. Особая популярность **теории «дешевых денег»** среди фермерства объяснима: цены на сельскохозяйственные продукты в последней трети XIX в. быстро падали, задолженность все возрастала, закладывались и перезаклачивались хозяйства, а теория «дешевых денег» обещала фермерам быстрое повышение цен, облегчение выплаты долгов, освобождение от экономических тягот.

Реальные причины бедствий фермеров были разнообразны, но сторонники «дешевых денег» объясняли падение цен на сельскохозяйственные продукты исключительно уменьшением количества денег в обращении, подыскивая красноречивые доказательства своей точке зрения. Например, было подсчитано, что с 1865 по 1890 г. количество денег в обращении уменьшилось в расчете на одного человека более чем в полтора раза. Увеличить количество денежной массы при сохранении золотого стандарта не представлялось возможным: естественные запасы этого благородного металла были ограничены. К великому огорчению сторонников «дешевых денег», правительственная политика после Гражданской войны заключалась в последовательном укреплении золотого стандарта, что в их глазах являлось результатом сговора государства с финансовыми воротилами типа Моргана.

Постепенно фермерские партии расширяли критику крупного капитала, а наибольшую остроту ей придавала **Популистская партия**, действовавшая в 1890-е гг. Популисты включили в «монополии-грабители» самые разные корпорации, но полагали, что главную скрипку среди них играют финансовые и железнодорожные объединения. Лидеры Популистской партии отказывались признать, что монополии возникли в результате «естественного отбора», доказывая, со своей стороны, что они образовались в результате гигантского сговора, который должен быть без промедления разрушен: «Если он не встретит отпора и не будет уничтожен тотчас же, то приведет к чудовищным социальным взрывам, уничтожению цивилизации и установлению абсолютной деспотии».

В пресечении заговора главная роль отводилась государству, которое должно было провести жесткие антимонополистические законы, национализировать железные дороги, телефонную и телеграфную сеть, поддерживать после этого правила честной конкуренции. Но существующая государственная власть, сама вступившая в сговор с монополиями, не заслуживала доверия, она должна была быть подчинена Популистской партии — истинной и единственной защитнице интересов народа. При этом популисты были решительными противниками насильственного захвата или разрушения власти, они были верны демократическим принципам и верили в возможность достижения своей цели с помощью реформ, а не революции. Но реформы должны были быть радикальными.

Популисты выдвинули целую серию мер, самых глубоких со времен Джефферсона, по демократизации американской политической системы. Многоступенчатую формулу одобрения законопроектов «палата представителей — сенат — президент — Верховный суд» они отвергли

как непреодолимый барьер на пути подлинно демократических требований. Популисты настаивали на «облегчении процесса изменения конституции» путем внесения в нее «народных поправок». Народу должно было быть предоставлено право законодательной инициативы, а народный референдум призван был стать высшей законодательной властью в стране. Наряду с этими требованиями, воплотившими бы на практике идею «прямого законодательства» народа, популисты выдвинули и массу других требований, составивших программу прямой демократии: прямые выборы сенаторов, вице-президента и президента, прямое и тайное выдвижение избирателями кандидатов в депутаты, право на отзыв конгрессменов и судей. Многие из этих требований были вполне реалистичными, а почти половина из них получила законодательное воплощение в начале XX в.

Наибольшего успеха Популистская партия добилась на выборах 1892 г., когда за нее проголосовало около 10 % избирателей. Но после этого партии стали сопутствовать неудачи, главной причиной которых был ее раскол. Часть популистов сочла необходимым сосредоточиться на требовании «дешевых денег», а другая часть настаивала на приверженности широким антимонополистическим и демократическим требованиям. Многие антимонополисты вовлеклись в движение **«национализаторов»**, во главе которого выступил знаменитый американский писатель и социальный критик *Эдвард Беллами*.

Беллами оказался самым ярким выразителем антимонополизма, который в его истолковании, по сути, перерастал в социализм (но сам Беллами себя социалистом не считал). Свои идеалы он развил в книгах **«Будущий век»** (1888 г.) и **«Равенство»** (1897 г.). Уже первая его книга стала важным общественным явлением: сразу после ее издания в самых разных уголках Соединенных Штатов, преимущественно в крупных промышленных городах — **Бостоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско**, возникли десятки «национализаторских» (от главной идеи Беллами — национализация монополий) клубов, объявивших Беллами своим пророком. Книги Беллами были переведены и стали популярны также в европейских странах, в том числе в России, где он рассматривался в качестве социалиста.

В отличие от типичных популистов Беллами отклонил идею восстановления классической свободной конкуренции, поскольку считал, что она равнозначна попятному историческому движению. Сам он доказывал, что переход к монополистическому капитализму неизмеримо увеличивает возможности укрепления материального богатства и означает безусловный прогресс с экономической и технической точек зрения.

Историческая вина монополий заключалась не в сокрушении свободной конкуренции, а в присвоении возрастающих материальных благ сужающейся горсткой монополий. Выход заключался не в ликвидации предпринимательских объединений, а в их национализации и обращении в достояние всего общества. «Частный капитализм», заключал Беллами, должен был уступить место «общественному капитализму».

И уже подобно популистам, Беллами полагал, что американская политическая система включает в себе возможности осуществления глубоких общественных преобразований без насилия и революционных потрясений. Его идеалы должны были быть внесены в сознание избирателей, а те уже могли воспользоваться демократическим правом волеизъявления для установления «общественного капитализма». К идеям Беллами прислушивались сотни тысяч его современников.

За популистами следовали в основном фермеры, а за Беллами — интеллигенция. В среде рабочего класса возникла собственная оппозиция, по размаху и радикализму не имевшая аналогов в Соединенных Штатах. В 1880-е гг. возникла первая общенациональная организация американских рабочих, взявшая себе романтическое название — **«Рыцари труда»**. Они поставили целью установить кооперативную промышленную систему, которая превратила бы каждого человека в собственного работодателя. В 1890-е гг. «Рыцари труда» были вытеснены с ведущей позиции **Американской федерацией труда (АФТ)**. АФТ, объединявшая по преимуществу квалифицированных рабочих, стояла в целом на умеренных позициях, но долгое время в ней было сильно и радикальное крыло.

В 1893 г. радикалы внесли на рассмотрение съезда АФТ нетипичную для профсоюзов политическую программу. Наряду с требованиями о предоставлении народу права законодательной инициативы, о признании народного референдума основой всякого законодательства, о муниципализации систем городского транспорта, водо-, газо- и электроснабжения, о национализации телеграфа, телефона, железных дорог и горной промышленности, а также типичными профсоюзными требованиями о введении 8-часового рабочего дня, об учреждении санитарной инспекции и социального страхования в программе содержалась идея установления **«коллективной собственности всего народа на все средства производства и распределения»**.

Программа также предполагала превратить АФТ в организацию политического представительства рабочих. Съезд 1893 г. рекомендовал ее на рассмотрение низовым организациям 2244 голосами против 67. Подавляющее большинство местных организаций также одобрили эту

программу, в том числе необычайно радикальный 10-й пункт, требовавший обобществления всех средств производства. Правда, на съезде 1894 г. умеренное руководство АФТ, используя антидемократическую процедуру, сумело отклонить радикальные пункты программы.

Но прецедент, имевший место на съезде АФТ 1893 г., так или иначе повторялся в последующем. В 1899 г. съездом АФТ была принята резолюция, призывавшая «тред-юнионистов Соединенных Штатов и вообще рабочих изучать развитие трестов и монополий, имея в виду их национализацию». На съезде 1902 г. левые вынесли на рассмотрение резолюцию, аналогичную 10-му пункту политической программы 1893 г. Она была отклонена относительно небольшим большинством.

Политические дискуссии в АФТ свидетельствовали, что радикальные идеи впервые проникли в сознание широкой массы американских рабочих, и среди этих идей нашлось место даже социалистическим. Наибольшего влияния идеи социализма оказали на неквалифицированных рабочих, как и на иммигрантов, которым не нашлось места в АФТ. Эти рабочие в начале XX в. сумели создать собственное профсоюзное объединение «**Индустриальные рабочие мира**» (ИРМ). ИРМ восприняло идеалы социализма в анархо-синдикалистской форме. Лидеры профсоюза предлагали рабочим отказаться от политических действий и стремиться с помощью массовой забастовки к «**всеобщему локауту капиталистического класса**». Радикальные стачки, организованные ИРМ, стали головной болью для американского правящего класса.

Радикализм рабочих масс подготовил почву для создания первой в американской истории социалистической партии. На рубеже XIX–XX вв. их возникло сразу две. Первой образовалась **Социалистическая рабочая партия (СРП)**, которая пыталась последовательно, но одновременно крайне догматично укоренять марксизм на американской почве. Фактически единоличным лидером партии стал профессор знаменитого Колумбийского университета *Д. Де Леон*, который, прочитав однажды «Капитал» Маркса, полностью поменял свое мировоззрение. Под руководством Де Леона СРП воспитывала твердых марксистов, зорко следя за тем, чтобы не допустить в партию «несознательных» рабочих. Членам партии внушалась мысль, что социалисты не могут ограничиться ничем иным, кроме предъявления ультиматума о «безусловной сдаче капиталистической системы». На съезде СРП 1900 г., когда из партии вышли сторонники более широких взглядов, Де Леон добился исключения из программы любых реформистских требований. Новая программа получила со стороны критиков название «**невыполнимой**».

В отличие от СРП, **Социалистическая партия США**, возникшая в 1901 г., добилась заметного влияния в политической жизни страны. Американский социализм обязан ей самым крупным успехом за всю свою историю. За одно десятилетие численность Социалистической партии возросла с 10 тысяч до 150 тысяч человек, количество голосов, собираемых неизменным кандидатом Социалистической партии на президентских выборах *Юджином Дэбсом*, увеличилось с 97 тысяч в 1900 г. до 1 млн в 1912 г. (10 % от принявших участие в выборах). Более тысячи депутатов-социалистов заседали в законодательных собраниях различных штатов, в городских советах, они контролировали многие мэрии. Блокируясь с радикально и демократически настроенными кандидатами, социалисты помогли провести в целом ряде штатов разнообразные законы о социальном страховании, признании прав профсоюзов, осуществляли муниципализацию коммунальных служб, добились принятия политических реформ, ограничивающих влияние монополий и коррупцию. Пропаганда принципов партии осуществлялась сотнями периодических изданий, а тираж самой популярной социалистической газеты достигал 500 тысяч экземпляров.

Успех партии объяснялся тем, что она сумела привлечь на свою сторону не только часть рабочих, но и различные слои среднего класса, отстраняемого с началом эпохи монополизации от экономической и политической власти. В отличие от СРП Социалистическая партия стремилась увязывать свои принципы с национальной демократической традицией. В партии были влиятельны центристы, взгляды которых были созвучны учению *Эдварда Беллами*. Трибуны партии, указывая на невиданный рост производительных сил и национальных богатств вследствие концентрации и централизации производства и капиталов, обращали внимание на одновременное сужение круга лиц, присваивавших львиную долю национального дохода, углубление пропасти между трудом и капиталом, усиление противоречий между разными слоями буржуазного класса. Они предлагали искать в монополизации истоки усилившейся коррупции государственного аппарата и продажности прессы. Доказывалось, что проблема трестов могла быть решена только по мере их полного обобществления.

Центристы представляли переход к социализму как неизбежность, которая реализуется не вследствие насильственного захвата власти, а в результате «автоматического краха капитализма», после того как частная собственность сосредоточится под крышей горстки монополий. Идея социализма зиждилась не на чем ином, как на «здравом смысле», к ее принятию должны были прийти не только рабочие, но

и капиталисты. В США, по словам одного из центристских лидеров, переход к социализму осуществится после того, как «десять миллионов избирателей спокойно опустят требования об обобществлении средств производства и распределения в урну для голосования».

Деятельность популистов, тред-юнионистов и социалистов свидетельствовала об оформлении непривычной, по американским меркам, радикальной политической оппозиции. Ее выразители нацеливались на изменение первооснов США. В американском правящем классе все чаще стали раздаваться тревожные предупреждения о возможности третьей американской революции, на этот раз социалистической. И уже без всяких экивоков о ней пророчествовали радикалы.

Социализм в Америке? По прошествии ста лет эта идея представляется не более чем утопией. Но в Америке конца XIX – начала XX вв. такая возможность казалась многим реальной. Приверженцы американских ценностей реагировали на нее по-разному: одни предлагали, как и прежде, доверяться «естественному ходу вещей», который в любом случае сохранит американский миропорядок, другие выступали с идеями ремонта этого миропорядка, прислушиваясь к чаяниям низов и учитывая их. Сторонники второй точки зрения постепенно вовлеклись в движение, получившее название **прогрессистского**, а их самих стали называть прогрессистами. Они достигли наибольшего влияния в период перед Первой мировой войной, а сам этот период (1900–1914 гг.) стал известен в американской истории как **Прогрессивная эра**.

5.3. Прогрессивная эра

Мы вряд ли ошибемся, если признаем в качестве первого заметного прогрессиста известного американского мыслителя *Лестера Уорда*. Подобно У. Самнеру, Уорд был социологом, но его рассуждения о путях общественного развития и прогресса отличались от выводов глашатаев социал-дарвинистов. Отвергая аналогию между биологическим и общественным развитием, Уорд настаивал на уменьшающемся значении для общества «естественного отбора» и возрастающей роли **«искусственного отбора»**, совершающегося под воздействием целенаправленных усилий личности и общественных институтов. Человеком и обществом, согласно Уорду, управляли как «бессознательные», так и «сознательные силы». К первым относились страсти и желания, а ко вторым — человеческий интеллект, превратившийся со временем в «способность изобретательства», благотворную для всех социальных слоев и индивидуумов.

«Способность изобретательства» позволила человеку и обществу преодолеть «животные» принципы «борьбы за существование», господствовавшие в естественном состоянии, создать сначала «примитивные регулирующие системы», затем законы, государство, гражданское общество. Концепция изобретательской способности индивидуума и общественных групп приводила Уорда к формуле общественного прогресса, радикально отличной от учений Самнера и социал-дарвинистов: «Формула, выражающая различие между биологическим и общественным развитием, заключается в том, что животный мир, находясь в полной зависимости от окружающей среды, изменяется под ее влиянием, в то время как человек сам изменяет окружающую среду, демонстрируя свое превосходство над ней и другими биологическими видами».

На фоне господствовавших социал-дарвинистских схем, не оставлявших нижним классам никаких надежд на улучшение своего положения, концепция Уорда имела яркое гуманистическое звучание. Но рассчитана она была не на революционные и радикальные партии, а на просвещенных представителей существующей власти. Уорд подчеркивал, что его концепция критикует «только отсутствие регулирующей системы» в американском общественном строе, но ни в коем случае не сам этот строй. Учения, направленные на замену сложившегося общества и его основополагающих институтов, приравнивались им к утопии: «Фактически не существует такого явления, как разрушение институтов общества. Институты изменяют свой характер, приспосабливаясь к требованиям времени. Получив дальнейшее развитие под другими названиями, они теряют лишь видимую связь со своими предшественниками... Институты постоянны, они никогда не исчезают».

Потребовав оставить в неприкосновенности «генетические и органические структуры», то есть частную собственность, капитал, рынок, государство и партии, Уорд поставил целью реформировать и гуманизировать окружающую их социальную среду. Последнюю он разделял на подвиды:

- ◆ локальную;
- ◆ расово-этническую;
- ◆ религиозную;
- ◆ географическую;
- ◆ образовательную;
- ◆ экономическую (к ней были отнесены жилищные условия, досуг, доходы, условия труда и т. д.).

Неравенство условий различных индивидуумов и общественных групп было раскрыто им весьма полно, с привлечением обильного статистического материала. При этом Уорд, вопреки Самнеру и его школе, объяснявшим общественное неравенство различием врожденных способностей людей, доказывал, что представители разных социальных слоев были поставлены в неравные условия обстоятельствами рождения и располагали не естественными, а в первую очередь искусственными неравными возможностями. Их и требовалось устранить с помощью **«социального мелиоризма»** — так назвал Уорд свой метод исправления общественных пороков.

Сам Уорд не выдвинул конкретной программы социальных реформ, предоставив это политикам. Но он заложил краеугольный камень обновленного либерализма, который со временем стал называться **новым, или социальным либерализмом**. Что касается традиционного либерализма, исповедовавшего принцип ничем не ограниченной индивидуальной свободы и «государственного невмешательства» в развитие общества, то он стал в США именоваться **консерватизмом**.

У Уорда появились последователи, число которых постепенно расширялось. Среди них все чаще встречались публицисты и политики, конкретизировавшие учение нового либерализма, наполнявшие его конкретным реформаторским содержанием и облегчавшие его восприятие широкой публикой. Особая роль в популяризации нового либерального мировоззрения принадлежала основателю знаменитого либерального журнала **«Нью рипаблик» Герберту Кроули**. Его книга **«Будущее Америки»**, появившаяся в 1909 г., стала политическим бестселлером и манифестом Прогрессивной партии, созданной просвещенными представителями американской элиты.

Осознавая остроту экономических, социальных и политических проблем монополизирующейся Америки, Кроули попытался увязать их с особенностями национальной политической традиции. В своей книге он подверг всесторонней и впечатляющей критике политические взгляды двух главных американских отцов-основателей — Джефферсона и Гамильтона. Он обнаруживал в воззрениях двух отцов-основателей как фундаментальные ценности американской национальной идеологии, которые должны были быть сохранены, так и ошибки, подлежавшие исправлению.

Джефферсона Кроули признавал главным архитектором американской демократической мечты о равенстве возможностей сограждан и приобщении каждого из них к экономическому благополучию. Но, сокрушался Кроули, Джефферсон не смог верно определить средства

достижения великой цели: его формула «лучшее правительство то, которое меньше правит» обозначала в качестве средства реализации этой цели индивидуальное самоутверждение и, как результат, пустила «великую американскую мечту» на самотек. Правда, отмечал Кроули, в период до Гражданской войны концепция Джефферсона еще действовала, причем порой весьма успешно, но затем, особенно же с образованием мощных предпринимательских объединений и профсоюзов, не оставлявших независимым индивидуумам шансов на успех, она потерпела крах.

«Великая американская мечта» Джефферсона, по убеждению Кроули, могла быть утверждена в новых условиях только с помощью иных средств. И эти средства содержались в концепции не кого иного, как главного антагониста Джефферсона Александра Гамильтона. Гамильтон выдвинул концепцию сильного центрального правительства, он справедливо отверг как несостоятельную и вредную доктрину суверенитета штатов, он же обосновал идею сильной президентской власти. Но Гамильтон допустил ошибку: он хотел поставить сильное центральное правительство на службу интересам северо-восточной буржуазии, что было неприемлемо для американцев. Ошибка Гамильтона, доказывал Кроули, должна быть, безусловно, исправлена, но его великая идея сильного национального правительства заслуживала право на существование и включение в национальную политическую традицию. Только это сильное национальное правительство могло быть поставлено на службу всеобщему благоденствию и социальному миру.

У Кроули нашлось много единомышленников, начавших активно обсуждать, какие реформы должно было провести сильное и просвещенное государство. Главными социальными проблемами объявлялись две — **монополии** и **рабочее движение**. Большинство реформаторов признали монополии в качестве более эффективной ступени экономики, нежели прежняя свободная конкуренция, но вместе с тем требовали от государства покончить со всеми злоупотреблениями промышленных и финансовых магнатов, а также создать надежный перераспределительный механизм, который бы позволял воспользоваться плодами возросшей экономической мощи общества всем его представителям.

В рабочем движении были выделены две тенденции: тред-юнионистская и радикально-социалистическая. Опасность для общества, по убеждению либеральных реформаторов, представляла вторая тенденция. Что же касается тред-юнионизма, то он, даже выступая в агрессивных формах, преследовал цель улучшения положения рабочих

в рамках существующей системы, не посягая на нее. Перед государством ставилась цель признать профсоюзы и даже поощрить их, что имело бы следствием нейтрализацию радикально-социалистических тенденций, угрожавших существованию основополагающих институтов общества.

Либералы отвергли идею социалистов об антагонистическом характере конфликта между трудом и капиталом, обусловленного якобы частной собственностью на средства производства. На самом деле их конфликт носил распределительный характер, возникая по поводу дележа прибыли, и был вполне разрешим на основе переговоров и компромиссов. Первый способ смягчения конфликта труда и капитала видели в приобщении рабочих к владению акциями предприятия. Вторым способом разрешения распределительного конфликта либералы объявляли введение подвижной шкалы заработной платы, означавшей, что доходы рабочих должны были расти пропорционально доходам предприятия.

Наряду с мощным идеологическим течением социального либерализма в США начала XX в. возникло широкое **журналистско-публицистическое движение**, сосредоточившееся также на язвах и противоречиях монополизировавшейся Америки. В отличие от идеологов, журналисты занимались не теоретизированием, а детальным раскрытием и накоплением фактов политической коррупции и сращивания государства с бизнесом, сговоров между предпринимателями с целью установления монопольных цен на рынке, преступных методов, использовавшихся промышленными и финансовыми генералами с целью сокрушения своих конкурентов, сверхэксплуатации рабочих, в том числе женщин и детей, на капиталистических предприятиях. Их дошное стремление вскрыть всяческие язвы Америки вызывало раздражение в верхах, и оттуда в адрес журналистов-демократов прозвучало высокомерно-уничтожительное — **«разгребатели грязи»**. Под этим именем они и вошли в историю США.

Первые крупные разоблачения «разгребателей грязи» были опубликованы в 1902 г. в *«Макклюэрз мэгэзин»*. Их успех среди читателей превзошел все ожидания. Американцы с жадностью накинлись на яркие, прекрасно документированные повествования о преступлениях и преступлениях сильных мира сего. Тиражи *«Макклюэрз мэгэзин»* взмыли вверх. Десятки издателей мгновенно оценили коммерческие возможности «разгребания грязи» и распахнули свои журналы и газеты для сотен журналистов, обладавших способностью добывать «горячие» факты и излагать их в острой манере. Альянс предприимчивых

издателей и критически настроенных журналистов дал поразительные результаты. Журналы, вставшие на тропу разоблачений, стали самыми популярными и первыми по-настоящему массовыми в США. Самые яркие из журналистов-«разгребателей грязи» приобрели общенациональную известность и по популярности встали в один ряд со знаменитыми политиками, бизнесменами, деятелями искусства. Хлесткие названия их статей: «*Враги республики*», «*Предательство сената*», «*Бешеные финансы*» — превратились в общенациональные клише для обозначения коррумпированных и аморальных политиков, промышленников, финансистов.

У знаменитых «разгребателей грязи» появились тысячи подражателей во всех штатах, городах, поселках. Везде и всюду обнаруживали своих коррупционеров и преступных бизнесменов. «Разгребатели грязи» превратились в реальную политическую силу и становились неотъемлемой частью общенационального движения за социальные и политические реформы. Прогрессистское движение первоначально формировалось «снизу» на уровне отдельных городов и постепенно поднималось на уровень штатов. Первыми политиками-прогрессистами были мэры таких городов, как **Нью-Йорк**, **Кливленд**, **Миннеаполис**, **Тоledo**. Их мероприятия включали освобождение городского управления от коррумпированных политиков, распределение городских подрядов на конкурсной основе, обложение подоходными налогами бизнеса, контроль за игорными домами и за ценами на городском транспорте. На уровне штатов прогрессистские реформы были впервые осуществлены в **Висконсине**, **Айове**, **Калифорнии**.

В 1908–1912 гг. прогрессистское движение вышло на национальный уровень. В обеих главных партиях оформились реформистские группы, активно требовавшие включения в партийные платформы пунктов об экономических, социальных и политических преобразованиях. Некоторые из демократов и республиканцев встали на реформаторские позиции в силу внутренних убеждений, но гораздо больше было тех, кто подчинился закону политического рынка: требования всесторонних преобразований в экономике и политике достигли к тому времени такой популярности среди избирателей, что их игнорирование грозило политической неудачей.

Демократическая партия на выборах 1908 г. включила в свою платформу серию наиболее популярных реформаторских требований: обновление и усиление антимонополистического законодательства, введение федерального подоходного налога, демократизация деятельности конгресса США, совершенствование системы конкурсного замещения

федеральных должностей. В 1912 г. в платформу партии были добавлены требования прямых выборов сенаторов, прямых первичных выборов кандидатов в президенты, запрета использования антимонопольного законодательства в отношении профсоюзов.

Менее влиятельными оказались сторонники реформ в Республиканской партии. Их самым известным лидером был *Т. Рузвельт*, который еще в 1901 г. оказался в силу обстоятельств президентом США (в том году президент Маккинли стал жертвой покушения со стороны анархиста, и вице-президент Рузвельт занял освободившийся высший пост). В период президентства Рузвельт пытался осуществить некоторые реформы, но преобладание среди республиканцев консерваторов гасило его реформаторские замыслы. В 1911 г. реформаторское меньшинство покинуло Республиканскую партию, а в 1912 г. образовало собственную **Прогрессивную партию**. Ее возглавил *Теодор Рузвельт*.

Платформа Прогрессивной партии включала еще больше реформаторских требований, чем платформа демократов. В ней присутствовали выдвинутые некогда Популистской партией требования наделения избирателей правом вносить поправки в конституцию, отзывать депутатов, одобрять законы. Партия высказывалась в пользу широкого рабочего законодательства и предлагала наделить избирательным правом женщин. И, уже в отличие от популистов, Прогрессивная партия, позаимствовавшая значительную часть своей идеологии и лозунгов у Герберта Кроули, считала необходимым признать и сохранить монополистические объединения.

Бесспорное достоинство крупных корпораций партия видела в том, что они покончили с экономическим хаосом, свойственным свободной конкуренции, внесли упорядоченность в экономическое развитие, способствовали росту национальных богатств. Другое дело, что львиная доля национальных богатств присваивалась узкой горсткой корпораций. Вот здесь-то и должно было сказать свое слово государство: в его обязанности Прогрессивная партия включала введение контроля над ценами, прогрессивно-пропорциональное налогообложение доходов предпринимательских объединений и наследств, инспектирование качества продукции монополий, выявление и пресечение нечестных сделок.

На президентских выборах 1912 г. Демократическая и Прогрессивная партии выступили в качестве главных соперниц. И то, что *Вудро Вильсон* и *Теодор Рузвельт*, их лидеры-реформаторы, решительно потеснили кандидата от Республиканской партии, поклонявшейся консервативно-индивидуалистическим принципам, свидетельствовало,

что либеральный реформизм набрал в США большую силу и готов был облагородить социал-дарвинистское общество.

В. Вильсон и Демократическая партия, победившие на выборах, сумели затем провести солидное количество либеральных реформ, которые подвели итог Прогрессивной эре. В целом же в Прогрессивную эру было принято несколько федеральных законов и множество законов штатов, которые определенным образом перераспределили власть между верхним классом и обществом, расширив контроль последнего над корпорациями и политической системой нации.

Среди демократических социально-экономических мер Прогрессивной эры выделялась **Шестнадцатая поправка** к Конституции США, вступившая в силу в 1913 г. и вводившая федеральный подоходный налог. Этот налог, облагавший доходы в зависимости от их величины и, таким образом, обладавший определенным перераспределительным характером, в течение нескольких лет превратился в главный источник наполнения федерального бюджета. Благодаря ему оказались возможными и все социальные расходы государства, которые обнаружили тенденцию возрастания на протяжении последующей американской истории и стали важнейшим средством оказания помощи малоимущим социальным слоям.

Были приняты **законы по регулированию деятельности предпринимательских объединений**. Закон 1906 г. устанавливал максимальные тарифы на железнодорожном транспорте. Закон 1914 г. запретил практику перекрещивающихся директоратов в бизнесе. Этот же закон включил статьи, согласно которым объединения рабочих (профсоюзы), в отличие от объединений предпринимателей, не могли рассматриваться в качестве монополий и преследоваться антимонопольными законами. Лидеры профсоюзов объявили после этого о появлении в США «**Великой хартии труда**».

Во многих штатах были приняты законы о компенсации рабочим за производственные травмы, об ограничении продолжительности женского и детского труда. Федеральный закон 1916 г. ограничивал рабочий день на частных железных дорогах восемью часами.

Наибольших же успехов прогрессисты добились в сфере политических реформ. Важнейшим среди них явилась **Семнадцатая поправка** к Конституции США, в соответствии с которой право избрания сенаторов передавалось от легислатур штатов самим избирателям. В 22 штатах были внесены поправки в местные конституции, согласно которым избиратели наделялись правом законодательной инициативы и референдума в рамках собственных штатов. К 1917 г. в 44 штатах

были одобрены **законы о прямых первичных выборах**, предоставлявшие самим избирателям право выдвигать кандидатов на различные государственные должности. Правда, речь шла о должностях в самих штатах. Что касается законов о прямых первичных выборах кандидатов в президенты, то они к 1916 г. были одобрены только в половине штатов, причем в последующем, в период с 1918 по 1945 г., в восьми штатах эти законы были отменены.

В 1907 г. конгресс США одобрил **первый федеральный закон о порядке финансирования избирательных кампаний**, по которому в этом финансировании запрещалось участвовать национальным банкам и корпорациям. В 1910 г. конгресс потребовал от депутатов обнародовать источники финансирования своих избирательных кампаний, а в 1911 г. впервые ввел ограничения на объемы подобного финансирования.

Завершающей политической реформой Прогрессивной эры стала **Девятнадцатая поправка** к федеральной конституции, наделившая избирательным правом женщин.

В целом можно заключить, что в Прогрессивную эру просвещенная элита США обнаружила способность учитывать интересы большинства общества, самых разных, в том числе и нижних социальных слоев, и отражать их в государственном законодательстве. Это нельзя назвать обманом, как утверждала некогда марксистско-ленинская историография, ибо уступки основным слоям общества и демократии имели реальное значение. Политику просвещенной элиты можно охарактеризовать как **социальный компромисс**, от которого верхи выиграли в конечном итоге больше, чем проиграли. Как показывают факты, экономически крупный бизнес после прогрессивистских реформ не только не ослаб, но даже усилился: в последний год пребывания у власти реформатора В. Вильсона состояния ведущих американских корпораций в среднем были в 2–3 раза выше, чем в год его прихода к власти. Уступки демократии, социальный мир со средним и нижним классом оказались для элит экономически выгоднее, нежели противоборство и стремление к единовластию.

5.4. Реванш и крах консерватизма

Либеральные реформы успешно развивались вплоть до мировой войны 1914–1918 гг., а потом резко пошли на убыль. В период войны обнаружилось характерное для всех военных эпох стремление правительства подчинить все социальные классы и слои единому общенациональному интересу, как его понимало правительство. Для прави-

тельства этот общенациональный интерес заключался в достижении победы над Германией, мобилизации ради этой цели всех материальных и людских ресурсов. Все, кто не подчинился, а тем более сопротивлялся этому, независимо от того, соответствовали или нет их действия существовавшим демократическим нормам, государством подавлялись и наказывались.

После вступления США в 1917 г. в войну на стороне антигерманской коалиции правительство В. Вильсона использовало три главных средства, чтобы подавить тех, кто так или иначе занимал антивоенную позицию или оказывался в оппозиции мобилизационным усилиям государства. В о - п е р в ы х, на основе указов военного времени оно высылало из страны тех иностранцев и иммигрантов, которые обвинялись в саботаже политики правительства, военной промышленности, в революционных и радикальных призывах. Высылка осуществлялась без суда, на основании простых административных указаний.

В о - в т о р ы х, правительство подавляло забастовки, причем с особой решительностью те, которые выдвигали политические требования. Сокрушительные удары были нанесены по радикальному профсоюзному объединению «Индустриальные рабочие мира». Многие его руководители оказались за решеткой, а сам профсоюз так никогда и не смог оправиться от правительственных ударов.

В - т р е т ь и х, действуя на основании законов о шпионаже и измене, принятых в годы войны, правительство подвергло репрессиям лиц, которые сопротивлялись его мобилизационным мероприятиям или наносили оскорбления государству, конституции, флагу, вооруженным силам США. Во исполнение этих законов было запрещено распространение десятков периодических изданий и осуждены сотни граждан. Лидер Социалистической партии Ю. Дэбс, выступавший против участия США в войне, был заключен в тюрьму на два с половиной года. Члены этой партии вообще пострадали от правительственных репрессий в наибольшей мере, что стало одной из причин упадка социализма после Первой мировой войны.

По окончании войны репрессивные мероприятия правительства против радикалов и социалистов продолжились в связи с боязнью укоренения в США большевистских идей, распространявшихся под влиянием русской революции. В 1919 г. была подавлена мощная, объединившая около 350 тысяч человек стачка сталелитейщиков, одним из лозунгов которой было образование в США советов по русскому образцу. В 1920 г. генеральный прокурор США А. Палмер организовал рейды против радикальных организаций по подозрению

в антиправительственном заговоре. Уже в первую неделю января того года в 33 городах были арестованы 3 тысячи человек по обвинению в принадлежности к созданной тогда **Коммунистической партии**, из них пятьсот человек были вскоре высланы из страны.

В военный и послевоенный периоды реформаторский курс правительства был свернут. **Либеральная политическая эпоха уступила место консервативной**, и это в целом соответствовало изменениям в умонастроениях большинства американцев: после тяжких военных лет, в атмосфере подъема революционности и радикализма во всем мире, в том числе и в США, не только верхи, но и средний класс хотели спокойствия и порядка. В 1920-х гг. избиратели отдали предпочтение на общенациональных выборах Республиканской партии. Президентский пост в течение 12 лет занимали три ее консервативных лидера — *У. Гардинг* (1921–1923), *К. Кулидж* (1923–1929) и *Г. Гувер* (1929–1933).

Важной причиной распространения политического консерватизма в США стало экономическое благополучие 1920-х гг., вошедшее в американскую историю как «десятилетие процветания». Процветание той эпохи было не только пропагандистским клише, о нем свидетельствовали и реальные бесстрастные цифры: разве не являлся объективным показателем благосостояния Америки показатель выпуска автомобилей — 5,4 млн ежегодно в конце десятилетия? Теперь их могли свободно приобретать не только богатые, но и американцы со средним достатком.

Экономический подъем начался после окончания Первой мировой войны, из которой США вышли **крупнейшим мировым кредитором**. А к концу 20-х гг. на долю США приходилось 48 % промышленного производства всего капиталистического мира — на 10 % больше, чем на долю Великобритании, Франции, Германии, Италии и Японии, вместе взятых. Львиная доля производства пришлась на крупные корпорации, которые в глазах нации реабилитировали себя за грехи эпохи грюндерства.

Республиканская партия доказывала нации, что именно корпорации являлись творцами процветания, а потому им должна быть предоставлена полная свобода рук и переданы рычаги экономического управления. В 1920-х гг. представители социально-экономической элиты вновь резко увеличили свое представительство в верхнем эшелоне государственной власти. Своего рода символом упрочившегося политического влияния крупного бизнеса явилось одиннадцатилетнее (с 1921 по 1932 г.) пребывание на посту министра финансов multimиллионера *Э. Меллона*. Чтобы занять этот пост, Меллон должен был выйти в отставку из руководства 51 корпорации, но его деятель-

ность на посту министра финансов многократно искупила эту жертву, принеся многомиллиардные прибыли всему большому бизнесу. В 1921 г. по его инициативе ставка налога на доходы, превышающие 1 млн долларов, была снижена с 66 до 50 %, а в 1926 г. — до 20 %.

В отношении корпораций прекратилось использование антимонопольных законов, которые были нейтрализованы Верховным судом США при помощи разнообразных изощренных толкований. Зато возросло количество преследований профсоюзов, вследствие чего их численность сократилась к концу десятилетия в полтора раза. Республиканская партия вернула к жизни сверхвысокие протекционистские тарифы, которые, как и в конце XIX в., были объявлены одной из основ процветания национальной промышленности. Одно из главных пропагандистских обещаний республиканцев о поддержании на высоком уровне заработной платы американских трудящихся было подкреплено самыми суровыми за всю историю США иммиграционными законами, которые резко сократили квоты для переселенцев из бедных и среднезажитых европейских стран и запретили азиатскую иммиграцию.

Среди президентов-республиканцев послевоенной эпохи наибольшую известность приобрел Г. Гувер, который, в отличие от его предшественников, был не только практиком, но и самым популярным тогда философом индивидуализма. 31-й президент США был решительным противником каких-либо изменений в сложившейся общественной структуре, как и позитивного социально-экономического законодательства в интересах нижнего класса. Государство, повторял раз за разом Гувер в годы президентства, должно решительно воздерживаться от прямого вмешательства в отношения классов, оно может только неустанно просвещать труд и капитал относительно возможных путей и форм преодоления или смягчения конфликтов и добровольного сотрудничества.

В 1920-х гг. отказалась от либерально-реформистской идеологии Демократическая партия. Различия между нею и республиканцами вновь были столь же малозначительны, как и в последней четверти XIX в. Другие партии не смогли соперничать с двумя политическими гигантами. Американские социалисты пребывали в состоянии разброда. От них откололись радикалы, образовавшие Коммунистическую партию. Коммунисты подражали русским большевикам, требовали свершить в США социалистическую революцию и установить диктатуру пролетариата. Большинство рабочих воспринимали их как политических дикарей и предпочитали голосовать все за тех же республиканцев и демократов. Капиталистический миропорядок был прочен в США, как никогда.

Гром прогремел в 1929 году, а через четыре года страна лежала в экономических руинах. Банки рухнули в 47 из 48 штатов. Промышленное производство упало на одну треть, а безработица составила 25 %. Таковы были последствия беспрецедентного мирового экономического кризиса. Один из современников назвал только что минувшее десятилетие «раем из дураков».

Америка запаниковала. Появились тысячи пророков, заявлявших, что американский капитализм ждет неизбежный коллапс. В растерянности пребывал правящий класс, и даже самые мужественные его представители не решались произносить оптимистических фраз. А наиболее яркий среди них, Франклин Делано Рузвельт, которому выпало стать спасителем американской цивилизации, жестко обозначил беспрецедентный драматизм момента: «История человечества развивается по мистическим циклам. Одним поколениям многое дается, с других многое спрашивается, нынешнее поколение американцев встречается с судьбой».

1930-е гг. оказались судьбоносными не только для США, но и для всей западной цивилизации, капиталистической системы, да и мирового сообщества в целом. В значительной мере исход этой всемирной «встречи с судьбой» зависел от того, какой исторический выбор осуществят и как распорядятся им разные общества, в том числе американское. Схематично говоря, общечеловеческая «встреча с судьбой» в 1930-е гг. включала три главные и альтернативные реакции на глобальную кризисную ситуацию, вызванную многими факторами, но в первую очередь беспрецедентным мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг.

Первый ответ предложила Германия. В ходе и вследствие экономического кризиса рубежа 20–30-х гг. германская нация сочла исчерпанными либерально-демократические способы решения своих проблем. Гитлеровский режим, утвердившийся в стране и воплотивший **праворадикальный вариант** врачевания социально-экономических и политических болезней капиталистического общества, оказался приемлем для многих немецких граждан, определенно сплотил нацию и даже получил одобрение в некоторых других странах. Праворадикальный вариант мобилизации нации в целях вывода капиталистического общества из экономической комы в 1930-е гг. имел поклонников и в США.

Вторая модель решения острокризисных социально-экономических проблем была продемонстрирована в 1930-х гг. леворадикальным политическим режимом в СССР. Правда, **сталинская индустриализация и коллективизация** возникли не вследствие мирового экономи-

ческого кризиса, а были обусловлены логикой собственного национального экономического и политического развития. Но мировое сообщество рассматривало их в контексте глобального экономического кризиса, а посему успешные показатели сталинской модернизации (в первую очередь ликвидация безработицы и быстрый промышленный рост) в глазах многих свидетельствовали о возможности универсального ее применения. Поклонники СССР обнаружили и в США, и именно в 30-е гг. американская Коммунистическая партия достигла наивысшего, впрочем, и единственного в своей истории реального политического успеха.

Ф. Д. Рузвельт, возглавивший Демократическую партию США, а после президентских выборов 1932 г. — и американскую нацию, прекрасно осознавал свою историческую миссию. Она заключалась в поиске альтернативы право- и леворадикальному вызовам мировой истории, спасении американской цивилизации и сохранении ведущей роли западных ценностей в мире. Но осуществить эту миссию на основе классических капиталистических моделей было невозможно. Главной среди них — консервативно-индивидуалистической — был вынесен смертельный приговор. Собственной альтернативной модели Рузвельт дал бесхитростное лапидарное название — **Новый курс**. За ним, как выяснилось уже после десятилетия рузвельтовских экспериментов, скрывалась целая философия и стратегия обновления США и западной цивилизации, доказавших превосходство над консервативно-индивидуалистической, как и над право- и леворадикальной общественно-исторической моделями. Но на рубеже 20–30-х гг. такой исход не был очевидным, история тогда возвела на политический пьедестал не только Рузвельта, но также Гитлера и Сталина.

Вопросы к семинарским занятиям

1. Охарактеризуйте экономические и политические предпосылки смены «свободного» капитализма корпоративным.
2. Как создавались первые монополистические объединения в США, какова роль политических институтов в их образовании?
3. Что такое социал-дарвинизм, каковы его основные доктрины и в чем причины его успеха в США последней четверти XIX в.?
4. Охарактеризуйте экономические, социальные, политические и идеологические следствия возвышения корпоративного капитала.
5. Как изменилась двухпартийная система в конце XIX в.?

6. Охарактеризуйте антимонополистическое движение в США последней четверти XIX в.
7. В чем причины подъема и каковы основные черты рабочего и социалистического движения в США в конце XIX – начале XX вв.?
8. Что такое социальный либерализм, каковы его основные доктрины и причины распространения?
9. Охарактеризуйте движение «разгребателей грязи» начала XX в.
10. Охарактеризуйте президентские выборы 1912 г. и их воздействие на американское общество.
11. Проанализируйте основные либерально-демократические реформы Прогрессивной эры.
12. Какие изменения претерпела внутренняя политика США во время мировой войны 1914–1918 гг.?
13. Охарактеризуйте экономическое и социальное развитие США в послевоенный период.
14. В чем причина политических побед Республиканской партии в 1920-е гг.? Охарактеризуйте политическую философию и политическую практику республиканцев.
15. Каковы экономические причины и следствия экономического кризиса 1929 г.?

Литература

1. *Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США (1900–1914 гг.). — М., 1968.
2. *История США / Под ред. Г. Н. Севостьянова: В 4-х т.* — М., 1983–1987. — Т. 3, 4.
3. *Козенко Б. Д.* «Новая демократия» и война. Внутренняя политика США (1914–1917). — Саратов, 1980.
4. *Куропятник Г. П.* Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии, 1867–1896. — М., 1971.
5. *Нитобург Э. Л.* Негры США. XVIII–XX вв. — М., 1979.
6. *Согрин В. В.* Политическая история США. XVII–XX вв. — М., 2001.
7. *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. — М., 1993.
8. *Хофстедтер Р.* Американская политическая традиция и ее создатели. — М., 1992.

Тема 6

От индустриального к постиндустриальному обществу

6.1. Экономические нововведения

Новый курс Ф. Д. Рузвельта стал важной разграничительной вехой во всей американской истории. Кратко говоря, различие между двумя эпохами американской истории, разделенными Новым курсом, выразилось в следующем. Если в первую эпоху американское общество в целом развивалось по классическим канонам капитализма, то в последующую эпоху происходит процесс радикальной трансформации и этих канонов, и самого капитализма. Важнейшую роль в этой трансформации сыграло активное вмешательство государства и общества в процессы частнокапиталистического производства и накопления. Само подобное вмешательство зародилось еще до Нового курса, но только под воздействием рузвельтовской политики приобрело системообразующий характер, стало не надстройкой над капитализмом, а вошло в его базис.

Ф. Д. Рузвельт, избранный президентом в 1932 г. и остававшийся на этом посту вплоть до своей смерти в 1945 г., столкнулся с социально-экономическими проблемами, которыми приравнялись многими современниками к катастрофе. Американские реалии 1929–1933 гг. сделали актуальным знаменитое пророчество К. Маркса о естественном коллапсе «перезрелого» капитализма. Любопытно, что сам Рузвельт подчас раскрывал причины экономического краха с помощью понятий и фраз, удивительно схожих с марксистскими. Так, главную причину американского краха он усматривал в противоречии между общественным характером производства и частным способом присвоения. Но Рузвельт категорически не принимал марксистского приговора капитализму, полагая, что последний может быть спасен и обретет новую жизнь в результате радикальных реформ.

Одна из главных среди этих реформ лежала в сфере распределения национального богатства. Рузвельт указывал, что быстрый рост

производительности труда и товарной продукции, наблюдавшийся в Америке 20-х гг., не подкреплялся радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возраставших прибылей в пользу большинства общества. Производительные мощности нации беспрерывно увеличивались, а ее потребительские возможности в силу эгоизма и всевластия монополий, отказывавшихся делиться сверхприбылью с нижними и средними слоями общества, оставались, по сути, неизменными. В таких условиях перепроизводство, безработица и экономический крах стали неизбежными. Далее следовал стратегический реформаторский лозунг Рузвельта: основные усилия должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости.

Радикальная реформа сферы распределения, направленная на расширение покупательной способности населения и, как результат, рассасывание кризиса перепроизводства, обозначалась самим Рузвельтом как «заправка насоса». В научной литературе эта модель и включенные в нее мероприятия стали обозначаться как «экономика спроса» (то есть экономическая политика, призванная увеличить платежеспособность населения, а следовательно, и спрос с его стороны на производимые обществом товары).

Среди мероприятий Рузвельта, способствовавших «заправке насоса» (читай: расширению покупательной способности населения), выделялись следующие. Во-первых, это закон о минимальной зарплате. Во-вторых, это законы о социальном страховании по старости и безработице. В-третьих, это закон о правах рабочих на заключение коллективного договора с предпринимателями, на забастовку, введение принципа «закрытого цеха» (то есть приема на работу только членов профсоюза), существенно расширявший возможности трудящихся повышать заработную плату и перераспределять в свою пользу доходы предприятий. «Экономику спроса» стимулировала созданная правительством система общественных работ для остро нуждающихся и безработных американцев, которая охватила более 10 млн человек и на которую в годы Нового курса было затрачено 16 млрд долларов.

Одним из главных источников расширения покупательной способности нижних социальных слоев и одновременно механизмом перераспределения национального дохода между различными классами в период Нового курса стал государственный бюджет. Основную тяжесть его формирования Рузвельт считал необходимым возложить на верхний класс, в первую очередь владельцев крупных корпораций, которых президент-демократ называл «жирными котами». Государ-

ственные налоги на крупные состояния в период Нового курса возросли более чем в три раза, а налог на сверхдоходы достиг рекордной отметки 75 %.

Но и эти суперналоги не покрывали потребностей правительства по расширению покупательной способности американцев, которая превратилась в основное средство борьбы с кризисом перепроизводства. В этой ситуации Рузвельт не побоялся пожертвовать одним из основополагающих постулатов классического капитализма, либерализма и Демократической партии — **принципом сбалансированного бюджета**. Рост государственных расходов на «заправку насоса» привел к постоянному бюджетному дефициту.

Рузвельт заявил о разделении либералов в вопросе о бюджетной политике на две школы: одна продолжала исповедовать доктрину сбалансированного бюджета, другая признавала узаконение дефицита, определяемого задачами снятия экономического кризиса и обеспечения социально-экономических запросов бедствующего народа. Рузвельт встал на сторону второй школы. Практическое воплощение ее принципов характеризовалось впечатляющими цифрами: с 1932 по 1940 г. ежегодные федеральные государственные расходы выросли с 4266 млн до 10061 млн долларов. За этот же период промышленное производство увеличилось на 60 %. Было бы преувеличением объяснять экономическое оздоровление только «заправкой насоса», но и отрицать ее огромную позитивную роль невозможно.

Глубокие реформы были осуществлены Рузвельтом не только в распределительной, но также и в **производственной сфере**. 16 июня 1933 г. был одобрен закон о восстановлении промышленности, по которому предприятия под эгидой и контролем со стороны государства принимали кодексы «честной конкуренции» — своеобразные нормативы, определявшие объемы сырья и производственной продукции, цены на товары и размер заработной платы, которые бы предотвращали дальнейшие остановки производства и позволяли рабочим поддерживать сносное существование. В стране на два года приостанавливалось антимонополистическое законодательство, предписывалось картелирование по отдельным отраслям промышленности с целью гашения рыночной стихии. Всего кодексами «честной конкуренции» охвачено 99 % национальной промышленности.

12 мая 1933 г. был принят **закон по регулированию аграрного сектора**, направленный на ограничение товарных излишков путем сокращения посевных площадей и поголовья скота за государственную компенсацию. В денежно-финансовой сфере расширялись полномочия

Федеральной резервной системы, созданной еще в 1913 г., вводилось страхование частных вкладов размером до 5000 долларов, создавалась комиссия по торговле акциями, взявшая под контроль фондовые биржи, осуществлялось рефинансирование долгов, отвечавшее интересам как должников, так и кредиторов, провозглашались отказ от золотого стандарта и девальвация доллара.

Рузвельтовский Новый курс не получил однозначной оценки в исторической науке, а некоторые ее представители доказывают, что выходу США из глубокого экономического кризиса способствовали не столько рузвельтовские реформы, сколько начавшаяся в 1939 г. Вторая мировая война (война создала со стороны антигитлеровской коалиции, в которую входили и Соединенные Штаты, беспрецедентный спрос на продукцию американской промышленности, переведенную на военные рельсы, и сельского хозяйства). Но большинство историков полагают, что именно рузвельтовский Новый курс способствовал радикальной перестройке американского капитализма, возникновению такой модели, которая создала реальные возможности выхода США из кризиса, стала либерально-капиталистической альтернативой как праворадикальной гитлеровской, так и леворадикальной сталинской общественно-историческим моделям и послужила основой успешного развития американской экономики в послерузвельтовскую эпоху.

Рузвельтовская модель и ее составные части сохранялись и развивались, хотя и в неравной степени, на протяжении всей последующей американской истории. Какой же оказалась историческая судьба рузвельтовского наследия и различных его составляющих?

Наименьшее развитие получило прямое государственное вмешательство в производственный процесс, как и регулирование цен и заработной платы. В годы Второй мировой войны правительство США подвергло жесткой регламентации цены и заработную плату в сталелитейной промышленности. После Второй мировой войны ярким образцом прямой государственной регламентации экономических отношений стал закон Тафта–Хартли 1947 г., четко и жестко расписавший возможности профсоюзов по объявлению и проведению забастовок. В начале 1960-х гг. правительство Джона Кеннеди пресекло попытки повышения цен в сталелитейной отрасли и установило потолок «неинфляционного повышения заработной платы» в 3,2 % в год.

Самая же известная и широкомасштабная попытка государственного регулирования цен и заработной платы была предпринята правительством Ричарда Никсона в 1971–1974 гг. Целью прямого госу-

дарственного контроля над ценами и заработной платой было ограничение инфляции на уровне не более 2,5 % в год. Однако никсоновская экономическая политика с треском провалилась: в 1973 г. инфляция повысилась до 8,2 %, а в 1974 г. почти до 12 %, достигнув самого высокого уровня со времени окончания Второй мировой войны. После этого правительство США более к попыткам прямого регулирования цен и заработной платы не обращалось. Их главными регуляторами остаются рыночная конкуренция, соотношение спроса и предложения на рынках товаров, капитала и труда.

Зато государство неизменно проводило активную политику по «заправке насоса», то есть расширению покупательной способности по преимуществу нижних слоев населения. Главным ее рычагом стала **социальная политика государства**, которая одновременно «убивала двух зайцев» — возрастали социальные права американцев и расширялись их потребительские возможности на рынке товаров и услуг. После введения Ф. Д. Рузвельтом в 1938 г. минимальной почасовой заработной платы в 25 центов она в последующем повышалась около 20 раз, достигнув в начале XXI в. более 5 долларов.

Социальные расходы особенно возросли в 1960-х гг.: тогда в рамках объявленной президентом *Линдоном Джонсоном* программы **«Войны с бедностью»** была определена официальная черта бедности, и десяткам миллионов американцев, оказавшимся ниже нее, стали выплачиваться государственные пособия и выдаваться продовольственные талоны. С 1965 г. были введены государственные программы **финансирования медицинских услуг престарелым (старше 65 лет) и малоимущим американцам**. В целом же ежегодные федеральные расходы на «человеческие ресурсы», как они определяются в государственном бюджете, или на «социальное благосостояние», как они обозначаются некоторыми исследователями, увеличились за 60 с лишним лет после Нового курса с 4 млрд до почти 1 трлн долларов и составили на рубеже XX–XXI вв. 60 % государственных расходов. Эти расходы являются важнейшим средством «заправки насоса» и борьбы с опасностью перепроизводства в самой мощной национальной экономике современного мира.

После реформ Рузвельта постоянно расширялось государственное регулирование финансовой сферы. Принципиальное значение для ее развития имела деятельность в 1950-х гг. республиканского правительства *Д. Эйзенхауэра*, сменившего демократов после их 20-летнего пребывания у власти. Поначалу Эйзенхауэр отменил многие меры государственного экономического контроля и даже ликвидировал Реконструктивную финансовую корпорацию. Но уже кризис 1953–1954 гг.

вернул все на прежние «рузвельтовские» места. Как отмечали известные российские американисты *Н. В. Сивачев* и *Е. Ф. Язьков*, «еще более активно были пущены в ход все три основных элемента банковской (денежной) политики: понижение обязательного уровня резервов в банках Федеральной резервной системы с целью поощрения выхода денежных средств на рынок, сокращение учетной ставки для облегчения доступа к кредиту, наконец, открытые рыночные операции с выбрасыванием правительством на рынок своих валютных запасов во имя активизации деловой жизни». Кроме того, Эйзенхауэр применил в качестве антикризисной меры сокращение налогов на корпорации и личные доходы. Все эти меры и в последующем занимали прочное место в арсенале государственных мероприятий по предотвращению кризиса и стимулированию экономического роста.

Деятельность Эйзенхауэра важна и тем, что заложила основу консенсуса и преемственности в восприятии и использовании Республиканской и Демократической партиями основополагающих мер государственного социально-экономического регулирования. Вместе с тем она выявила и определенные различия между ними в выборе стратегии и тех или иных методов подобного регулирования. Правительства от **Демократической партии** в целом сохраняли приверженность «**экономике спроса**», что означало особое внимание к мерам, направленным на расширение покупательной способности основной массы американцев (она и призвана была предотвращать кризисы перепроизводства). Правительства же от **Республиканской партии** отдали приоритет мерам, направленным на развитие «**экономики предложения**», означающей стимулирование конкурентоспособных и производственных возможностей американского капитализма.

Концепция «экономики предложения» получила законченный вид в годы пребывания на президентском посту республиканца *Рональда Рейгана* (1981–1989). Свободный рынок и свободная конкуренция были объявлены единственным надежным средством обеспечения экономического роста, воспроизводства и распределения рабочей силы и т. д., а государственному регулированию вменялось в обязанность обеспечение наиболее благоприятных условий этой конкуренции, в первую очередь, как выразился один из идеологов Республиканской партии, «создание и расширение рынков». Правительство Рейгана существенно снизило налоги на бизнес, что способствовало его оживлению, созданию миллионов новых рабочих мест, смягчению безработицы. Улучшились показатели американской промышленности на мировом рынке. Следуя монетаристской концепции, правитель-

ство Рейгана существенно сократило «впрыскивание» денег в обращение, что имело непосредственное отношение к резкому снижению инфляции (с 18 % накануне прихода Рейгана к власти до 3,5–4 % в годы его президентства).

Концепции «экономики спроса» и «экономики предложения» при их кажущейся несовместимости оказались на деле двумя взаимодополняющими стратегиями государственного воздействия на экономику. Стратегия «экономики предложения» выступала как средство экономического роста, сопровождаемого углублением социального неравенства, а стратегия «экономики спроса» зарекомендовала себя как средство перераспределения национального дохода в целях расширения покупательной способности основной массы населения. Обратной стороной государственной стратегии «экономики спроса» являлось углубление бюджетного дефицита и снижение возможностей частнокапиталистического накопления, в результате чего ей в определенный момент вновь предпочитают «экономику предложения».

Эти две модели макроэкономической политики имели непосредственное отношение к изменению облика и улучшению показателей американского капитализма. Хотя американскому капитализму на протяжении 70 лет после Нового курса была, как и прежде, присуща цикличность, падение производства ни разу (за исключением послевоенных 1945–1947 гг.) не превышало одного года, а в количественном выражении (за исключением опять-таки послевоенного 1946 г.) было мизерным и уж, конечно, ни в коей мере не сравнимым с экономическим крахом 1929–1933 гг. После Нового курса экономическое развитие США приобрело беспрецедентно **стабильный характер**, а по десятилетиям темпы среднегодового экономического роста выглядят так: 1950-е — 3,3 %; 1960-е — 4,4 %; 1970–1980-е — около 3 %; 1990-е гг. — более 2 %. За 60 лет со времен Нового курса валовой внутренний продукт США увеличился почти в 9 раз.

Приоритет государственной макроэкономической политики в США неизменно заключался в поддержке тех отраслей, которые обеспечивали ведущую позицию и прибыли на мировом рынке. В выработке соответствующей этим задачам стратегии американского государства особую роль сыграли 1960-е гг., когда государство и частный бизнес добились наибольших успехов в координации усилий по стимулированию экономического роста. Именно в 1960-х гг. США добились превосходства над другими развитыми индустриальными странами в стратегических направлениях научно-технической революции, прежде всего в создании и применении электронно-вычислительных машин. В 1959 г. в США

действовали 2034 ЭВМ, а в 1969 — около 56 тысяч. В странах Западной Европы и Японии вместе взятых в 1969 г. функционировали только 24 тысячи ЭВМ. В 1969 г. США затратили на производство ЭВМ в 2,5 раза больше средств (4,5 млрд долларов), чем Япония, ФРГ, Франция и Англия, вместе взятые. Тридцать лет спустя превосходство США над своими главными конкурентами в важнейшей отрасли электронно-информационной эпохи еще более упрочилось (в 1997 г. США произвели 16 из 20 самых быстрых в мире ЭВМ, а Япония — 4). В 80–90-х гг. на США пришлось 40 % всех инвестиций в компьютеризацию, и в конце XX в. компьютеров в этой стране на одного занятого было в шесть раз больше, чем в Западной Европе или Японии.

В 1980-х и особенно в 1990-х гг. США удалось преодолеть некоторые негативные экономические тенденции предшествующих десятилетий, дававших основание многим экономистам и политикам утверждать, что отставание Соединенных Штатов по общим темпам экономического роста от других развитых стран, прежде всего Японии, может в конечном итоге привести к уступке ими ведущей позиции в мире. В ходе **экономической реструктуризации** 80–90-х гг. в США было закрыто много неконкурентоспособных производств и дан мощный толчок развитию высокотехнологических отраслей. О масштабах реструктуризации говорят такие цифры: было ликвидировано 48 млн старых рабочих мест и создано 73 млн новых. В 1994 г. **мировой экономический форум** в Швейцарии впервые после многолетнего перерыва назвал американскую экономику самой конкурентоспособной в мире, а в последующие годы не только подтвердил свою оценку, но и отметил, что опережающее развитие США по отношению к Японии и Германии усиливается.

Возрастание роли государственной политики в обеспечении стабильности и успехов экономического развития США не означало уменьшения значения **частнопредпринимательской инициативы**. И на современном этапе США являются страной, где частный бизнес и частная конкуренция развиты в наибольшей степени, выступают в качестве главного «мотора» экономического роста. Среди основополагающих цивилизационных характеристик, обеспечивающих экономические успехи США, продолжает присутствовать **протестантско-индивидуалистическая этика**, которой *М. Вебер*, классик социологической науки, отводил решающую роль в формировании успешного капиталистического общества и которая нигде не выступала в таком чистом и всеохватывающем виде, как в США. Нацеленность большинства американцев на индивидуальный успех, врожденное желание конку-

рировать с другими, стать первыми в своем деле, достичь экономической независимости, высокая ответственность за свои действия объясняют, почему продвижение в верхние слои происходит в США чаще, чем в других западных странах (более 80 % современных американских миллионеров поднялись на экономическую вершину из средне-обеспеченных слоев).

Соединенные Штаты оказались лидерами среди тех стран, которые в последней трети XX в. совершили переход от индустриального к постиндустриальному обществу. Вот определение постиндустриального общества, принадлежащее мэтру современной американской социологии Д. Беллу: *«Постиндустриальное общество — это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени зависит от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов».*

В американском постиндустриальном обществе отодвинуты на задворки многие отрасли — сталелитейная, угледобывающая и другие, связанные по преимуществу с добычей и производством сырья, — которым принадлежала ведущая роль в индустриальном обществе (США предпочли перевести эти отрасли в страны третьего мира). А среди отраслей высокой технологии на ведущую позицию выдвинулись те, которые связаны с производством информации и знаний. В последней трети XX в. удельный вес отраслей, связанных с производством и использованием информации и знаний, вырос в США с 30 до 60 %. Количество занятых в этих отраслях увеличилось до 70 % от всех трудовых ресурсов. Лидеры компьютерных компаний «Майкрософт» и «Интел» вошли в десятку крупнейших корпораций мира, а руководитель «Майкрософт» Б. Гейтс, личное состояние которого превысило 80 млрд долларов, прочно возглавил список самых богатых людей планеты.

Падение в постиндустриальном американском обществе роли традиционных отраслей не означало, однако, их краха. Более того, некоторые традиционные отрасли, например сельское хозяйство, сохранили прочные позиции благодаря глубоким внутренним преобразованиям на основе достижений научно-технической революции. Количество

занятых в американском аграрном секторе сократилось на протяжении XX в. более чем в десять раз и составило в конце столетия не более 3 процентов от общего числа занятых в народном хозяйстве. Но производительность труда за сто лет выросла в сельском хозяйстве в 50 раз, так что объем сельскохозяйственной продукции, производимой в современных США, достаточен как для удовлетворения внутренних потребностей, так и для поддержания высокой конкурентоспособности на мировом рынке.

Объем промышленного производства в США стабилизировался на уровне 23 % от валового национального продукта, но его величина, выраженная в абсолютных цифрах, неизменно возрастала, а в ближайшие десять–пятнадцать лет должна увеличиться по прогнозам в два раза. Так что американская промышленность удовлетворяет внутренние потребности и удерживает ведущие позиции мире.

Экономические успехи США в новейший период их истории не означали полной ликвидации негативных тенденций и явлений. Начиная с рузвельтовского Нового курса самыми острыми американскими проблемами, бывшими прямым следствием резкого возрастания социально-экономической активности государства, являлись бюджетный дефицит и государственный долг. В 1930–1990-х гг. государственный бюджет, за редкими исключениями (исключения составили 1947, 1948, 1949, 1956, 1957, 1960, 1969 гг.), сводился с дефицитом. В сравнении с рузвельтовскими временами дефицит в 1990 г. вырос в десятки раз, приблизившись к 300 млрд долларов. Соответственно возрастал и государственный долг, приблизившийся к концу XX в. к 5 млрд долларов (около 40 % валового внутреннего продукта). Многие специалисты и рядовые американцы видели в нараставшем государственном долге угрозу национальной экономической катастрофы; другие уповали на то, что долг не страшен, пока экономика процветает, а государство стабильно собирает налоги и успешно обслуживает долг. Но в целом в руководстве США возобладало мнение, что уменьшение долга и дефицита должно стать одним из главных приоритетов национальной политики. В конце XX в. был даже принят 5-летний план ликвидации бюджетного дефицита и одобрены соответствующие законы.

6.2. Классы и расы

Позитивные изменения в американской экономике новейшего времени очевидны. Следующим по важности вопросом современного американского общества являются социальные следствия динамично-

го экономического роста. Как начиная с 1930-х гг. изменилась социально-классовая структура США, как эволюционировали благосостояние и качество жизни каждого класса, какими были тенденции распределения национального богатства?

Среди ученых в этом вопросе единства нет, налицо многообразие точек зрения, но все же можно выделить две главные оценки: условно говоря, оптимистическую и пессимистическую. **Оптимистическая точка зрения** включает следующие основные выводы: в новейший период в США не только сохранились, но и расширились возможности как горизонтальной, так и вертикальной социальной мобильности (то есть восхождение по социальной лестнице), а взаимообмен между классами происходил более активно, чем раньше; наиболее динамично развивался средний класс, достигший двух третей общества и доминирующий во всех сферах; резко улучшил свое положение и нижний класс, причем важнейшую роль в изменении качества его жизни сыграло государство, превратившееся в государство всеобщего благоденствия, или, если воспользоваться более поздним термином, в социальное государство.

Пессимистическая оценка состоит в том, что качественных изменений в распределении национального богатства и классовой структуре не произошло и что основополагающим остается разделение на буржуазный финансово-предпринимательский класс и армию работников наемного труда, то есть пролетариат (социальный облик последнего менялся, но место в системе собственнических и производственно-распределительных отношений оставалось неизменным).

На мой взгляд, хорошо известная схема «буржуазия — пролетариат» в применении к социальным реалиям новейшей истории США выглядит малоубедительной. Причем, чем дальше от 30-х годов и ближе к современности, тем она предстает все более искусственной. Это не означает, что буржуазия и рабочий класс вообще исчезли. Они сохраняются, но их социальные черты претерпели столь существенные изменения, что традиционные оценки выглядят устаревшими.

Взять, например, рабочий класс. Его эволюция, особенно с 50-х гг. под воздействием научно-технической революции, заключалась в превращении пролетариата из «**синеворотничкового**» (занятого в традиционных промышленных отраслях, включая «грязные» производства) в «**беловоротничковый**» (занятый в высокотехнологичных отраслях, созданных научно-технической революцией). «Белые воротнички» усваивали образ жизни, потребительскую культуру, мировоззрение среднего класса, да и сами себя причисляли к нему.

В связи с этим изменилось и содержание того, что понимают под средним классом. Традиционно в него включали собственников, то есть классических буржуа, а также благополучных представителей свободных профессий (юристы, врачи, профессора). Но в новейший период истории, особенно же во второй половине XX в., в него вошла и огромная часть лиц наемного труда. Главным основанием для размещения тех или иных индивидов в среднем классе является уже не место в системе отношений собственности, а величина получаемого дохода, профессия, качество и образ жизни, мировоззрение и социальная психология.

Наиболее предпочтительной схемой социального разделения США в новейшее время является деление на верхний, средний и нижний классы. Эта схема широко принята и среди ученых США. Но пользоваться только ею при анализе социальной дифференциации в США недостаточно, а порой и весьма затруднительно. Например, американская статистика, выявляющая различие доходов разных слоев, разделяет население не на три названных класса, а на экономические **квинты** — пять равных, по 20 % населения, частей. Эти квинты могут быть соотнесены с тремя социальными классами следующим образом. В новейшее время нижний класс вбирал в себя самую бедную пятую и часть четвертой экономической квинты; средний класс — верхнюю часть четвертой, полностью третью и вторую квинты, а также нижнюю половину первой квинты. Верхний класс вмещал в себя самую богатую половину первой квинты. В конце XX в. к верхнему классу относились семьи, чей годовой доход превышал 100 тысяч долларов (10 % населения), к среднему — семьи с годовым доходом от 25 до 100 тысяч долларов (60 % населения) и к нижнему — те, чьи доходы были ниже 25 тысяч долларов (30 % населения).

Как изменилось положение разных классов, начиная с рузвельтовского Нового курса? Улучшилось положение всех трех классов, хотя изменение их благосостояния происходило неравномерно: в 30–70-е гг. в целом несколько быстрее возрастал относительный вес благосостояния среднего и нижнего классов, а в 80–90-е гг. ускоренными темпами обогащался верхний класс. К началу XX в. удельный вес материальных благ, достававшихся каждому из трех классов, был примерно таким же, как и в середине XX в. То есть конфигурация американской классово-социальной пирамиды при всем том, что улучшилось благосостояние каждого класса, не изменилась.

Разрыв в материальном положении между тремя социальными классами, как и между пятью экономическими квинтами, сужался

в 30–40-е гг. под воздействием социальных реформ Ф. Д. Рузвельта и в 60–70-е гг. под воздействием реформаторских нововведений Д. Кеннеди и Л. Джонсона. В 80-е гг. этот разрыв восстановился, что связано непосредственно с социально-экономическими мероприятиями правительства Р. Рейгана, которое, следуя принципам «экономики предложения», резко сократило налогообложение предпринимательского класса и одновременно урезало программы помощи нижнему классу. В последующем эта тенденция несколько ослабла, но не исчезла.

Приведу цифры, характеризующие доли пяти экономических квинт в США на протяжении второй половины XX в., вместившей периоды как сокращения, так и увеличения разрыва в их положении. Доля нижней квинты в 1947 г. составляла 4 %, а в середине 90-х гг. — 4,2 %; четвертой в обоих случаях — 10 %; третьей — 16 % и 15,7 %; второй — 22 % и 23,3 %. Верхняя квинта как в 1947 г., так и спустя полвека получала свыше 47 %. Отмечу, наконец, что совокупный доход верхних 10 % американцев на протяжении этих 50 лет вбирал в среднем 30 % национального дохода, а нижних 10 % — только 1 %. Таким образом, соотношение доходов верхних и нижних 10 % общества, которое в глазах многих специалистов выступает объективным мерилем социального неравенства, в США равно 30 и является одним из самых высоких в мире.

На современном этапе сохранились, хотя и видоизменились, серьезные различия в качестве и образе жизни трех социальных классов. **Верхний класс** не просто намного богаче среднего и нижнего классов. Он обладает своими особыми социокультурными характеристиками и живет в своем собственном обществе-мире, который прочно отгорожен от мира среднего и нижнего классов. Верхний класс, численность которого не превышает 10 % американцев, включает в себя банкиров, бизнесменов, высокооплачиваемых менеджеров, верхний слой политиков и госбюрократии, преуспевающих юристов, врачей, ученых и артистов. Его представители живут в особняках, расположенных в экологически чистых районах и подчас напоминающих поместья. Они получают образование в элитных частных школах и в университетах «высшей лиги» (она включает около десяти частных университетов, плата за обучение в которых в конце XX в. превысила 30 тысяч долларов в год). Они приобретают и регулярно обновляют дорогостоящие автомобили, пользуются прислугой, проводят свободное время в закрытых клубах, а отпуск — в закрытых фешенебельных курортах и отелях.

Верхний класс сам неоднороден. Внизу его, если воспользоваться американской терминологией, находится достаточно многочисленный, включающий до 3 млн американских семей, слой «искателей»,

а на вершине — узкие слои «баронов» и «магнатов». Слой «магнатов», включающий около 1 тысячи человек, занимает большинство верхних мест в мировой экономической элите.

Средний класс, охватывающий до 60 % американцев, включает в себя средние и нижние слои менеджеров и госбюрократии, «белых воротничков» из научно-информационных отраслей, квалифицированных рабочих, научную, техническую и гуманитарную интеллигенцию, другие средние слои общества. Они живут в прилегающих к городам районах, имеют в собственности двух- или одноэтажные семейные дома, небольшие земельные участки, по автомобилю средней стоимости на каждого взрослого члена семьи. Их дети учатся в частных университетах «второй» и «третьей» лиги. Средний класс также живет в собственном мире, отгороженном от мира других классов.

Особенностью развития среднего класса во второй половине XX в. было то, что он активно пополнялся за счет лиц наемного труда, в том числе рабочего класса, который вследствие научно-технической революции все более превращался из «синеворотничкового» в «беловоротничковый». На современном этапе одно из главных мест среди «белых воротничков» заняли представители научно-информационных отраслей.

«Белые воротнички» имеют, в сравнении с «синими воротничками», не только более высокий уровень благосостояния. Они отличаются по образу жизни и мировоззрению, обладают не коллективистским, а индивидуалистическим сознанием. Это явилось важной причиной снижения численности и влияния в США профсоюзного движения. Его расцвет пришелся на 1930–1950-е гг., когда оно вбирало в себя до 35 % рабочих. Снижение роли профсоюзов в последующем было отчасти обусловлено антипрофсоюзными законами, но в еще большей степени — реструктуризацией экономики, означавшей подъем наукоемких отраслей и упадок традиционных промышленных отраслей. Как результат, снизились удельный вес, численность и влияние профсоюзов горняков, сталелитейщиков и автомобилестроителей, всегда составлявших авангард американского рабочего движения. Упала численность профсоюзов в целом: в 1930–1950-е гг. они вбирали от 30 до 35 % лиц наемного труда, в 1980-е гг. — 20, а во второй половине 1990-х гг. — менее 15 %.

Большая часть наемных работников на протяжении всего новейшего времени входила в **нижний класс**, численность которого в различные периоды колебалась от 20 до 30 % населения США. Нижний класс — это также особая и замкнутая экономическая общность, при этом есть основания полагать, что его отделенность от других классов

в новейшее время не только не ослабевала, но даже усиливалась. Ее ярким выражением стала территориальная изоляция трех классов друг от друга. В последние десятилетия три американских класса расселились в трех типах изолированных друг от друга районах, составивших три круга мегаполисов. Верхний класс обосновался в самом дальнем от центров городов экологически чистом «третьем круге», средний класс — в пригородах — «круге втором», наконец, в «первом круге», то есть непосредственно в городской черте (за исключением центральной, деловой части), все более сосредоточивался нижний класс. Подобная эволюция породила глубокий кризис городов, резкое возрастание в них гетто, упадок и разрушение жилищного фонда, рост преступности, наркомании, другие язвы, сопутствующие жизни бедных людей.

В нижнем классе преобладают чернокожие американцы, испаноязычные выходцы из Латинской Америки, а также недавние эмигранты из азиатских и отчасти восточноевропейских стран. Представители нижнего класса в основном заняты неквалифицированным трудом в сфере обслуживания, на строительстве, в грязных производствах. Большинство из них снимают дешевые и тесные квартиры, пользуются общественным транспортом (автобусы и метро). Большая часть детей из нижнего класса не оканчивает средней школы и постоянно пополняет ряды «функционально неграмотных». Около 40 млн представителей нижнего класса, или его две трети, в конце XX в. жили ниже официальной черты бедности.

Различия в положении трех социальных классов в США реальны и разительны. Тем не менее, среди американцев укоренилось мнение, что эти социальные контрасты не могут умалить положительной оценки экономических достижений США и благосостояния их граждан в целом, поскольку даже бедные американцы по своим жизненным стандартам превосходят не только нижний класс, но и представителей среднего класса большинства других стран. Другая точка зрения, которая представляется справедливой, заключается в том, что при оценке положения нижнего класса США необходимо сравнивать его не с положением социальных классов в слаборазвитых и развивающихся странах, а с положением аналогичных социальных групп в других высокоразвитых странах, а также исходить из жизненных стандартов, принятых в самих США, как и из возможностей решения проблем бедности, имеющих у этой самой богатой страны мира.

Цифры свидетельствуют, что процент бедных в США существенно — в 2–3 раза — выше, чем в других развитых странах. В конце XX в.

он составлял в США не менее 14 %, в Канаде — 7 %, Австралии — около 7 %, Великобритании — 5 %, Швеции и Франции — около 4 %, Германии — около 3 %. Официальная статистика, правда, свидетельствует, что начиная с 1960-х гг. процент бедняков в США неуклонно сокращался (с 22 до 14 %). Но их численность осталась одной и той же — 40 млн (снижение процента произошло вследствие существенного возрастания численности населения США).

Во всех развитых странах достижение минимальных жизненных стандартов в новейшее время было вменено в обязанность государству. Оно должно гарантировать соответствующие социальные права и экономическую помощь индивидуумам, неспособным достичь их самостоятельно. В США, где, как и в других развитых странах, социальное обеспечение граждан признано важнейшим приоритетом общества, упор делается на то, что ответственность за социальное обеспечение должна быть разделена между частными компаниями, заботящимися только о своих работниках, и государством, поддерживающим нуждающихся в целом. При этом стандарты, отвечающие требованиям высокоразвитого общества, должны утверждаться частными компаниями.

Государственное социальное обеспечение в США включает две сферы, которым уделяется неодинаковое внимание. **Первая сфера** — государственное социальное страхование, забирающее львиную долю всех социальных расходов государства, включает в себя пенсии по старости, пособия по безработице, медицинскую помощь престарелым и некоторые более мелкие статьи. Пенсии по старости сегодня достигают от 50 до 80 % предпенсионного дохода, а медицинская помощь пожилым — до 50 % соответствующих расходов.

Вторая сфера государственного социального обеспечения — социальное вспомоществование, означающее выплаты всем нуждающимся независимо от возраста. Это выплаты тем, кто по причине бедности освобожден от налогов, а следовательно, существует на средства других социальных классов. Получатели этих налогов оказались пасынками государственного бюджета, хотя пособия в целом спасают бедняков от голода (продовольственные талоны составляли в 1990-е гг. в среднем около 50 долларов в месяц, пособия матерям-одиночкам с двумя детьми — 350 долларов, жилищное пособие — от 200 до 300 долларов).

И в целом американское социальное государство, при всем том, что со времен Нового курса оно постоянно упрочивалось и помогло разрешить ряд серьезных проблем и противоречий, развито слабее, чем в большинстве западноевропейских стран. Так, например, в США до сих пор

отсутствует государственная система всеобщего медицинского страхования, в результате чего 40 млн американцев, неспособных приобрести страховку у частных компаний, остаются практически без медицинской помощи. Попытка ввести такую систему дважды — в 40-е и 90-е гг. XX века — предпринималась правительствами от Демократической партии, но оба раза терпела крах.

Хотя в США новейшего времени сохранились реальные и серьезные различия между классами, как и многочисленные социальные проблемы и язвы, классовые конфликты в этой стране развивались по нисходящей линии. Основная причина этого заключается в том, что главный выразитель классового конфликта предшествующих эпох — белый рабочий класс США — трансформировался из «синеворотничкового» в «беловоротничковый», интегрировался в средний класс и оброс его конформистско-потребительским мировоззрением. 30–40-е гг. стали последним периодом крупного подъема массового рабочего движения, радикальных выступлений профсоюзов, в которых заметную роль играли социалисты и коммунисты. Но с 50-х гг. радикальные тенденции в рабочем движении сходят на нет. Резко падает роль коммунистов и социалистов, а с конца 50-х гг. об их реальном влиянии вообще не приходится говорить.

С 50-х гг. XX в. социальная напряженность в США во все большей мере стала создаваться не классовыми, а **расово-этническими конфликтами**. Главным при этом был неизменно конфликт черной и белой рас. Вплоть до 1950-х гг. их взаимоотношения определялись расовой сегрегацией, укоренившейся на рубеже XIX–XX вв. В 1950-е гг. она наконец дала трещину, и неграм стали возвращать права, которые были вписаны в федеральную конституцию еще в 60–70-е гг. XIX в. в ходе Гражданской войны и Реконструкции, но были отняты в послереволюционный период. Эти права возвращались не автоматически: черным американцам и вставшим на их сторону белым согражданам для их реализации потребовались два десятилетия упорной борьбы.

В 50-е гг. были приняты законы, отменявшие сегрегацию в системе образования и других сферах, а в 60-е гг. одобрены законы, запретившие дискриминацию чернокожих при найме на работу, приобретении и найме жилья. Особое значение имели законы, отменившие всевозможные ограничения избирательных прав чернокожих. Некоторые антидискриминационные законы — и это поощрялось властями — стали толковаться в том духе, что черным американцам, в случае наличия у них равных с белыми претендентами данных, должно отдаваться предпочтение при поступлении в университеты, найме на работу

в государственные учреждения, а также на предприятия, выполняющие заказы правительства. В 1968 г. лидер чернокожих американцев *М. Л. Кинг* заплатил жизнью за успех своей расы в обретении гражданских прав, но его мечта о полнокровной интеграции чернокожих в американское общество, казалось, стала воплощаться в жизнь. Открылась перспектива, которая представлялась абсолютно невероятной даже освободителю негров *А. Линкольну*: американский «плавильный котел» начал смешивать в единую нацию белых и черных!

В последующие десятилетия эта тенденция, казалось бы, только окрепла. Авторитетные опросы общественного мнения свидетельствовали, что подавляющее большинство белых пришло к одобрению совместного обучения двух рас в школах и было согласно проживать с чернокожими в одних районах и даже в соседних квартирах. В те же десятилетия все больше чернокожих стали приобретать статусы, которые прежде им были недоступны: увеличилась их доля среди домовладельцев, бизнесменов, они стали чаще избираться мэрами городов, а их число в конгрессе США возросло с 13 человек в 1971 г. до 41 в середине 90-х гг.

Но в те же десятилетия в черной общине США укоренилось убеждение, противоречащее этим тенденциям: мечта *М. Л. Кинга* об интеграции чернокожих в американское общество, объединении их и белых в единую нацию потерпела сокрушительное поражение. Стали приводиться многочисленные факты и аргументы, свидетельствующие, что позитивные показатели развития межрасовых отношений — это только фасад, скрывающий униженное и бедственное положение черной расы. Действительно, если судить даже по официальной статистике, можно обнаружить, что основополагающие сравнительные показатели жизни черных и белых мало изменились. Так, в 1969 г. ниже черты бедности находилось 9,5 % белых и 32,2 % черных, а в конце XX в. эти показатели составили соответственно 11,7 и 30,6. Как в 50-е гг., так и в конце XX в. средний доход белой семьи в 1,5 раза превосходил доход черной семьи. На рубеже XX–XXI вв. безработица среди черных, как и за 30 лет до того, была в 2,5 раза выше безработицы среди белых.

На современном этапе большинство белых продолжало отделяться прочной стеной от черных и вопреки своим ответам на вопросы служб общественного мнения не проявляло желания смешиваться с ними в единую нацию. Массовый отток с 60-х гг. белых из городов в пригороды имел очевидную расовую подоплеку: после того как чернокожие получили право и возможность селиться в городских районах, в которых проживали белые, последние стали дружно покидать насижен-

ные места и переселяться за город. В ответ на появление чернокожих детей в белых школах белые родители, которые, согласно опросам общественного мнения, поддерживали десегрегацию обучения, стали переводить своих детей в расово чистые загородные школы. Сегрегированные подобным образом городские районы и школы быстро пришли в упадок. Можно заключить, что расизм, исчезнувший с языка белых американцев, продолжал сохраняться в их сознании. В ответ черные американцы заняли собственную расовую позицию.

В новейшее время в негритянском движении США получили развитие две главные тенденции. Одна из них нацеливала черных американцев на интеграцию в белое общество, а другая заключалась в стремлении обособиться от белых по причине их неискоренимого расизма и создать собственную негритянскую субцивилизацию. В 50–60-е гг. признанным лидером интеграционистского движения выступал М. Л. Кинг, проповедовавший единение двух рас на основе их полного равноправия. В тот же период другую тенденцию, отвергавшую идею интеграции как утопию, представляли радикальные организации, самой известной среди которых были «Черные пантеры». Их лидер С. Кармайкл сформулировал лозунг «Власть черным», требовавший от негров отказаться от бессмысленных союзов с белыми либералами и претворять в жизнь принципы расово-культурного суверенитета. В борьбе за свои принципы черные радикалы оправдывали использование силовых методов.

На современном этапе две тенденции сохраняли свое влияние, причем удельный вес радикальной тенденции нарастал. Ее выражали несколько радикальных организаций, наибольшую известность среди которых приобрела «Нация ислама» во главе с Л. Фараханом. Фарахан и его сторонники способствовали оформлению черного национализма экстремистской окраски. Среди многих черных американцев распространялось убеждение, что интегрироваться в белую Америку можно только преобразовав себя по подобию белых, т. е. ценой отказа от собственной социокультурной идентичности. Черный национализм означал протест против такой цены.

Ее неприятие отразилось в идеологии мультикультурности (равенство и разнообразие расово-этнических культур). Идеология мультикультурности, доказывающая, что все расово-этнические культуры самодостаточны и равны и ни одна из них, в том числе культура белых, не может ставиться и цениться выше других, имела демократическое звучание. Многие американские политики и идеологи не преминули преподнести теорию мультикультурности как новое проявление подлинного

плюрализма и демократизма американского общества. Но это утверждение скрывало то очень важное обстоятельство, что теория мультикультурности отразила радикальный протест против доминирования культуры белых и заключала в себе вирус и угрозу дезинтеграции американского общества по расово-этническим линиям.

Эту опасность осознали прозорливые белые политики. У. Клинтон, президент США конца XX в., признавая распространенность как белого, так и черного расизма, считал необходимым в качестве противодействия сформулировать новую «американскую мечту», которая сплотила бы и удержала вместе все расы и этносы Соединенных Штатов. Но, как свидетельствует опыт не только США, но и других стран, сформулировать и внести в сознание подобную идею «сверху», если ее не приемлет большинство населения, практически невозможно. Расовый конфликт — это самая тяжелая социальная ноша, которую США забрали с собой в XXI в.

Острота расово-этнической проблемы в США новейшего времени поддерживалась и по причине **постоянного наплыва в страну иммигрантов**, среди которых в сравнении с XVII—XIX вв. резко увеличилось число выходцев из Латинской Америки и Азии. Экономическое благополучие США притягивало в страну все большее количество переселенцев из бедных, развивающихся и среднеразвитых стран, и американское правительство стало рассматривать регулирование иммиграции в качестве одной из важнейших задач. В период до Первой мировой войны иммиграционное законодательство было направлено против нелегальных переселенцев, а также политически неблагонадежных и морально не выдержанных («анархистов и проституток», как гласил закон) лиц.

После Первой мировой войны в иммиграционном законодательстве стал доминировать **расово-этнический подход**. Иммиграционные законы 1921 и 1924 гг. впервые ввели иммиграционный потолок (в США могли въезжать ежегодно не более 150 тысяч человек) и этнические квоты. Согласно квотам, въезд иммигрантов любой национальности не должен был превышать 2 % численности данной национальности в самих США. При этом численность национальностей в США рассчитывалась по данным переписи 1890 г., что наносило удар по иммигрантам из Южной и Восточной Европы: количество переселенцев из этих регионов до 1890-х гг. было незначительным, зато в первое десятилетие XX в. выходцы из России, Польши, Италии, балканских стран составили большинство среди почти 9-миллионной армии иммигрантов (они получили название «новой иммиграции»

в отличие от «старой», западноевропейской). Но в наибольшей степени от законов 1921 и 1924 гг. пострадали представители желтой расы: азиатская иммиграция была практически пресечена. Основы этого иммиграционного законодательства оставались неизменными вплоть до второй половины XX в.

Во второй половине XX в. наблюдалась либерализация иммиграционного законодательства. Закон 1952 г. снял запрет на иммиграцию из азиатских стран. Иммиграционный потолок постоянно повышался, достигнув к концу XX в. около 700 тысяч человек в год. Наряду с легальными иммигрантами в страну въезжало большое количество нелегальных иммигрантов, главным образом из слаборазвитых и развивающихся стран, в первую очередь из Латинской Америки. В последние два десятилетия XX в. ежегодное иммигрантское пополнение составляло около 1 млн человек.

Этническая особенность современной американской иммиграции привела к тому, что на одно из ведущих мест в межэтнических отношениях США выдвинулась проблема испаноязычных, то есть выходцев из Латинской Америки. По численности они почти сравнялись с негритянским населением, а согласно демографическому прогнозу, в 2050 г. афро-американцы составят 15, а испаноязычные американцы — 25 % от общей численности США. В американской официальной литературе испаноязычных не относят к какой-то определенной расе, отмечая, что среди них есть и черные, и метисы, и белые. Соотношение трех цветов в процентах при этом не приводится. Но очевидно, что среди испаноязычных преобладают метисы и чернокожие, а кроме того, по своим социокультурным характеристикам и экономическому положению (нижний класс) они явно ближе к чернокожим, а не к белым американцам.

Большинство латиноамериканцев, в том числе самая многочисленная группа — мексиканцы, плохо приспосабливаются к американским условиям, обнаруживая неспособность усваивать психологические стереотипы, культуру, мировидение белого большинства, без чего невозможно интегрироваться в буржуазно-индивидуалистическое общество. По уровню бедности, средней величине семейных доходов, безработице они стоят на одном уровне с черными американцами. Это вызывает еще одну конфликтную этническую ситуацию в американском обществе, имеющую тенденцию обостряться. Показательна позиция мексиканцев (самых многочисленных выходцев из Латинской Америки), селящихся в основном в тех штатах — Калифорния, Нью-Мехико, Техас, которые в 1840-х гг. были отняты США у Мексики.

Многие из мексиканских иммигрантов склонны воспринимать эти штаты как свою историческую родину, требуют признать испанский язык в качестве государственного, отказываются изучать английский и, подобно негритянскому населению, настаивают на суверенных правах своего этноса. Некоторые политические аналитики в США прогнозируют, что со временем мексиканцы составят большинство в Калифорнии и Нью-Мехико, вследствие чего их представители могут прийти к власти в этих штатах.

Расово-этнический конфликт занимает ведущее положение среди социальных проблем Америки. Некоторые исследователи не без оснований доказывают, что он имеет и классовый характер, поскольку белая раса расположилась по преимуществу в верхнем и среднем классе, а чернокожие американцы, как и выходцы из Латинской Америки, — в нижнем. Так что не будет ничего сверхъестественного, если главный конфликт Америки в будущем преобразуется в классово-этнический. Но до сих пор он все же развивался по преимуществу как расово-этнический.

В современной Америке на одну из ведущих позиций выдвинулся новый социальный конфликт, который в прежние эпохи или отсутствовал, или был слабо развит. Он оформился в 1960-е гг., когда на авансцену выступило радикальное феминистское движение, нацелившееся на выравнивание гражданских прав женщин. Трактовка взаимоотношений двух полов — женщин и мужчин — быстро приобрела радикальное звучание. Мужчины и женщины стали рассматриваться наподобие двух социальных классов или рас, при этом мужчины представляли в качестве эксплуататоров, а женщины — эксплуатируемых. **Радикальный феминизм** представил мужскую эксплуатацию как одну из самых жестоких в мировой истории: женщина была низведена мужским полом на уровень низшего существа, подвергалась унижению и эксплуатации в сексе, семье, быту и, конечно, во всех экономических и общественно-политических сферах. Для обозначения полов стало использоваться понятие «**гендер**», которое в отличие от понятия «**пол**» включало всю совокупность характеристик мужчин и женщин, в том числе, и даже в первую очередь, их социальные позиции и роли.

По сути, была начата беспрецедентная не только для США, но и для мировой истории **феминистская революция**, нацеленная на радикальное изменение не только законодательства, но и основополагающих социокультурных (в том числе морально-нравственных) норм и традиционных социальных ролей женщин. Программа и требования

феминистского движения раскололи американское общество. Число американцев, как женщин, так и мужчин, разделявших принципы феминизма, постоянно возрастало, но одновременно консолидировались и их противники. Возникшее противостояние переросло в устойчивый конфликт, сохраняющийся по сегодняшний день.

Феминистское движение не смогло добиться реализации многих своих требований, но все же оно добилось весомых успехов. Наибольшую известность приобрело требование о внесении в Конституцию США особой поправки о запрещении любых форм дискриминации по признаку пола. В 1972 г. она была одобрена конгрессом США, но не получила поддержки трех четвертей штатов, необходимой для ее ратификации. Потерпев неудачу в попытке изменить федеральную конституцию, феминистское движение с еще большей настойчивостью стало добиваться удовлетворения своих требований при помощи конкретных законодательных мер и судебных постановлений.

В 1970-х гг. конгресс США принял целую серию законов по запрету дискриминации женщин и уравниванию их в правовом отношении с мужчинами. Федеральное правительство одобрило **принцип преференций** для женщин при заполнении вакансий в учреждениях и предприятиях, имеющих федеральные контракты. Феминистское движение успешно противостояло консервативным кругам, настаивавшим на запрещении в США аборт. Одновременно феминистки добились широкого правового и морального осуждения укорененной в веках практики и разнообразных форм «сексуальных домогательств» в отношении женщин. Женская проблематика утвердилась на одном из самых почетных мест в университетской науке. В целом, феминизм вошел в новый XXI в. как одно из ведущих социальных явлений США.

6.3. Политическая власть

На протяжении всей американской истории особую гордость Соединенных Штатов составляла **политическая демократия**. Вместе с тем отнюдь не все в США готовы признать свою страну подлинно демократической. Среди американских ученых существует четыре основные точки зрения на характер политической власти в США. Первая объявляет США воплощением **образцовой политической демократии**. Вторая, противоположная точка зрения утверждает, что американское политическое управление является **олигархическим**. Между этими двумя крайними позициями разместились две промежуточные:

одна определяет американское политическое управление как **систему политического плюрализма**, а вторая — как **демократический элитизм**.

Каждая из названных точек зрения опирается на разнообразные факты и аргументы. Но каждую из них трудно признать абсолютно и единственно верной уже по той причине, что в разные периоды американской истории соотношение демократического, олигархического, элитарного и плюралистического компонентов в политическом управлении было разным. И все же представляется, что две крайние точки зрения — США как образцовая демократия (это равное участие всех граждан в отправлении политической власти) или как олигархия (это присвоение власти узким меньшинством — экономической и политической элитой) — обладают наименьшей основательностью.

Из двух средних суждений: США — это воплощение политического плюрализма (то есть власть складывается под влиянием всех социальных классов и групп) или демократического элитизма, — второе в наибольшей степени близко к истине. Демократический элитизм в теоретическом и практическом плане состоит из двух компонентов:

- ♦ наличие демократических механизмов формирования политической власти;
- ♦ осуществление политической власти элитой (правлящим классом).

Важно выяснить реальную роль каждого из этих компонентов, как и их соотношение.

В конце XIX — первой трети XX вв. политическая власть в США во все большей мере концентрировалась в руках элиты, а значение демократических ограничителей снижалось. Но со времен Нового курса ситуация стала меняться, и значение демократических механизмов и контроля стало возрастать. *Рузвельт* и поддерживавшая его часть верхнего класса, по сути, согласились на принятие нового, радикально обновленного **общественного договора с нацией**, который расширял как социально-экономические, так и политические права среднего и нижнего классов. После Рузвельта этот договор еще более окреп (в первую очередь в 1960–1970-е гг. под давлением разнообразных движений «снизу»), затем его развитие затормозилось, а на современном этапе властная роль элиты вновь стала возрастать. Но в целом новейшее время отмечено упрочением американских демократических начал.

Вот наиболее серьезные демократические нововведения, осуществленные со времен Нового курса. В 60-е гг. утвердилось наиболее демократичное по всем меркам **избирательное право**. Черным амери-

канцам были в полной мере возвращены избирательные права, отнятые у них в конце XIX – начале XX вв. Американский электорат увеличился сразу на 10 %, причем новые избиратели вошли в его самую радикальную часть. В дальнейшем в некоторых южных штатах были предприняты меры, в первую очередь изменение избирательных округов, обеспечившие возможность расширения представительства чернокожих граждан в органах власти (в противном случае такое представительство было обречено оставаться крайне узким в силу явного численного превосходства белых избирателей). Примером такой меры стало изменение в 1992 г. избирательных округов в штате Южная Каролина, в результате чего черным избирателям было обеспечено большинство в двух новых округах, от которых незамедлительно избрали двух чернокожих депутатов в конгресс США. Важными демократическими мерами явились **двадцать четвертая поправка** (утверждена в 1965 г.) к Конституции США, запретившая увязывать избирательное право с уплатой какого-либо налога, и **двадцать шестая поправка** (утверждена в 1971 г.), снизившая возрастной ценз до 18 лет.

Начиная с 60-х гг. резко возросла роль такого специфического американского демократического механизма, как **праймериз** (первичные выборы). Праймериз, предоставляющие рядовым избирателям возможность отбирать тайным голосованием не только представителей власти, но самих кандидатов на властные должности, впервые стали вводиться в начале XX в. Но после Первой мировой войны процесс затормозился и даже пошел вспять. В 1960-х гг. сначала Демократическая, а затем и Республиканская партии резко расширили практику праймериз. В последующие 30 лет количество штатов, практикующих отбор кандидатов в президенты посредством праймериз, увеличилось в случае с Демократической партией с 17 до 37, а в случае с Республиканской партией — с 16 до 41. Волеизъявление рядовых избирателей стало предрешать выдвижение кандидатов в президенты.

Подконтрольность политической власти обществу расширилась и в других сферах. Так, резко увеличилось количество государственных должностей, занимаемых на **конкурсной основе**, и соответственно снизилась зависимость назначений от воли партии, побеждающей на президентских выборах. В 1990 г. Верховный суд США вынес решение о том, что при найме государственных служащих на большинство должностей партийная принадлежность не должна приниматься во внимание. В новейшее время было также принято большое количество указов и законов, утверждающих демократические правовые и морально-этические нормы поведения государственных чиновников.

Всесторонний контроль общества установлен за деятельностью высших государственных лиц — президента, губернаторов, конгрессменов. Под строгим присмотром находятся их финансовая деятельность и морально-нравственный облик. Конечно, все эти меры не искоренили полностью коррупцию и злоупотребление властью в США, но по крайней мере они утвердили такую подконтрольность власти обществу, которая признается образцом в современных демократиях.

Наряду с демократическими нововведениями в США сохранялись и продолжали играть важную роль **классические демократические институты и нормы**. Среди них особое значение принадлежит разделению властей. Принцип разделения властей, как и дополняющий его принцип «сдержек и противовесов», составили главный нерв внутренних взаимоотношений в американском государстве на протяжении всей его истории. От соотношения, взаимоотношения и конфликта исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти прямо зависели степень демократизма американского государства, его внешняя и внутренняя политика.

По мнению многих историков, в новейшее время на центральное место в государственной системе США выдвинулась **президентская власть**. Водоразделом в истории президентской власти опять-таки стало правление Ф. Д. Рузвельта. Президентская власть дорузвельтовской эпохи обозначается как традиционная, а рузвельтовской и послерузвельтовской эпох — как современная. История современного президентства в свою очередь разделяется на три этапа. Период от Ф. Рузвельта до Р. Никсона (1933–1974 гг.) известен как **«имперское президентство»**. Период правления Д. Форда и Д. Картера (1974–1981 гг.) — как **«ослабленное президентство»**. Наконец, третий период, начало которому положило правление Р. Рейгана (1981–1989 гг.), известен как **«восстановленное президентство»**.

Президент, а вместе с ним и исполнительная власть в целом, приобрели наибольшее влияние в 60-е — начале 70-х гг., когда глава государства присвоил себе очень широкие, не подкрепленные конституцией военные полномочия. Возникла опасность для демократической модели разделения властей. Последующие события показали, однако, что заложенный в конституции механизм «сдержек и противовесов» заключал в себе реальную и эффективную способность восстановления необходимого по демократическим меркам баланса властей. Законодатели приняли меры, которые поддерживали равновесие властей в ключевых сферах внутренней и внешней политики. Особое значение для восстановления баланса двух важнейших ветвей государственной власти име-

ло расследование конгрессом США антиконституционных действий президента Никсона, вынудившее главу государства уйти в отставку.

В целом в новейшее время обнаружилась своеобразная закономерность в распределении полномочий между исполнительной и законодательной властью. Полномочия исполнительной власти, в первую очередь президента, расширялись, как правило, в кризисные эпохи, а в посткризисные законодательная власть брала реванш, пытаясь, и не без успеха, восстановить равновесие двух ветвей власти. В целом же **взаимоотношения двух ветвей власти** находились в состоянии динамичного равновесия, означающего, что возвышение одной ветви власти неизменно вызывает к жизни контртенденцию расширения полномочий другой ветви, и предусмотренный конституцией баланс властей восстанавливается.

Показательные изменения испытала в новейшее время третья ветвь власти — **судебная**. Безраздельное господство судебного консерватизма, характерное для предшествующей эпохи, не наблюдалось ни на одном из современных этапов. Со второй половины 1930-х гг. соотношение сил в Верховном суде стало меняться в пользу либералов, а наивысшего влияния судебный либерализм достиг в 1950–1960-е гг. В последующие десятилетия установилось равновесие судебного либерализма и консерватизма, но постепенно более заметным стало влияние умеренного консерватизма. Идеологические привязанности судей влияли на их мнения и решения, но такой идеологической зашоренности, которая была характерна для Верховного суда в 1870–1920-е гг., не наблюдалось ни разу. Вместе с тем Верховный суд умел преодолевать опасность догматического буквоедства и в своих решениях реагировал на меняющиеся условия национального общественного договора.

Можно заключить, что в новейшее время роль демократических норм, процедур, институтов определенно упрочилась. Но для точного определения степени демократизма американской власти важно рассмотрение и других вопросов, в первую очередь влияния на нее разных общественных классов и социальных групп. Влияние это реализуется в разных политических формах, но главенствующей среди них являются **выборы**, в которых участвуют все американцы старше 18 лет. Среди политологов укоренилось мнение, что важны шесть показателей вовлеченности граждан в эту политическую форму:

- 1) выдвижение своей кандидатуры на выборный пост;
- 2) проявление активности в предвыборной борьбе;
- 3) внесение денежных средств в поддержку того или иного кандидата;

- 4) принадлежность к партии или иной организации, которая поддерживает того или иного кандидата;
- 5) агитация или иные методы убеждения друзей и окружения при обсуждении кандидатов;
- 6) наконец, само участие в выборах.

Первые пять показателей имеют в американской политической практике минимальное значение. Менее 1 % американцев когда-либо выдвигали свои кандидатуры на выборные должности. Только 5 % проявляли активность в партийной и избирательной кампании, и приблизительно 10 % делали финансовые взносы. Около 1/3 американских граждан участвовали в организациях, которые могут быть названы группами политических интересов, и несколько большая часть убеждала своих близких проголосовать определенным образом. В праймериз участвовало не более 30 % избирателей. И только непосредственно в самом голосовании в новейшее время принимало участие в среднем около 50 % взрослых американцев. Таким образом, на американском политическом рынке подавляющее большинство населения выступает в роли «покупателей» тех или иных политических программ, делая выбор из идей и кандидатур, поставляемых элитой.

В новейшее время неизменно сохранялись серьезные **различия в политической активности** различных социальных групп. Можно сделать вывод о доминирующей роли на выборах трех социальных групп: во-первых, белой расы, во-вторых, благополучных американцев, в-третьих, старших возрастных групп. Разителен разрыв в политическом волеизъявлении между самыми богатыми и самыми бедными: из самой богатой квинты (1/5) американцев в выборах участвует 75 %, а из самой бедной квинты — вдвое меньше. В целом же политическая активность верхних и средних социальных слоев существенно превышала активность нижних социальных слоев и служила важной гарантией сохранения общественных первооснов США и социальной стабильности.

Возможности разных социальных слоев в американской политике давно и прочно обусловлены разными возможностями **финансирования политической деятельности**. Американская политика — самая дорогостоящая в мире, а расходы на избирательную кампанию в год президентских выборов в конце XX в. превышали 3 млрд долларов. Неравные возможности американских избирателей в оказании финансовой поддержки кандидатам традиционно являлись притчей во языцех для поборников демократических идеалов и народного суве-

ренитета. Но только в 1974 г. в США был принят фундаментальный федеральный закон, регламентирующий расходы на избирательные кампании, что должно было привести к выравниванию возможностей воздействия на политику разных социальных групп. Согласно закону, отдельный индивидум не мог пожертвовать кандидату в депутаты более 1 тысячи долларов. Что касается коллективных доноров избирательных кампаний, среди которых доминирующая роль принадлежит **комитетам политического действия (КПД)**, создаваемых разными социальными группами, то каждый из них мог перечислить на счет одного кандидата не более 5 тысяч долларов.

Принятие закона сопровождалось следствиями, не предвиденными его творцами и свидетельствующими, что с помощью законов крайне трудно уравнивать шансы на политическом рынке для индивидумов и групп с различными финансовыми возможностями. Воспользовавшись тем, что закон не ограничивал ни число кандидатов, которые могли финансироваться одним донором, ни общую сумму расходов доноров на разных кандидатов, верхние социальные слои, действуя через предпринимательские и профессиональные объединения, обратились к созданию все новых комитетов политического действия, индивидуальные и совокупные расходы которых стали стремительно расти.

Каждый КПД мог профинансировать любое количество приемлемых для него кандидатов, а последние могли получать деньги от всех заинтересованных в их избрании комитетов. Финансовые возможности кандидатов после принятия закона 1974 г. не только не уменьшились, но даже возросли. Необходимо отметить также, что федеральный закон не ограничил избирательные расходы КПД (например, политическую рекламу), осуществляемые ими самими, а не идущие напрямую кандидату.

После 1974 г. КПД стали расти как грибы после дождя. В конце XX в. их было зарегистрировано около 4 тысяч, при этом количество КПД, созданных предпринимателями, в 5 раз превышало количество профсоюзных КПД. В целом комитетам политического действия, представляющим верхние слои общества, принадлежала решающая роль в финансировании избирательных кампаний.

Наряду с комитетами политического действия, большую роль в воздействии на политическую власть играют **лоббистские организации**, также создаваемые разными социальными группами. В отличие от КПД, пик активности которых приходится на избирательные кампании, лоббистские организации повседневно пробивают в государственных структурах интересы своих клиентов. Политическая роль лоббистских

организаций возросла настолько, что их критики заговорили о наличии в США властного **«железного треугольника»** — альянса лоббистов, законодателей и государственных чиновников, протаскивающих через ветви власти законы и решения, удобные влиятельным и богатым группам интересов. Их оппоненты, напротив, считают роль лоббистов позитивной, поскольку они предотвращают хаотичное развитие частных интересов, обеспечивают цивилизованное соперничество социальных групп, служат важным дополнением политического плюрализма и демократии. Выяснение объективного мнения по поводу данного спора предполагает ответ на вопрос: каково соотношение и успехи лоббистских групп, представляющих разные социальные слои?

Изучение этого вопроса позволяет прийти к следующим выводам. В новейшее время состав лоббистских организаций становился все более разнообразным, и среди них возрос удельный вес и влияние тех, которые представляют средние слои общества, как и тех, которые отражают интересы общества в целом (наиболее яркие примеры — **организации потребителей** и **организации защиты окружающей среды**). Вместе с тем наибольших практических результатов в защите позиций представляемых ими участников и социальных групп продолжали добиваться **организации бизнеса**. Они же располагали наибольшими материальными возможностями для воздействия на различные властные структуры и общественное мнение. Непосредственная цель лоббистских организаций бизнеса заключалась в обеспечении наибольших материальных выгод для представляемых ими предпринимательских групп, а их стратегическая цель состояла в сохранении социально-экономического статус-кво с допущением ряда реформ, необходимых для поддержания социальной стабильности. В то же время среди лоббистских организаций практически отсутствовали и не пользовались сколько-нибудь существенным влиянием организации, представляющие нижние слои. Верхний класс неизменно демонстрировал гораздо большую лоббистскую активность, нежели средний, а тем более нижний классы.

В новейшее время важная роль в системе американской политической власти сохранялась за **партиями**. Правда, среди ученых распространилось мнение, что влияние партий стало ослабевать в результате возрастания роли комитетов политического действия и лоббистских организаций. Мнение это имеет под собой некоторое основание: партии действительно уступили часть своего влияния. Однако их высокое положение в системе политической власти не было отменено. Более того, за партиями сохранилась главная роль в организации и проведе-

нии выборов, выработке и выдвижении программ социально-экономического и политического развития нации, отборе и воспитании политической элиты. В современных США, как и прежде, невозможно подняться на вершину политической власти, минуя активное участие в одной из двух главных партий.

В новейшее время главенствующую позицию в США сохранили Республиканская и Демократическая партии. **Партийно-политическая система** в Соединенных Штатах законсервировалась как двухпартийная, не оставляя никаких шансов третьим партиям. Это стало важным отличием новейшей политической истории от предшествующих периодов, когда третьи партии неоднократно бросали вызов двухпартийной системе. Можно напомнить, что Республиканская партия возникла в 50-е годы XIX в. именно как третья партия и смогла быстро вытеснить из двухпартийной системы вигов, способствуя созданию новой двухпартийной системы «республиканцы — демократы». В конце XIX в. вызов двухпартийной системе бросила Популистская, а в начале XX в. — Социалистическая партия.

В новейший период ни одна из третьих партий не смогла добиться подобного успеха. Традиция их возникновения и активных действий пошла на убыль. Тому существует несколько причин. Главная заключается в том, что социально-экономическое положение США в новейшее время (после реформ Нового курса) оказалось качественно лучше, чем в любой из предшествующих периодов. Даже неблагополучные категории граждан склонялись к выбору между демократами и республиканцами, доверяя одной из главных партий решение экономических проблем Америки. Можно предположить, что, по мнению большинства неблагополучных американцев, в США не возникало таких экономических трудностей, решение которых требовалось быверить третьей силе. Опыт современной истории вселил в них веру, что и традиционные проблемы (**безработица, инфляция, нищета** и др.) вполне могут врачеваться демократами и республиканцами. Таким образом, уже в силу названных причин «спрос» на третьи партии стал падать.

Классические третьи партии добились своих последних реальных успехов в 30-е годы XX в. На левом фланге тогда самыми влиятельными были **Социалистическая** и **Коммунистическая** партии. На президентских выборах 1932 г. лидер социалистов *Н. Томас* получил около 900 тысяч голосов и занял третье место, а коммунист *У. Фостер* с 102 тысячами голосов оказался на четвертом месте. Но уже в 1936 г. социалисты собрали всего лишь 187 тысяч, а коммунисты — 80 тысяч голосов.

В последующие два десятилетия они практически сошли с политической арены.

Чем объяснить упадок третьих партий в условиях 30-х гг., когда тяжкие социально-экономические проблемы должны были, казалось, благоприятствовать их успеху? Лидер социалистов Н. Томас на склоне лет причину неудачи своей партии объяснил лаконично: «Что же выбило полностью почву из-под наших ног? Причина может быть выражена в одном слове — Рузвельт. Больше можно ничего не добавлять». В этом объяснении содержалась большая доля истины: Рузвельт, включив в платформу Демократической партии ряд популярных требований, содержащихся в требованиях левых партий, действительно перетянул на свою сторону многих их сторонников. Его мощный либерально-демократический маневр, подкрепленный практической реализацией ряда важных обещаний, стал реальной причиной ослабления третьих партий.

Эффективность либерализма, как средства нейтрализации радикализма в американских условиях, неоднократно демонстрировалась двухпартийной системой, в первую очередь Демократической партией. С 40-х гг. в качестве третьей силы на американских выборах выступали почти исключительно независимые кандидаты, отколовшиеся по той или иной причине от одной из главных партий. Но ни один из «отщепенцев» не смог поколебать позиций двух политических гигантов.

Основу взаимоотношений Демократической и Республиканской партий составляли и составляют два принципа — **консенсус** и **альтернативность**. Консенсус, означающий согласие между партиями в отношении основ американского общественного строя, обеспечивает эволюционность и преемственность в развитии общества и политики. Обе партии включают в основы американского общества нерушимость и свободное распоряжение частной собственностью, рыночную конкуренцию, федерализм, политический плюрализм, правовое государство и разделение властей, суверенитет гражданского общества и личности. Альтернативность, заключающаяся в выработке и предложении двумя партиями различающихся способов усовершенствования общества, обеспечения экономического роста, достижения социальных компромиссов и стабильности, создает между ними реальное соперничество, утверждает конкуренцию на политическом рынке, дает американцам возможность выбора лучшего политического «товара», ослабляет или вовсе нейтрализует конкуренцию со стороны мелких политических соперников.

Ослабление принципа консенсуса было чревато потрясением общественных основ, дисфункцией государственно-политических институтов, перерастанием скрытых социальных конфликтов в реально осязаемые. Ослабление же и сужение, а тем более исчезновение альтернативности угрожало утратой двумя политическими гигантами господствующей позиции на политическом рынке, появлением и успехом третьей партии, стремящейся вытеснить из двухпартийной системы одного из ослабленных соперников и занять его место.

Объем и содержание консенсуса между партиями не оставались неизменными. В ходе общественно-исторических изменений возникала потребность включения в консенсус новых составляющих, в первую очередь тех, без которых было невозможно сохранение экономической, социальной и политической стабильности. Например, во второй половине XX в. такой составляющей стало **социальное государство**. Его основы были заложены Демократической партией в эпоху Нового курса, а Республиканская партия в течение двух десятилетий сопротивлялась включению его в сферу межпартийного согласия. Но начиная с 1950-х гг. она признала, что без этой составляющей социально-экономическая стабильность в США невозможна. Все президенты-республиканцы второй половины XX – начала XXI вв. — при всем том, что некоторые подвергали социальное государство жесткой критике — не посягали на его основы.

Расширение консенсуса в платформах и политике республиканцев и демократов отражало, помимо всего прочего, стремление каждой партии вовлечь в сферу своего влияния максимальное число избирателей, в том числе тех, кто традиционно поддерживал политического соперника. Это обстоятельство объясняет, почему во главе каждой партии редко оказывались политики с идеологическими пристрастиями крайнего толка. А их появление во главе той или иной партии, как правило, сопровождалось серьезным политическим поражением. Республиканцы потерпели такое поражение, когда их кандидатом на президентских выборах 1964 г. выступил суперконсерватор *Б. Голдуотер*. Демократы оказались в схожей ситуации в 1972 г., когда на президентских выборах партию возглавил суперлиберал *Д. Макговерн*.

Консенсус внутри двухпартийной системы всегда имел пределы. Его чрезмерное разрастание являлось причиной возникновения сильного третьего соперника. Оптимальное функционирование двухпартийной системы в качестве важнейшего условия предполагало наличие альтернативности и в идеологии, и в политике партий. В новейший период идеологию Демократической партии неизменно называют **либеральной**,

а идеологию Республиканской партии — **консервативной**. Принимая это определение, укажем, что в США со времен Ф. Рузвельта либерализм равнозначен социал-либерализму, то есть либерализму, включающему разносторонние реформы в интересах средних и нижних слоев, а консерватизм имеет в основе принципы классического индивидуалистического либерализма, возводящего во главу угла свободу частного предпринимательства.

В практической политике между двумя партиями в новейшее время существовало своеобразное разделение труда: роль Республиканской партии состояла в высвобождении, активизации предпринимательской активности и экономической свободы, имеющих негативным следствием углубление неравенства, ликвидация или смягчение крайностей которого являлись задачей Демократической партии. В результате их соперничества в американском общественном развитии сложилось чередование консервативных и либеральных политических циклов: консервативный цикл, стимулировавший экономический рост ценой углубления социального неравенства, уступал место либеральному циклу, в течение которого развивались принципы социальной справедливости, но когда перераспределительный механизм начинал угрожать экономическому росту, демократы уступали место у руля власти республиканцам. Таким образом, соперничество между республиканцами и демократами способствовало поддержанию своеобразного баланса между экономической свободой и социально-экономической демократией.

На современном этапе на первое место в соперничестве республиканцев и демократов вышли различия в социокультурных вопросах. Демократы заняли яркую либеральную позицию: поддерживали всевозможные новые права и льготы для расовых меньшинств и женщин, защищали нетрадиционную семью, брали под покровительство гомосексуалистов и лесбиянок. Республиканцы сдвинулись «влево» только в расово-этническом вопросе, а по другим фундаментальным общественным проблемам заняли консервативную позицию. Демократы пользовались большей поддержкой среди чернокожих, испаноязычных, белых из нижних социальных слоев, а республиканцы черпали поддержку главным образом среди верхних и средних слоев белого населения. Но в целом в новейшее время обе партии модернизировали свои позиции, что означало, в частности, и демократизацию их программ.

Зададимся теперь вопросом, который неизменно вызывает дискуссии среди как специалистов, так и неспециалистов: превратились ли современные Соединенные Штаты в образец демократии? Ответ на

этот вопрос в значительной мере зависит от того, что понимать под демократией, тем более ее образцом. По этому поводу существуют разные мнения, но автор данной работы придерживается того из них, которое считается классическим и разделялось многими авторитетами американской демократической мысли, среди них Авраамом Линкольном, давшим в свое время чеканную **формулировку образцовой демократии**: *«правление народа, посредством народа и для народа»*. В таком случае демократия означает равенство прав и возможностей всех граждан в формировании политической власти, доступе к ней, распоряжении ею, извлечении из нее пользы и благ. Есть серьезные основания полагать, что такой образец является утопией (подобно коммунизму), и в связи с этим даже зачислять в утописты Линкольна, Джефферсона и других его выдающихся американских приверженцев. Но также есть весомые основания утверждать, что поскольку такой образец не воплощен в США, их нельзя считать подлинной демократией. Как же в таком случае определить американскую политическую власть?

Такое определение лучше всего выражается формулой **«демократический элитизм»**, значение которого уже было раскрыто выше. Он соответствовал характеру американской политической власти на всех исторических этапах, но соотношение демократии и элитизма не было одинаковым, в частности в новейшее время объем демократии возрос. Определение **«демократический элитизм»** свидетельствует о **дуализме** американской политической власти, о присутствии в ней двух противоречивых начал. Но почему демократия не восторжествовала в США в чистом виде? Ответ заключен не в последнюю очередь в характере того общества, которое называется гражданским и каковым, безусловно, являются Соединенные Штаты.

Великим достоинством гражданского общества является свободное существование и конкуренция разнообразных социальных, экономических и политических интересов, что, как свидетельствует исторический опыт, создавало наилучшую (из известных на практике) первооснову общественного прогресса. Но эта конкуренция создает также возможность для экономического и социального возвышения наиболее предприимчивых и энергичных индивидуумов, из которых оформляются верхний класс и элита, обретающие благодаря своим социально-экономическим позициям наибольшие возможности влияния на политическую власть. Эти механизмы и следствия гражданского общества были прекрасно известны американским отцам-основателям: *Д. Адамс, А. Гамильтон и Д. Мэдисон* твердо доказывали, что

благословенная свобода неизменно разделит общество на верхний класс, или богатое меньшинство, и менее удачливое большинство. В условиях чистой (образцовой) демократии, согласно их заключению, это большинство попытается ограничить свободу в своих интересах. Отсюда делался вывод о противоречии между свободой и демократией (равенством) и необходимости ради сохранения свободы и позиций возвысившейся благодаря ей элиты ограничить и контролировать демократию. Этот постулат нашел воплощение в **федеральной конституции 1787 г.**, создавшей модель демократического элитизма.

С тех пор в США в разных вариациях существовала эта модель. Одна из ведущих тенденций ее развития заключалась в том, что при сохранении у элиты рычагов реального политического управления происходило возрастание форм и норм демократического контроля. Чем объяснить эту тенденцию? Причины ее разнообразны — например, важное значение имело то, что на политическом рынке сохранялось место и для незлитных слоев, более того, эти слои численно на нем преобладали, а их политический «спрос» имел возрастающее значение в предложении способов правления со стороны элиты. Важное значение имела и политическая борьба за власть среди группировок элиты, стимулировавшая каждую из них предлагать более демократическую формулу общественного договора.

И особенно хочется подчеркнуть **фактор политической культуры** американской элиты: ее основа была сформирована отцами-основателями, которые соединили защиту экономических позиций верхнего класса с политическим реализмом и просвещенным подходом к моделированию политической власти, имевшими следствием разнообразные компромиссы с нацией. Сохранение этой основы в политической культуре американской элиты объясняет, почему элитизм и демократия в США не только конфликтовали, но также сосуществовали и взаимодополняли друг друга. В необходимые моменты элита проявляла способность идти на демократические нововведения, которые расширяли контроль над властью «снизу», не отменяя вместе с тем реально-го политического управления элиты.

Вопросы к семинарским занятиям

1. Охарактеризуйте экономический кризис 1929–1933 гг. и его следствия.
2. Дайте характеристику социально-экономическим мероприятиям Ф. Д. Рузвельта. Какое воздействие они оказали на американское общество?

3. Как изменилась роль государства в экономическом развитии США в новейшее время? Охарактеризуйте две модели государственного регулирования — «экономику спроса» и «экономику предложения». Как они воздействуют на социально-экономическое развитие?
4. Раскройте основные этапы научно-технической революции в США, их содержание и социальные следствия.
5. Охарактеризуйте основные социально-экономические классы США новейшего времени.
6. Почему на современном этапе американской истории наблюдался упадок профсоюзного движения?
7. Охарактеризуйте движение «новых левых» и причины его упадка.
8. Охарактеризуйте движение афро-американцев в новейшее время, его тенденции, успехи, неудачи, современное состояние.
9. Чем объяснить подъем женского движения в США на современном историческом этапе? Каковы его успехи?
10. Раскройте содержание концепций «плавильного котла» и мультикультурности. Какая из них соответствует реалиям взаимоотношений рас и этносов в США?
11. Охарактеризуйте основные демократические нововведения в политической системе США новейшего времени.
12. Как изменилась роль и взаимоотношения исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти в новейшее время?
13. Охарактеризуйте изменение идеологии, социальной базы и политической практики Демократической партии США. Дайте оценки ее политических лидеров.
14. Как изменилась идеология и политическая практика Республиканской партии США?
15. Какие третьи партии действовали в США в новейшее время, каких результатов они добились и в чем причины их упадка?
16. Каково политическое влияние групп интересов, лоббистских организаций и комитетов политического действия в США новейшего времени?
17. Раскройте этапы становления социального государства в США, его достижения и ограниченность.
18. Охарактеризуйте внутреннюю политику президентов США от Демократической партии.
19. Охарактеризуйте внутреннюю политику президентов США от Республиканской партии.

20. Раскройте сходство и различия в идеологии, социальной базе и политической практике Демократической и Республиканской партий.

Литература

1. Американская цивилизация как исторический феномен / Под ред. Н. Н. Болховитинова. — М., 2001.
2. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. — М., 1991.
3. Геевский И. А., Червонная С. А. Национальный вопрос в общественно-политической жизни США. — М., 1985.
4. Дай Т. Р., Зиглер Л. Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. — М., 1984.
5. Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика. — М., 1985.
6. История США / Под ред. Г. Н. Севостьянова: В 4 т. — М., 1983–1987. — Т. 3, 4.
7. Иванян Э. А. Рональд Рейган. Хроника жизни и времени. — М., 1991.
8. Иноземцев В. А. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. — М., 2000.
9. Конституция США. История и современность. — М., 1988.
10. Маккарти Ю. Вновь посетив Америку. Спустя 150 лет после путешествия А. де Токвилля. — М., 1981.
11. Манькин А. С. История двухпартийной системы США. 1787–1980. — М., 1981.
12. Манькин А. С. «Эра демократии»: партийная перегруппировка в США 1933–1952. — М., 1990.
13. Мельников А. Н. Американцы: социальный портрет. Новые явления в классовой структуре США. — М., 1987.
14. Миллс Р. Властвующая элита. — М., 1959.
15. Никонов В. А. От Эйзенхауэра к Никсону: из истории республиканской партии США. — М., 1984.
16. Никонов В. А. Республиканцы: от Никсона к Рейгану. — М., 1988.
17. Олешук О. Ф. Эволюция социальной политики США в 60–80-е годы. — М., 1987.
18. Печатнов В. О. Демократическая партия США: избиратели и политика. — М., 1980.

19. Попов А. А. Государство «всеобщего благосостояния»? Мифы и реальность современной Америки. — М., 1985.
20. Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США. — М., 1980.
21. Согрин В. В. Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. — М., 1995.
22. Согрин В. В. Политическая история США XVII–XX века. — М., 2001.
23. Фурсенко А. А. Критическое десятилетие Америки, 60-е годы. — Л., 1974.
24. Фурсенко А. А. Президенты и политика США, 70-е годы. — Л., 1989.
25. Черниловский З. М. От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного суда США. — М., 1982.
26. Чертина З. С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. — М., 2000.
27. Шлезингер А. М. Циклы американской истории. — М., 1992.

Тема 7

Этапы внешней политики: от колонии к сверхдержаве

7.1. «Предопределение судьбы»

Минувшее XX столетие нередко называют «Американским веком». Многие полагают, что и XXI столетие войдет в историю под этим же названием. Те, кто использует это определение, имеют в виду достижение Соединенными Штатами как экономического, так и политического лидерства в мире. С самим этим определением можно не соглашаться, но спорить с тем, что США в XX в. стали ведущей мировой державой, а на современном этапе — дирижером мировой политики, трудно. Каким же образом страна, являвшаяся в момент рождения, четыре века назад, небольшой и отдаленной от центров мировой цивилизации английской колонией, достигла такого могущества?

В исторической литературе, посвященной общемировым процессам, встречается понятие о **неравномерном характере развития** разных стран и регионов, означающем, что в силу тех или иных глубинных причин в экономическом и политическом соперничестве разных государств вперед выходят то одни, то другие. И действительно, если мы окинем взором всемирную историю, то увидим, что в ней всегда были лидеры, резко вырывавшиеся вперед в экономическом и политическом развитии, утверждавшие благодаря этому гегемонию в мировом сообществе и извлекавшие огромные дополнительные преимущества и блага уже из этой гегемонии.

В момент возникновения североамериканского общества на такую ведущую позицию в мире стала выходить **Англия**. Она постоянно упрочивала свое ведущее экономическое и политическое могущество, а в XVIII, но особенно же в XIX в. уже прочно являлась лидером мировой экономики и мирового рынка, обладательницей наибольшего количества колоний. Правда, назвать ее властительницей мировой политики было бы явным преувеличением и даже ошибкой, но благодаря своему мо-

густеству она неизменно входила в число тех 3–4 государств (причем Англия находилась среди них постоянно, в то время как другие участники менялись), которые распоряжались судьбами мира.

США на протяжении тех столетий не могли встать вровень с Англией, но уже тогда возникали и нарастали предпосылки будущего оттеснения ими своей прародительницы с позиции ведущей мировой державы. На этапе накопления предпосылок превращения США в мирового лидера, охватившем период от возникновения Соединенных Штатов до Первой мировой войны, можно выделить ряд главных и особенно результативных направлений их внешней политики. **Первое направление** — достижение все большей политической и экономической независимости от Англии. **Второе** — экспансия на территории Северной Америки, вытеснение с нее все той же Англии, а также Испании, Франции и коренных индейских племен. **Третье направление** — распространение своего влияния на Южную Америку и в конечном итоге подчинение ее своему экономическому и политическому господству. **Четвертое** — выход внешнеполитической экспансии за пределы американского континента, как экономическое, так и политическое проникновение на территорию еще одного континента — Азии.

Внешняя политика США свидетельствует о мощном изначальном и даже **«врожденном» экспансионизме** молодой нации. **Причины** его были разнообразны. Одна из главных — **экономическая**: стремительно развивавшийся капитализм, представленный не только элитой, но миллионами не менее предприимчивых простых американцев (фермеры, торговцы, добытчики драгоценных металлов и другие ловцы экономической удачи и богатства), ставил перед государством «сверхзадачу» расширения Соединенных Штатов на новые территории и приобретения новых рынков.

Среди важных причин экспансии присутствовала и **идеологическая** — изначальная уверенность американцев в том, что их родина — **избранная страна**, а сами они — **избранный народ**, призванный показывать всему миру пример идеального общественного устройства. Эта идея постепенно была дополнена другой: американцы вправе распространять принципы «Богом избранной» страны на новые территории. В 1845 г. один из духовных лидеров Демократической партии *Д. О. Сулливан* дал наиболее известное определение притязаниям американцев на господство в западном полушарии: «Эти претензии основаны на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространять свое владычество на весь континент, который дарован нам

Провидением для выполнения возложенной на нас великой миссии: установить свободу и федеративное самоуправление».

Изложенная доктрина, получившая название «предопределение судьбы», стала идеологическим лейтмотивом внешней политики США. Обоснована она была не консерваторами, а демократами, попытавшимися согласовать ее с передовыми общественно-политическими принципами. И в последующем американская экспансия и борьба за мировое лидерство неизменно увязывались политическими деятелями США с выполнением демократического долга — благодетельствование мира принципами, которыми Бог и Судьба первоначально одарили саму Америку.

Правда, и в момент образования США, и в последующие эпохи так рассуждали не все американские политики: среди них были и есть такие, которые отстаивали невмешательство в дела других стран и требовали сосредоточиться исключительно на наилучшем обустройстве собственного дома. Экспансионисты и антиэкспансионисты всегда вели острую борьбу по вопросам внешней политики США, но на ведущую позицию все более уверенно выходили экспансионисты.

Противники вмешательства в перипетии мировой политики были наиболее влиятельны в начальный период существования США. Главный их аргумент заключался в том, что Соединенные Штаты являлись маломощным государством и их попытка поучаствовать в споре могущественных европейских государств могла закончиться национальной катастрофой. Но, отстраняясь от жестоких конфликтов могущественных государств Европы, американские политики не упускали случая, если он представлялся, извлечь для себя выгоду из противоборства европейских гигантов.

В 1803 г. США сумели убедить Францию, поглощенную европейскими войнами, уступить им Луизиану, граничившую с Соединенными Штатами на юге. Диктатор Франции Наполеон Бонапарт, крайне нуждавшийся в деньгах, продал Луизиану за минимальную цену. Американцы торжествовали: удачная сделка увеличила их территорию вдвое. И в последующем США не упускали случая воспользоваться материальными затруднениями европейских государств для перекупки их американских колоний: самый известный пример — приобретение у России за минимальную цену 7,2 млн долларов Аляски в 1867 г.

В начале XIX в. во время затяжной общеевропейской войны США очень удачно использовали возможность защитить свои экономические и политические права от посягательств Англии, ослабленной конфликтами с Францией. США добились независимости от Англии еще

в 1783 г., однако Англия не оставляла попыток держать Соединенные Штаты в экономическом и политическом подчинении. Особенно часто и грубо нарушались морские права США: Англия регулярно захватывала и обыскивала торговые американские суда.

В середине 1812 г., решив, что с Англией наконец-то можно покончиться, американское правительство объявило ей войну. Война, продолжавшаяся более двух лет, закончилась миром, который формально не принес победы ни той, ни другой стороне. Но фактически, как показали последующие события, экономический и политический суверенитет США после нее серьезно упрочился, не случайно она известна как **вторая и завершающая война США за независимость**.

Во время войны многие американские политики, воспользовавшись ростом среди соотечественников экспансионистских настроений, поставили задачу отнять у Англии **Канаду**, а у Испании **Флориду**. Решить эту задачу не хватило сил, от завоевания Канады пришлось вообще отказаться, но вот Флориду экспансионисты уже не упускали из поля зрения, и через несколько лет она была-таки завоевана для США генералом *Э. Джексон*ом.

В развитии **внешней политики США** важное значение имел 1823 г., когда была провозглашена **доктрина Монро**. Эта доктрина, названная по имени президента Соединенных Штатов *Джеймса Монро*, заключала попытку урегулировать (к американской выгоде) взаимоотношения между Соединенными Штатами, могущественными европейскими монархиями и Южной Америкой. К тому времени в подавляющем большинстве стран **Южной Америки** произошли победоносные национально-освободительные революции, избавившие их от владычества Испании. Одряхлевшая испанская монархия пыталась спасти свою империю при помощи **Священного союза** — альянса европейских монархий, созданного в 1815 г. после разгрома наполеоновской Франции и преследовавшего цель пресекать любые попытки новых покушений на феодальный миропорядок. В Америке и в Европе обсуждалась возможность вторжения Священного союза в Латинскую Америку, и доктрина Монро стала реакцией американского правящего класса на эту угрозу.

Доктрина была изложена президентом Монро в послании конгрессу США в декабре 1823 г. Этому событию предшествовала дискуссия внутри американской политической элиты: одна ее часть считала возможность интервенции Священного союза в Южную Америку гипотетической, другая часть утверждала, что вторжение вполне реально, и при этом доказывала, что могущественные европейские монархии могут попытаться создать на месте рухнувших испанских владений

собственные колонии. Вторая точка зрения восторжествовала и нашла воплощение в президентском послании. Оно решительно отвергало возможность создания на американском континенте каких-либо новых колоний. Послание определяло американский континент как избранный для воплощения принципов свободы и народоправства и указывало на абсолютную недопустимость распространить на какую-либо часть Америки принципы европейской системы (тогда консервативных монархических начал). Требуя от европейских государств невмешательства в развитие американского континента, доктрина Монро гарантировала взамен невмешательство демократической Америки в дела монархической Европы. Короче говоря, предлагался компромисс: Америка для американцев, Европа для европейцев.

Как видно, внешне доктрина Монро — это само воплощение демократического духа. Многие американские историки доказывали, что иных оценок из текста доктрины извлечь невозможно. Действительно, если основываться только на тексте доктрины, то выставить ей иную оценку весьма затруднительно. Но дело в том, что демократические принципы пронизывают все внешнеполитические доктрины США, и если основываться на их содержании, то тогда вообще невозможно понять, откуда возникали интервенционистские действия и насилие Соединенных Штатов в отношении многих суверенных стран. Выход из данного затруднения возможен, если та или иная доктрина будет оцениваться по совокупности ее теоретических принципов и практического воплощения. Воспользовавшись таким подходом, мы увидим, что доктрина Монро страховала Америку от вмешательства в ее развитие европейских монархий и одновременно развязывала руки Соединенным Штатам, самому могущественному государству американского континента, для обустройства этого континента по собственному сценарию и для проведения в разных его частях собственных интересов.

Первым ярким подтверждением этого вывода являются события 1840-х гг., когда Соединенные Штаты, вступив в военные действия со своим соседом, молодым независимым государством Мексикой, сумели отнять у него сразу три «лакомые» территории — Техас, Калифорнию и Новую Мексику.

Конфликт между США и Мексикой зародился сразу после провозглашения последней в 1821 г. независимости. Соединенные Штаты, признав новое государство, одновременно дали понять, что не удовлетворены существующей между ними границей и намерены пересмотреть ее в свою пользу. Претензии Соединенных Штатов распространялись на территории, которые составляли ни много ни мало более половины

всей Мексики! Воспользовавшись отсутствием политической стабильности в Мексике, американцы стали шаг за шагом реализовывать свой план. Поначалу проникновение на территорию трех обширных мексиканских провинций носило мирный характер: мексиканская власть дала согласие на их заселение американскими гражданами, надеясь, что предприимчивые северяне помогут экономическому подъему осваиваемых территорий, но не предвидя, что они могут оказаться троянским конем сильного северного соседа.

Американские поселенцы впервые выразили открытое недовольство Мексике, когда ее правительство издало в 1823 г. **закон о запрете на территории своей страны рабства**. Мечтавшие создавать богатства с помощью плантационного рабства, они отказались подчиниться закону. Правительство Мексики ответило запретом на дальнейшую иммиграцию американцев в Техас. Американцы не подчинились, продолжали наращивать проникновение в Мексику, а в 1836 г. провозгласили создание «республики Техас» с конституцией, узаконивавшей рабство. «Республика Техас» объявила войну правительству Мексики и обратилась с просьбой к американским властям принять ее в состав Соединенных Штатов.

В Соединенных Штатах вокруг просьбы развернулась дискуссия: против приема Техаса в США выступали в первую очередь политики северо-восточных штатов, опасавшиеся расширения территории и усиления влияния рабовладельческого Юга. Но соотношение противников и сторонников присоединения Техаса было все же явно в пользу последних, и в 1845 г. он был включен в состав США. Правительство Мексики до последнего момента отчаянно сопротивлялось, но его протесты, не опиравшиеся на достаточную военную силу, не возымели никакого действия на твердо вставшую на ноги североамериканскую республику.

В том же 1845 г. в США была сформулирована и стала быстро распространяться концепция «**предопределения судьбы**», в которой можно видеть логическое развитие доктрины Монро. И в том же году Соединенные Штаты «созрели» для поглощения еще двух мексиканских территорий — Калифорнии и Новой Мексики. В конце 1845 г. американский посол в Мексике получил инструкции, которые поручали ему предъявить мексиканскому правительству ультимативный выбор: или оно немедленно погашает перед США все долги, что ему было не под силу, или уступает Соединенным Штатам Калифорнию и Новую Мексику, получая за это прощение долгов и еще впридачу 40 млн долларов. Мексиканское правительство ответило отказом, после чего американские войска вторглись на территорию соседа.

Война с Мексикой, продолжавшаяся с 1846 по 1848 г., закончилась убедительной победой Соединенных Штатов. В конце ее они заняли столицу Мексики и продиктовали побежденной стороне свои условия. Мексика согласилась уступить США 55 % своей территории (Техас, Калифорния и Новая Мексика), а победившая сторона в качестве жеста «доброй воли» прощала ей долг в 3 млн долларов и уплачивала за свои территориальные приобретения 15 млн. Всего же за первую половину XIX в. США ценой минимальных материальных и людских потерь увеличили свою территорию в 3,5 раза.

Во второй половине XIX в. США продолжали укреплять свои позиции в **Латинской Америке**. Их поднимавшаяся как на дрожжах экономика требовала новых рынков и новых источников сырья, и правительство Соединенных Штатов, удовлетворяя этот главный национальный запрос, подчиняло латиноамериканские страны «кнутом и пряником». Американская экспансия была, как и прежде, одобрена демократической риторикой: в конце XIX в. выдвигается **доктрина пан-американизма**, согласно которой все страны Америки были объединены судьбой для воплощения великих принципов национальной независимости и народного суверенитета. Реализовываться эти принципы должны были под руководством США, которые являлись самой зрелой демократией и сильной военной державой, способной, как утверждала демократическая риторика, отстаивать свободу всех американских государств от посягательств европейских монстров.

Под знаменем панамериканизма стали проводиться **общамериканские конференции** для выработки основ континентальной политики. Однако эти конференции обнаружили, что латиноамериканские страны плохо верят в искренность благородных замыслов США. На первой конференции, состоявшейся в 1889 г. в **Вашингтоне**, они отказались поддержать **план таможенного союза**, как и **договор об арбитраже межамериканских противоречий** под эгидой США. На конференции 1901 г. модель арбитража, предложенная США, была вновь отклонена. В 1910 г. Соединенным Штатам не удалось добиться поддержки всеми латиноамериканскими странами предложения о признании доктрины Монро в качестве основного принципа внешней политики американских государств. Сталкиваясь с оппозицией своим планам со стороны латиноамериканских государств, США без особых колебаний игнорировали их особые мнения и твердо проводили на американском континенте ту политику, которая соответствовала «предопределению судьбы», то есть национальному интересу США.

Этот национальный интерес заключался, помимо всего прочего, в пресечении попыток европейских государств оспаривать лидерство США на американском континенте. В конце XIX в. Соединенные Штаты твердо воспрепятствовали попытке Великобритании пересмотреть в ущерб интересам США границу между Венесуэлой и Британской Гвианой. В 1898 г. Соединенные Штаты решительно вмешались в конфликт между Испанией и Кубой, попытавшись разрешить его в собственных интересах. Куба, продолжавшая еще оставаться под колониальным гнетом Испании, поднялась на борьбу за национальную независимость. Соединенные Штаты, апеллируя к демократическим идеалам и доктрине Монро, поддержали справедливое дело кубинцев. Между США и Испанией началась война, закончившаяся в том же 1898 г. победой Соединенных Штатов. Победитель, однако, не предоставил после этого Кубе возможность самой распорядиться своей судьбой.

В 1901 г., когда кубинское учредительное собрание одобрило текст конституции независимого государства, конгресс США отреагировал собственным решением, которое вошло в историю как «**поправка Платта**» (по имени ее автора, сенатора *О. Платта*). Согласно ей, США брали под свой полный контроль как внутреннюю, так и внешнюю политику Кубы. Протест Кубы был пресечен угрозой силовых санкций. В результате Куба оказалась в полной фактической зависимости от США, а юридически становилась их протекторатом.

В 1901–1902 гг. США сказали твердое «нет» попыткам Великобритании, Германии и Италии силовыми средствами принудить Венесуэлу к уплате внешнего долга. При этом США не отрицали обязанности Венесуэлы выплачивать долг, но заявили, что использовать «кнут» в Америке европейские страны не могут. Если кто и может воспользоваться им, то только Соединенные Штаты — к такому выводу пришел американский президент Т. Рузвельт. При этом США были готовы взять на себя роль «**международной полицейской силы**», то есть наказывать американские страны за провинности не только перед собой, но и перед европейскими странами. Суждения Рузвельта, размахивавшего, как говорили современники, «большой дубинкой», получили название «**новой интерпретации доктрины Монро**». Право использовать «большую дубинку» США закрепили в договорах с Кубой, Никарагуа, Гаити, другими странами: все они согласились, что США могут наказать их силой за финансовые, политические и иные преступления.

В начале XX в. США закрепили за собой право на строительство и владение важнейшим стратегическим и экономическим объектом Америки — каналом, соединявшим Атлантический и Тихий океаны.

Первоначально канал начали строить французы, но затем они уступили свои права американцам. Претензия США на монопольное владение объектом вызвала, однако, протест со стороны Колумбии, предоставившей для строительства канала территорию своей провинции **Панамы**. Тогда Соединенные Штаты поспособствовали восстанию провинции Панама, выходу ее из Колумбии и образованию независимого государства. Новое государство удовлетворило все претензии США.

В начале XX в. США господствовали в Латинской Америке и политически, и экономически. Американские корпорации контролировали львиную долю финансов, промышленности, сельского хозяйства латиноамериканских стран. Но возможности и запросы американского капитала уже не могли быть удовлетворены одним американским континентом. Он устремлял взоры и к другим территориям, главной среди которых оказалась **Азия**.

В конце XIX – начале XX вв. США сумели отнять у Испании **Филиппины**, которые стали их форпостом на Тихом океане, обеспечивавшим возможность проникновения на азиатский континент. В то же время Соединенные Штаты приступили к активному строительству военно-морского флота, без которого невозможно было соперничать с ведущими европейскими государствами, давно обосновавшимися в Азии. Но, несмотря на большие успехи в военно-морском строительстве (за несколько лет США по мощи военно-морского флота передвинулись с 12-го на 5-е место в мире), они не могли оспаривать позиции европейских держав на дальнем континенте с помощью силы. В Азии необходимо было использовать иную стратегию проникновения, нежели в Латинской Америке.

Эта стратегия была полностью обоснована в 1899 г. в **доктрине Хэя** (по имени государственного секретаря США **Дж. Хэя**). В ней излагались правила экономического соперничества и поведения крупных держав на ведущем азиатском рынке — **китайском**. США предлагали руководствоваться джентльменскими принципами: сложившиеся сферы влияния сомнению не подвергать, но во всех них придерживаться единой тарифной политики, одинаковых сборов за портовые услуги, железнодорожные перевозки и т. д. Выдвигая привлекательные либеральные принципы свободной торговли и равных возможностей, Соединенные Штаты надеялись одерживать экономические победы над европейцами благодаря большей предприимчивости своих соотечественников и лучшему качеству своих товаров.

Государственный секретарь Хэй разослал ноту со своими предложениями правительствам Великобритании, Германии, России, Фран-

ции, Японии и Италии. И хотя их ответы были достаточно неопределенными (недвусмысленно американские условия поддержала только Италия), США в 1900 г. объявили о достигнутом между крупными державами согласии и введении в действие стратегии «открытых дверей». Это означало, что американские капиталы и товары могли беспрепятственно проникать в Китай.

Ведущие американские бизнесмены активно устремились в Китай и быстро добились определенных успехов. Но утвердиться на ведущей позиции в Китае, как и в Азии в целом, США оказалось не под силу. Англия, Германия и Франция продолжали доминировать на азиатском континенте и соперничали между собой за его передел.

В начале XX в. США впервые попытались претендовать на роль арбитра крупных международных конфликтов. В этом качестве одной из наиболее известных их акций явилось посредничество между Японией и Россией при заключении между двумя странами мира в 1905 г. Посредничество было признано мировой общественностью удачным, а американский президент Т. Рузвельт даже удостоился Нобелевской премии мира. Но непосредственно вмешиваться во взаимоотношения и конфликты более сильных в военном отношении соперников Соединенным Штатам было не под силу. Главным среди этих конфликтов стало противостояние двух европейских блоков — Антанты (Англия, Франция и Россия) и Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария). В отношении данного конфликта, заключавшего в себе зерна Первой мировой войны, США явно пытались занять позицию «смеющегося третьего». И в будущем они оказались единственной страной, извлекавшей из него очевидную выгоду и выдвинувшейся благодаря этому на роль мирового лидера.

7.2. К мировому лидерству

На протяжении двух с половиной лет после начала Первой мировой войны США соблюдали нейтралитет, но весной 1917 г. вступили в нее на стороне Антанты. Их участие в боевых операциях и военные потери были минимальными, зато Соединенные Штаты оказали огромную материальную поддержку странам Антанты. Война способствовала дальнейшему ускоренному подъему американской экономики и превращению США в главного мирового кредитора. К концу 1910-х гг. на их долю приходилось три пятых производимых в мире чугуна и стали, две трети нефти и нефтепродуктов, половина мировой добычи каменного угля. Займы Соединенных Штатов странам Антанты на военные

нужды составили 11 млрд долларов, и в результате США из должника европейского капитализма, каковым они еще оставались до Первой мировой войны, превратились в его кредитора.

Мировое финансово-экономическое лидерство США, как полагали их руководители, позволяло им претендовать и на лидерство политическое. Именно так рассуждал американский президент *Вудро Вильсон*, выдвигая в 1918 г. «Четырнадцать пунктов» послевоенного обустройства мира. Эта программа, как и подавляющее большинство прежних внешнеполитических доктрин США, была переполнена либерально-демократическими принципами. Сам Вильсон сравнивал ее с доктриной Монро: последняя предлагала демократическое обустройство американского континента, а «Четырнадцать пунктов» — всего земного шара. Пожалуй, «Четырнадцать пунктов» звучали еще более демократично: в них декларировались право всех колоний на самоопределение, мир без аннексий и контрибуций, отмена тайных договоров, равные торговые условия для всех стран на мировом рынке.

Как и доктрина Монро, «Четырнадцать пунктов» не указывали, в чем заключается выгода самих США в демократическом обустройстве мира. Они создавали впечатление, что Соединенные Штаты предлагают либерально-демократический миропорядок совершенно бескорыстно, преследуют не свой национальный, а исключительно общечеловеческий интерес. Однако при соотнесении новой внешнеполитической доктрины с практикой легко было убедиться, что именно такой миропорядок обеспечивал США наибольшие преимущества в конкуренции с европейскими союзниками (также вышедшими победителями из Первой мировой войны) за мировой рынок, сверхприбыли и глобальный политический контроль.

Действительно, Англия и Франция — два других главных победителя — должны были, если следовать «Четырнадцати пунктам», лишиться своих обширных колоний, а США, у которых колоний не было, ничего не теряли. Далее при отмене межнациональных таможенных барьеров и введении повсеместной свободной конкуренции на мировых рынках США, которые в экономической мощи уже намного превзошли ведущие европейские страны, могли с помощью более дешевых и качественных товаров, банков-гигантов легко установить свою мировую экономическую гегемонию. А экономическая гегемония закономерно венчалась гегемонией политической. Иначе говоря, либерально-демократические «Четырнадцать пунктов» на практике означали оптимальную форму американской экспансии и достижения мирового лидерства.

Это прекрасно понимали руководители Англии и Франции, собравшиеся вместе с США в 1919 г. в Париже для подведения итогов Первой мировой войны. Они отвергли план Вильсона и провели собственные предложения, согласно которым их колонии не только не уменьшались, но даже увеличивались за счет колониальных владений побежденных стран. Поверженную Германию они унизили, заставив платить непосильные репарации, в то время как США хотели облегчить бремя Германии, поскольку не желали произрастания там реваншизма, левого и правого экстремизма, а надеялись на ее преобразование по собственному образу и подобию. Англия и Франция приняли только одно важное предложение Вильсона — создание **Лиги наций** для коллективного руководства новым мировым порядком. Но в этом коллективном руководстве они закрепили ведущие места за собой, а не за США.

Неудивительно, что в Соединенных Штатах итоги **Парижской мирной конференции** были подвергнуты острой критике. Вильсон и его сторонники, названные **«интернационалистами»** (в связи с тем, что хотели руководить миром через коллективную волю Лиги наций), были отодвинуты от руководства американской внешней политикой, а на ведущую позицию вышли **«изоляционисты»**. «Изоляционисты» отнюдь не хотели, как это может показаться по их названию, изолироваться от мировых дел, напротив, они, как и Вильсон, желали американского мирового лидерства, но полагали, что эта цель будет достигнута не при помощи сотрудничества с коварными Англией и Францией в Лиге наций, а на основе самостоятельного продвижения американских интересов. «Изоляционисты» возобладали в Республиканской партии, в то время как «интернационалисты» были сильны в Демократической партии.

Соперничество с Англией и Францией за мировое лидерство стало одним из главных направлений американской внешней политики после Первой мировой войны. Другим важнейшим направлением, которому в последующем вообще предстояло выйти на ведущее место в американской внешней политике, оказалась **борьба с Советской Россией**, возникшей на развалинах Российской империи. В 1918 г. США совместно с Англией и Францией высадили свои войска на российском севере под тем формальным предлогом, что большевистское правительство, заключившее в марте того года односторонний мир с Германией, нарушило союзнические обязательства России перед странами Антанты (царская Россия в сентябре 1914 г. заключила со странами Антанты соглашение о неподписании сепаратного мира с Германией, этому соглашению было верно и Временное правительство, находившееся во главе России с февраля по октябрь 1917 г. и свергнутое большевиками

25 октября). Но реальной причиной высадки войск Антанты в России было абсолютное неприятие утвердившегося в ней большевистского режима.

Большевики не скрывали, что их важнейшей целью является мировая социалистическая революция, которая в первую очередь должна была охватить развитые капиталистические страны. Они верили в «естественную» причину такой революции, но не отказывались от возможности ее ускорения при помощи братских зарубежных партий, объединенных в **Коммунистический Интернационал**, во главе которого оказались сами российские большевики. Такая перспектива была совершенно неприемлема для США, мечтавших о торжестве не советского коммунистического, а американского либерального миропорядка.

Неудивительно, что с конца 1917 г. противоборство советской коммунистической и американской либеральной систем выдвинулось на одно из центральных мест в мировой политике. В 1918 г. Соединенные Штаты, высадив свои войска в Советской России, предприняли попытку подавить коммунистическую угрозу в зародыше. Попытка не удалась, большевики сохранили свою власть, а Соединенные Штаты должны были вывести войска из России. Но их противоборство с Советской Россией не закончилось, а приобрело затяжной характер, сопровождаясь сложными, порой странными перипетиями.

Самой неожиданной среди этих перипетий стало то, что через 20 с небольшим лет после возникновения Советской России США оказались с ней в едином военном союзе, вступившем в смертельное противоборство с альянсом Германии, Италии и Японии. Как и почему стал возможен подобный зигзаг истории?

В 1920-е гг. руководство США, следуя принципу «свободы рук», последовательно проводило свои национальные интересы в разных регионах мира. Соединенные Штаты еще более упрочили позиции в Латинской Америке, не стесняясь использовать силу для поддержания удобных им режимов. В азиатском регионе их, как и прежде, привлекал китайский рынок. Здесь на их пути возникло новое препятствие — за власть в Китае стала активно бороться **коммунистическая партия**, поддерживаемая из Москвы **Коминтерном**. США приложили серьезные усилия, чтобы помочь возвыситься антикоммунистической партии **Гоминьдан** во главе с *Чан Кайши*. В Европе Соединенные Штаты проводили политику «баланса сил»: препятствовали попыткам Англии и особенно Франции удерживать в «лежачем положении» Германию, помогая, напротив, ее новому **либерально-демократическому** правительству удержаться у власти, а экономике — встать на ноги.

Попытки США помочь либерально-демократическому правительству Германии выжить потерпели неудачу, что имело самые серьезные последствия для мировой истории. Несмотря на солидные финансовые вливания Соединенных Штатов в германскую экономику, последняя с огромными трудностями выходила из кризисного состояния, а в 1929 г. с началом мирового экономического кризиса вообще оказалась в бедственном положении. Результатом были драматические социальные следствия: большинство населения Германии отвергло недееспособную в их глазах либерально-демократическую власть и склонилось к поддержке **правого радикализма**, обещавшего возродить нацию с помощью «твердой руки». В результате серии чрезвычайных национальных выборов и сделок в рядах элиты в 1932–1933 гг. к власти пришла фашистская партия во главе с *Гитлером*. Гитлер взял курс на милитаризацию экономики, отмщение европейским демократиям, завоевание для немецкой нации «жизненного пространства» на Востоке.

Приход к власти Гитлера и его стратегические планы поменяли всю расстановку сил на мировой арене. Гитлер намеревался сокрушить как западную демократию, так и советский социализм, что вынудило эти две силы, несмотря на патологическую неприязнь друг к другу, вступить в переговоры, задумываться о военном союзе, чтобы предотвратить нацистскую опасность. В 1934 г. СССР был принят в Лигу наций. Годом раньше США согласились на дипломатическое признание Советского Союза, учтя, помимо всего прочего, что тот уже не настаивал на первоочередности мировой коммунистической революции, а воспринял сталинский план «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

Сближение СССР и западных демократий оказалось, однако, весьма зыбким. Обе стороны продолжали не доверять друг другу и вели двойную игру. Западные державы, приближая к себе СССР дипломатически, в то же время желали, чтобы он принял на себя удар фашистского агрессора, что могло привести к взаимоистощению, а еще лучше — к взаимоистреблению двух «сил зла». СССР вел собственную изощренную игру, смысл которой заключался в том, что национальный интерес был для него превыше всего, и только это обстоятельство в конечном итоге могло определить выбор военно-политического союзника.

Изощренная и коварная политическая игра западной стороны не раз приводила к тому, что хитроумные политические расчеты оборачивались грубыми просчетами. В 1939 г. западные демократии, заморозившие переговорный процесс с СССР и сделавшие все мыслимые и немыслимые уступки Германии, получили неожиданный сюрприз: два

этих государства заключили договор, высвобождавший Германию руки для войны с Западом и отводивший от Советского Союза хотя бы на время угрозу германской агрессии. Германия 1 сентября 1939 г. оккупировала Польшу, что повлекло военные действия с союзниками Польши Францией и Англией. СССР, воспользовавшись договором с Германией, присоединил к себе Литву, Латвию, Эстонию.

В отношении этих жестоких европейских перипетий США вплоть до 1940 г. занимали политику «нейтралитета», похожую на ту, которая была удачно испытана ими еще в эпоху вызревания Первой мировой войны в начале XX в. И только в 1940 г. они обнаружили отчетливое осознание того факта, что военные успехи мощной фашистской оси Германия — Италия — Япония создают смертельную угрозу их национальному интересу и родственным им странам либеральной демократии. В США резко падает влияние «изоляционистов» и усиливается позиция «интернационалистов» во главе с президентом Ф. Д. Рузвельтом, настаивавшим на расширении разнообразной поддержки Англии и Франции. Но окончательный перелом в позиции США по отношению к мировой войне произошел под воздействием двух событий, имевших место 22 июня и 7 декабря 1941 г.

22 июня Германия, нарушив договор 1939 г., напала на СССР, бросив против него основные военные формирования. Это событие в мгновение ока поменяло расстановку политических сил в мире: СССР и западные демократии были теперь обречены объединиться против общего врага, отбросить антипатии и предрассудки в отношении друг друга, заняться поиском военного союза и общих политических целей. 7 декабря союзник Германии Япония нанесла сокрушительный удар по Пирл-Харбору, главной военно-морской базе США, выведя из строя значительную часть американского военного флота и авиации. Теперь и Соединенные Штаты вынуждены были вовлечься в непосредственные широкомасштабные военные действия против фашистского блока.

1941 г. окончательно определил взаимоотношения трех главных тогда мировых сил — советского социализма, либерально-капиталистических стран Запада и фашистско-капиталистического блока. Три силы находились между собой в глубоких противоречиях, но история распорядилась так, что два антагониста — советский социализм и либерально-капиталистический Запад — вступили в тесный союз с целью разгрома и устранения с исторической арены третьего антагониста — фашистско-капиталистической системы. Союз этот по своей природе был глубоко противоречив, он мог сохраняться только до победы над

фашизмом, но в годы Второй мировой войны он постоянно упрочивался, и многим даже стало казаться, что он сцементировался навеки.

В этом, вероятно, не сомневались американские и советские солдаты, заключившие друг друга в жаркие объятия во время встречи в 1945 г. на территории поверженной Германии. Судя по историческим источникам, американский и советский народы в целом были уверены в том году, что возникшие между ними дружеские чувства и сотрудничество нерушимы. Ряд историков, изучающих эти источники, до сих пор ломают головы над причиной последовавшего вскоре краха советско-американского союза и размышляют над тем, как можно было предотвратить этот крах.

В действительности же даже в годы Второй мировой войны отношения США и СССР были отмечены двойственным характером. С одной стороны, оба государства демонстрировали взаимную симпатию и солидарность, подписывались под антифашистскими демократическими документами. С другой стороны, каждое из них вынашивало планы послевоенного обустройства мира по собственному образцу: США — либерально-капиталистическому, а СССР — социалистическому. На этой основе между ними возникали коллизии и дискуссии, в ходе которых заключались компромиссы и сделки, означавшие не что иное, как дележ послевоенного мира на сферы влияния.

Противоречивый характер сотрудничества США и СССР воплотился в итогах Второй мировой войны: совместными усилиями двух сторон был сокрушен мировой фашизм, десятки стран освобождены от германской, японской и итальянской оккупации, но страны-победительницы не спешили покинуть освобожденные государства, а стремились создать в них послушные политические режимы. США стали переустраивать по либерально-капиталистическому образцу отошедшие под их влияние Японию, Италию, Западную Германию, а СССР обратился к построению социалистических обществ в странах Восточной Европы. Обе стороны ревниво следили за деятельностью друг друга, между ними возникла и усиливалась конфронтация, получившая вскоре название «холодной войны».

Историки и политики вели жаркие споры о том, кто ответствен за возникновение «холодной войны» между США и СССР. В США возобладало мнение об односторонней ответственности Советского Союза, а в СССР господствовало убеждение, что «холодную войну» развязал американский империализм. В действительности же ближе всего к исторической истине находится концепция двухсторонней ответственности США и СССР. Эти антагонистические по своей сути общества,

оказавшиеся после Второй мировой войны единственными сверхдержавами, вступили, не теряя времени на передышку, в противоборство, целью которого для каждой стороны было утверждение единоличной гегемонии в мире. «Холодная война» между ними, начавшаяся сразу после разгрома общего врага — фашизма, продолжалась по 1991 г. и прекратилась с распадом СССР.

«Холодная война» носила разнообразные формы — **экономическую, политическую, идеологическую** — и велась на всех континентах. Порой она достигала такой остроты, что две сверхдержавы оказывались на грани «горячей войны», чреватой при наличии у обеих сторон ядерного оружия мировой катастрофой. Наиболее известный пример подобного обострения конфликта между двумя странами — **Карибский кризис** октября 1962 г.: узнав о размещении на Кубе советского ракетного оружия, США потребовали убрать его, натолкнулись на жесткий отказ СССР, и в течение нескольких дней между двумя сторонами велось жесткое политическое противоборство, приблизившее мир вплотную к ядерной войне. В конечном итоге удалось достичь компромисса, и опасность «горячей войны» была снята, но Карибский кризис воочию обнаружил, что между «холодной» и «горячей» войнами было весьма зыбкое расстояние. Правда, обе стороны извлекли из этого кризиса важные уроки и в будущем предпочитали бороться за сферы влияния, соблюдая определенные правила, которые помогали избежать опасность ядерной войны.

Одним из таких правил явилось установление **мер контроля за ядерным оружием и его ограничение**. Летом 1963 года между СССР, США, а также Великобританией было заключено **соглашение о запрещении испытания ядерного оружия** в трех средах: в атмосфере, под водой и в космосе. В 1970-е гг. было заключено несколько договоров, устанавливавших потолки для советских и американских **наступательных стратегических вооружений и средств противоракетной обороны**.

Кроме того, обе стороны, сознавая, что возникновению «горячей» мировой войны могут воспрепятствовать в первую очередь отношения между ними самими, пытались время от времени снижать уровень непосредственной конфронтации двух государств и даже развивать взаимодействие по разнообразным вопросам мировой политики. Периоды подобного снижения конфронтации получили названия **«мирного сосуществования»** и **«разрядки»**. Но такие периоды не отменяли, а только смягчали «холодную войну», главной формой которой стала борьба за расширение своих сфер влияния в мире.

Советское руководство признавало историческую закономерность соперничества главной социалистической и главной капиталистической стран, которая в официальной идеологии преподносилась как **борьба мировых систем** социализма и капитализма. Советским людям внушали, что эта борьба завершится неизбежно победой социализма над капитализмом. Под этот оптимистический тезис подводились разнообразные факты. Сразу после Второй мировой войны главным среди этих фактов было установление социализма в странах Восточной Европы и в Китае. В 1960-е гг. за доказательствами роста влияния социализма обращались к опыту африканских стран, где после широких антиколониальных революций того десятилетия возникло несколько государств с политическим режимом, наминавшим советский. Правда, полного тождества между этими африканскими странами и СССР не было, и советское руководство предпочитало называть их «странами социалистической ориентации». В 60-е гг. на подобный путь встала даже одна страна (**Куба**) в Латинской Америке. Но уже в 70-е гг. возникновение подобных стран прекратилось, а в последующем их количество начало сокращаться, ибо некоторые среди них стали менять социалистическую ориентацию на капиталистическую.

Советское руководство крайне болезненно реагировало на любую тенденцию сокращения своей сферы влияния и использовало жесткие меры, включая **вооруженную интервенцию**, для пресечения подобных тенденций (так, нежелательные тенденции были подавлены в **Венгрии** в 1956 г. и в **Чехословакии** в 1968 г.). США болезненно реагировали на вооруженные интервенции СССР в страны социализма, не предпринимая, однако, никаких попыток военного противодействия этому. Смысл такого поведения заключался в том, что Соединенные Штаты сохраняли за собой право использовать силу для удержания собственной сферы влияния и в соответствии с правилами «игры» рассчитывали на невмешательство Советского Союза.

Со стороны США использование силы для сохранения своей сферы влияния было не менее, а даже более частым, чем со стороны СССР. Соединенные Штаты проявляли особую бесцеремонность в насаждении угодных политических режимов в странах **Латинской Америки**. США создали и гораздо большее количество военных блоков, чем СССР. Но все же добиться в конечном итоге победы в «холодной войне» США помогло отнюдь не военное превосходство над Советским Союзом (соотношение вооружений двух сверхдержав было примерно равным). Решающую роль в успехе Соединенных Штатов сыграло их

очевидное и постоянно нараставшее **экономическое превосходство** на Советским Союзом.

Экономическая мощь Соединенных Штатов позволяла в случае необходимости оказывать эффективную помощь подопечным государствам. Сразу после победы над Гитлером США в соответствии с «**планом Маршалла**» (по имени государственного секретаря США *Дж. Маршалла*) оказали 18 разрушенным и ослабленным войной странам финансовую помощь на сумму в 12,5 млрд долларов. У СССР возможностей вливать подобные средства в государства-сателлиты не было. В последующем экономическое превосходство США над СССР, позволявшее привязывать к себе все большее количество стран, постоянно возрастало. Начиная с 1960–1970-х гг., когда американский капитализм вышел в лидеры мировой **научно-технической революции**, а советский социализм оказался к ней, по сути, невосприимчив, отставание СССР от США стало выглядеть безнадежным. Сравнивая благополучие большинства американцев с экономическим прозябанием большинства советских граждан, все большее количество стран предпочитали развиваться по американскому образцу, дружить и получать помощь от США, а не от СССР.

Наиболее зримо превосходство США над СССР проявилось в результатах политики в странах, которые были поделены на их сферы влияния по итогам Второй мировой. Взяв под свой контроль Западную Германию, Японию и Италию, США помогли создать там не только процветающую экономику, но и однотипные **либерально-демократические политические режимы**. Прежний раскол капиталистического мира на фашистско-тоталитарную и либерально-демократическую системы был преодолен, а единая либерально-капиталистическая система сплотилась под американским лидерством. СССР же создал в странах Восточной Европы **авторитарно-бюрократический социализм**, воспринимавшийся большинством населения как тяжелое бремя. Народы Восточной Европы не были удовлетворены ни застойной экономикой, ни репрессивными политическими режимами советского образца. Когда же в конце 1980-х гг. им представилась возможность выйти из-под советского влияния, они сделали это с радостью, при этом без промедления и с не меньшей радостью отдались под влияние американское.

В 1980-е гг. была поставлена решающая точка в победе США над СССР. Президент США и лидер Республиканской партии *Р. Рейган* удачно использовал достигнутое его страной максимальное экономическое превосходство над СССР. Опираясь на экономическую мощь

своей страны, он раскрутил такую **гонку вооружений**, которая СССР была совершенно не по плечу. Во второй половине 1980-х гг. советское руководство во главе с *М. Горбачевым* обратилось к разнообразным реформам с тем, чтобы ускорить экономическое развитие своей страны. Они сочетались с попытками сократить военные расходы. СССР стал проводить политику **«передышки»** в своей конфронтации с США, которая понуждала его на все новые уступки могущественному сопернику. Результаты новой политики советского руководства оказались весьма драматичными.

Все попытки Горбачева ускорить **экономические реформы** в рамках авторитарно-социалистической модели не увенчались успехом. Тогда он попытался изменить саму эту модель, соединив ее с демократией и рынком. Но допуск демократии и рынка оказался для советской социалистической системы смертельным. На волне политической демократии в СССР возникли общественные силы и партии, которые стали решительно оспаривать власть у коммунистов. Они предлагали переустроить СССР, а после его распада Россию по образцу западных стран, в том числе и даже в первую очередь по образцу США. На рубеже 80–90-х гг. XX в. в СССР произошла **мирная политическая революция**, которая завершилась распадом СССР, крахом коммунистической партии и советской системы. Руководство новой России объявило своей целью построение общества, однотипного с западной цивилизацией. Бывшие восточноевропейские сателлиты СССР также осуществили мирные антикоммунистические революции, а своим новым опекуном избрали США. Вместе с этими событиями завершилась и **«холодная война»**, победителя которой формально не существовало, но фактически им были Соединенные Штаты Америки.

С окончанием **«холодной войны»** США остались единственной сверхдержавой, что позволило им занять позицию **единоличного мирового лидера**. Новая роль США породила драматичную мировую ситуацию: разрешение старых международных противоречий отнюдь не утвердило образцовый международный порядок, а дало выход новым коллизиям и противоречиям, которые по своей остроте и глубине не уступали прежним.

Успешное для них окончание **«холодной войны»** США расценили как доказательство превосходства и торжества своей модели общественно-политического устройства. Их идеологи заявили в связи с этим о **«конце истории»**, имея в виду, что большинство стран признали эту модель, а оставшимся не остается ничего иного, как рано или поздно также воспринять ее, в связи с чем завершатся и споры об идеальном

общественном устройстве. Соединенные Штаты теперь, как никогда прежде, стали считать себя вправе указывать другим странам, в каком направлении нужно переустраиваться, чтобы подравняться под общественный идеал. Что касается строптивцев, то в отношении них, согласно американской логике, вполне могли быть использованы силовые методы воздействия. Эта логика нашла воплощение в доктрине **«гуманитарного вмешательства»**, которую сформулировал *У. Клинтон*, президент США 1990-х гг. Опираясь на нее, США и их союзники в 1999 г. совершили вооруженное нападение на суверенное югославское государство и силой принудили его принять угодные Соединенным Штатам принципы общественного устройства.

На современном этапе еще более упрочилось господство Соединенных Штатов в мировой экономической политике. Являясь организатором и руководителем таких современных международных экономических структур, как **Международный валютный фонд (МВФ)**, **Всемирный банк**, **Всемирная торговая организация (ВТО)**, США получили возможность диктовать свои условия слаборазвитым и развивающимся странам, вынужденным обращаться за помощью к этим организациям, как и определять правила поведения на мировом рынке.

Мировая политическая и экономическая гегемония США была неоднозначно воспринята мировым сообществом. Многие страны отнеслись к ней, как к объективной реальности, открыто или молчаливо согласились предоставить Соединенным Штатам «свободу рук» в наведении мирового экономического и политического порядка. Но нашлось и немало стран, которыеотреагировали на новую роль США резко отрицательно. Самую отрицательную позицию заняли бедные страны **арабско-мусульманского региона**. В их среде распространились широкие антиамериканские настроения, в том числе и откровенно экстремистского толка. Возникли террористические организации, поставившие целью любыми средствами «наказать» США, вынудить их пересмотреть основы своей политики. 11 сентября 2001 г. этими организациями были осуществлены **беспрецедентные террористические акции** на территории США, жертвами которых стали тысячи ни в чем не повинных людей. В ответ правительство Соединенных Штатов объявило борьбу с **международным терроризмом** своим главным приоритетом. В рамках этой стратегии в конце 2001 г. Соединенные Штаты с помощью военной силы свергли режим **талибов** в **Афганистане**. Весной 2003 г., опираясь на доктрину борьбы с международным терроризмом, США осуществили интервенцию в **Ирак** и сокрушили режим *С. Хусейна*.

Противоречиво отношение к американскому мировому лидерству современной России. Российское руководство, заинтересованное в интеграции в мировую экономику, не может не искать поддержки своим устремлениям со стороны США, которые в первую очередь и контролируют эту экономику. Россия твердо поддерживает борьбу Соединенных Штатов с мировым терроризмом, поскольку она сама столкнулась с его угрозой. Вместе с тем Россия претендует на отношения равного партнерства с могущественным государством и в связи с этим критикует притязания США на неограниченное мировое лидерство. Российская политическая элита мечтает видеть в качестве руководителя и контролера мирового общественно-исторического процесса **коллективный орган**, в котором бы воплотилось коллегиальное представительство разных регионов и стран.

Вопросы к семинарским занятиям

1. Охарактеризуйте формирование основ внешней политики независимых США в конце XVIII в.
2. Охарактеризуйте территориальные приобретения США в начале XIX в.
3. Охарактеризуйте причины, итоги и следствия англо-американской войны 1812–1815 гг.
4. Раскройте содержание доктрины «предопределения судьбы». В чем причины мессианизма американской нации и как он повлиял на характер внешней политики США?
5. Когда и почему была сформулирована доктрина Монро, каково ее содержание и соотношение с политической практикой?
6. Что означал лозунг «Америка для американцев?»
7. Каковы причины и результаты войны США с Мексикой 1840-х гг.?
8. Охарактеризуйте российско-американские отношения на начальных этапах существования США. Почему и на каких условиях Россия продала США Аляску в 1867 г.?
9. Раскройте основные направления и результаты экспансии США в Латинской Америке в конце XIX – начале XX вв. В чем заключалась новая интерпретация доктрины Монро?
10. Что такое панамериканизм, каковы его идеология и политическая практика?
11. Что такое доктрина «открытых дверей» и как она повлияла на внешнюю политику США?

12. Раскройте роль США в конфликтах европейских держав накануне Первой мировой войны.
13. Охарактеризуйте участие США в Первой мировой войне и ее итоги для Соединенных Штатов.
14. Охарактеризуйте «Четырнадцать пунктов» президента В. Вильсона, соотнесите их доктринальное содержание и практическую направленность.
15. Почему США осуществили интервенцию против Советской России в 1918 г. и какими были ее результаты?
16. Охарактеризуйте роль США на Парижской мирной конференции 1919 г. Почему США отказались вступить в Лигу Наций?
17. В чем отличие политики США в отношении Германии в 1920-е гг. от политики Франции и Великобритании?
18. Охарактеризуйте основные направления внешней политики США в 1930-е гг.
19. Когда и почему США вступили во Вторую мировую войну?
20. Охарактеризуйте причины и характер союзнических отношений США и СССР в годы Второй мировой войны.
21. Охарактеризуйте итоги Второй мировой войны для США.
22. Как и почему возникла «холодная война»? Охарактеризуйте различные толкования ее причин; какая из интерпретаций и почему кажется вам верной?
23. Используя научную литературу, выявите и охарактеризуйте основные военные интервенции США в страны Азии и Латинской Америки в эпоху «холодной войны».
24. Когда и при каких обстоятельствах произошел Карибский кризис? Как он был разрешен?
25. Что такое политика «мирного сосуществования» и «разрядки»? На какие периоды она пришлась?
26. Охарактеризуйте важнейшие договоры США и СССР об ограничении ядерного вооружения.
27. Охарактеризуйте ход и результаты гонки вооружений США и СССР.
28. Охарактеризуйте советско-американские отношения конца 1970–первой половины 1980-х гг.
29. Как изменились советско-американские отношения в период «перестройки» М. Горбачева?
30. Охарактеризуйте итоги «холодной войны» для США и СССР.

31. Охарактеризуйте российско-американские отношения конца XX – начала XXI вв.
32. Как повлияли на внешнюю политику США события 11 сентября 2001 г.?
33. Как относится к современному мировому лидерству США российская политическая власть и российское общество?

Литература

1. Американский экспансионизм. Новое время / Под ред. Г. Н. Севостьянова. — М., 1985.
2. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. — М., 1990.
3. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. — М., 1991.
4. Борисов А. Ю. СССР и США: союзники в годы войны. 1941–1945. — М., 1983.
5. Видал Г. Почему нас ненавидят. Вечная война ради вечного мира. — М., 2003.
6. Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. — М., 1960.
7. Дементьев И. П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). — М., 1973.
8. Егорова Н. И. Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. — М., 1995.
9. Загладин Н. В. США: общество, власть, политика. — М., 2001.
10. История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877 / Под ред. Н. Н. Болховитинова. — М., 1994.
11. История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918 / Под ред. Г. П. Куропятника. — М., 1997.
12. История США. В 4 т. / Под ред. Севостьянова Г. Н. — М., 1983–1987.
13. Иноземцев Н. Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. — М., 1960.
14. Куропятник Г. П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867–1881. — М., 1981.
15. Киссинджер Г. Дипломатия. — М., 1997.
16. Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. — М., 2002.

17. *Манькин А. С.* Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США (1923–1929). — М., 1980.
18. *Медина М.* Соединенные Штаты и Латинская Америка XIX в. (История экспансии США). — М., 1974.
19. *Мельников Ю. М.* США и гитлеровская Германия 1933–1939. — М., 1959.
20. *Мельников Ю. М.* Имперская политика США: истоки и современность. — М., 1984.
21. *Мельников Ю. М.* Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. 1945–1982. — М., 1983.
22. *Наджафов Д. Г.* Нейтралитет США (1935–1941). — М., 1990.
23. *Овинников Р. С.* Зигзаги внешней политики США: от Никсона до Рейгана. — М., 1986.
24. *Рогов С. М.* Советский Союз и США: поиск баланса интересов. — М., 1989.
25. *Севостьянов Г. Н.* Москва–Вашингтон. Дипломатические отношения. 1933–1936. — М., 2002.
26. Современная внешняя политика США. В 2 т. / Под. ред. Г. А. Трофименко. — М., 1984.
27. *Торкунов А. В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953. — М., 2000.
28. *Фураев В. К.* Советско-американские отношения. 1917–1939 гг. — М., 1964.
29. *Фурсенко А. А., Нафтали Т.* Адская игра. Секретная история Кубинского кризиса. — М., 1999.
30. *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана: доктрины и реальности ядерного века. — М., 1985.

Заключение

Каковы итоги четырехвековой американской истории? По моему заключению, они неоднозначны, им присущи как «плюсы», так и «минусы», и ниже я попытаюсь обобщить главные из них.

Очевидным **позитивным** результатом американской истории является **динамичное экономическое развитие** на протяжении практически всех периодов. Благодаря этому США создали самую развитую в мире экономику и обеспечили благосостояние своей нации. В данной книге были рассмотрены основные причины и факторы успешного экономического развития США, среди которых главным являются **рыночно-капиталистические отношения**, укоренившиеся с самого начала американской истории и сохранившие господствующую позицию вплоть до наших дней. В новейшее время рыночно-капиталистическая экономика стала испытывать возрастающее вмешательство со стороны государства, но государство ни разу не становилось господином экономической системы, а оставалось неизменно ее партнером и помощником.

Вторым позитивным результатом американской истории следует признать **развитие политической демократии**. Ее начала были позаимствованы из европейской цивилизации, но постепенно Соединенные Штаты и сами стали развивать демократические принципы, в ряде отношений опережая европейские страны. Развитие демократии было непростым процессом, элита пыталась подчинить ее своему контролю, и в конечном итоге в США оформилась система, которую скорее следует называть **демократическим элитизмом**. Но она не означала отмены демократических механизмов власти, на всех этапах американской истории их влияние было достаточным, чтобы воспрепятствовать возникновению в стране тоталитарного или авторитарного политического режима.

Третьим позитивным результатом американской цивилизации явилось **укоренение и расширение прав личности** — как **гражданских, так и политических**. На протяжении большей части американской истории, вплоть до 1860-х гг. расширение гражданских и политических прав касалось только белого мужского населения. С 1860-х гг.

после отмены рабства они стали распространяться на мужчин черной расы. Этот процесс развивался болезненно и завершился только к 1970-м гг. Длительной и напряженной оказалась борьба за равные гражданские и политические права американских женщин. Наибольших результатов они добились в последней трети XX в., после чего Соединенные Штаты по показателю равенства гражданских и политических прав вышли на одно из первых мест в мире.

Подытожу теперь основные «минусы» исторического опыта США. Одним из главных среди них является **сохранение на всех этапах американской истории масштабной бедности, глубоких экономических различий между классами, расами, этническими группами**. Тот факт, что нижние слои американского общества материально более благополучны, нежели низшие классы большинства других стран, не отменяет этого «минуса», ибо у Соединенных Штатов имелись и имеются огромные резервы и возможности для расширения экономических и социальных прав низших социальных групп. По этому показателю США и сегодня серьезно уступают практически всем развитым странам.

Второй серьезный недостаток американской цивилизации является как бы продолжением одного из ее главных достоинств — **господства рыночной конкуренции**. Дело в том, что рыночный подход, мотив извлечения прибыли определяют все сферы американского общества — от материальной до духовной. Одним из следствий господства рыночных мотивов в духовной сфере является производство «массовой культуры», откровенно эксплуатирующей неразвитые, а то и откровенно низкие вкусы и запросы масс. Уродливые, откровенно принижающие человеческую личность явления «массовой культуры», среди них и такие, как жестокость и порнография, сегодня широко проникают и в Россию, как правило, они помечены знаком «сделано в США».

Современная гуманистическая мысль относит к отрицательным следствиям тотального господства рынка также **подчинение человека потребительскому сознанию**, культу «вещизма», означающего погоню за материальными благами сверх всяких разумных потребностей и разрушающего духовные начала личности. Эта погоня умело организуется рыночной рекламой, цель у которой одна — извлечение любой ценой максимальной прибыли. США являются родиной и общества массового потребления и потребительского сознания как детерминанты человеческого бытия.

Наконец, в качестве еще одного «минуса» американского общества, также характерного для большинства его исторических этапов, назову **чувство превосходства в отношении других стран**, уверенность в своей

«избранности». Отсюда глубоко укоренившийся мессианиззм американской цивилизации, который в совокупности с экономическими мотивами национального капитализма составил основу разносторонней — экономической, политической, духовной — экспансии США в мире. В новейший период своей истории Соединенные Штаты обнаружили отчетливое стремление к превращению в империю. Это была необычная империя, серьезно отличающаяся от традиционных. Она может быть названа либеральной империей, хотя это название включает в себе очевидный парадокс, ибо либерализм и империализм — понятия, по сути, глубоко отличные.

И тем не менее американская либеральная империя — это признанный исторический феномен. Какой будет ее будущее, разделит ли она судьбу традиционных империй — ответ на этот вопрос даст уже новый, только что наступивший век.

Источники и литература

Источники

1. Американские просветители. Избранные произведения в 2 т. — М., 1969.
2. Бэррес Р. Документы американской революции. — М., 1994.
3. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 / Под ред. Э. А. Иваняна. — М., 2001.
4. Конституция и законодательные акты США. — М., 1993.
5. Россия и США: становление отношений, 1765–1815 / Сост.: Башкина Н. Н., Болховитинов Н. Н., Браун Дж. и др. — М., 1980.
6. Россия и США: дипломатические отношения, 1900–1917 / Под ред. А. Н. Яковлева. — М., 1999.
7. Словарь американской истории / Под ред. А. А. Фурсенко. — СПб., 1997.
8. «Федералист»: политические эссе А. Гамильтона, Д. Мэдисона и Д. Джея / Под. ред. Н. Н. Яковлева. М., 2000.
9. Энциклопедия российско-американских отношений. XVII–XX века / Сост. Э. А. Иванян. — М., 2001.

Отечественная литература

10. Американская цивилизация как исторический феномен / Под ред. Н. Н. Болховитинова. — М., 2001.
11. Американский экспансионизм. Новое время / Под ред. Г. Н. Севостьянова. — М., 1985.
12. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. — М., 1990.
13. Белявская И. А. Буржуазный реформизм в США в начале XX в. (1900–1914). — М., 1968.
14. Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. — М., 1980.

15. *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. — М., 1990.
16. *Болховитинов Н. Н.* Россия открывает Америку. 1732–1799. — М., 1991.
17. *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны. 1941–1945. — М., 1983.
18. *Бурин С. Н.* Конфликт или согласие? Социальные проблемы Юга США (1642–1763). — М., 1980.
19. *Гаджиев К. С.* Американская нация: национальное самосознание и культура. — М., 1990.
20. *Геевский И. А., Червоная С. А.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни США. — М., 1985.
21. *Дементьев И. П.* Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). — М., 1973.
22. *Егорова Н. И.* Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. — М., 1995.
23. *Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). — М., 1969.
24. *Жидков О. А.* Верховный суд США: право и политика. — М., 1985.
25. *Загладин Н. В.* США: общество, власть, политика. — М., 2001.
26. *Замошкин Ю. А.* Вызовы цивилизации и опыт США. — М., 1991.
27. *Иванов Р. Ф.* Авраам Линкольн и гражданская война в США. — М., 1964.
28. *Иванян Э. А.* Рональд Рейган. Хроника жизни и времени. — М., 1991.
29. *Иванян Э. А.* От Дж. Вашингтона до Дж. Буша. Белый дом и прес-са. — М., 1991.
30. *Иноземцев В. А.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. — М., 2000.
31. История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877 / Под ред. Н. Н. Болховитинова. — М., 1994.
32. История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918 / Под ред. Г. П. Куропятника. — М., 1997.
33. История США / Под ред. Г. Н. Севостьянова: В 4 т. — М., 1983–1987.
34. *Кислова А. А.* Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX в. — М., 1989.
35. *Козенко Б. Д., Севостьянов Г. Н.* История США. — Самара, 1994.
36. Конституция США. История и современность. — М., 1988.

37. Куропятник Г. П. Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии. 1867–1896. — М., 1971.
38. Либеральная традиция США и ее творцы / Под ред. Е. Ф. Языкова. — М., 1997.
39. Мальков В. Л. Франклин Рузвельт — проблемы внутренней политики и дипломатии. — М., 1988.
40. Манькин А. С. История двухпартийной системы США. 1787–1980. — М., 1980.
41. Манькин А. С. «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США. 1933–1952. — М., 1990.
42. Мельвиль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. — М., 1980.
43. Мельников Ю. М. Имперская политика США: истоки и современность. — М., 1984.
44. Митрохин Л. Н. Негритянское движение в США: идеология и практика. — М., 1974.
45. Мартынов Б. Ф., Яковлев П. П. Эволюция латиноамериканской политики США. — М., 1982.
46. Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. — М., 1984.
47. Никонов В. А. От Эйзенхауэра к Никсону: из истории республиканской партии США. — М., 1984.
48. Никонов В. А. Республиканцы: от Никсона к Рейгану. — М., 1988.
49. Нитобург Э. Л. Негры США. XVIII – начало XX в. — М., 1979.
50. Овинников Р. С. Зигзаги внешней политики США. От Никсона до Рейгана. — М., 1986.
51. Олещук Ю. Ф. Эволюция социальной политики США в 60–80-е годы. — М., 1987.
52. Печатнов В. О. Гамильтон и Джефферсон. — М., 1984.
53. Печатнов В. О. Демократическая партия США: избиратели и политика. — М., 1980.
54. Политическая система США. Актуальные измерения. — М., 2000.
55. Попов А. А. Государство «всеобщего благосостояния»? Мифы и реальности современной Америки. — М., 1985.
56. Романова Н. Х. Реформы Э. Джексона. 1829–1937. — М., 1988.
57. Русское открытие Америки / Под ред. А. О. Чубарьяна. — М., 2002.
58. Севостьянов Г. Н. Москва — Вашингтон. Дипломатические отношения. 1933–1936. — М., 2002.

59. *Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США. — М., 1980.
60. *Слезкин Л. Ю.* У истоков Американской истории: Виргиния, Новый Плимут. 1606–1642. — М., 1978.
61. *Слезкин Л. Ю.* У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд. 1630–1642. — М., 1980.
62. *Согрин В. В.* Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. — М., 1995.
63. *Согрин В. В.* Политическая история США. XVII–XX вв. — М., 2001.
64. Становление американского государства / Под ред. А. А. Фурсенко. — СПб., 1992.
65. *Торкунов А. В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг. — М., 2000.
66. *Ушаков В. А.* Америка при Вашингтоне (Политические и социально-экономические проблемы США в 1789–1797 гг.). — Л., 1983.
67. *Фураев В. К.* Советско-американские отношения. 1917–1939 гг. — М., 1964.
68. *Фурман Д. Е.* Религия и социальные конфликты в США. — М., 1981.
69. *Фурсенко А. А.* Американская революция и образование США. — Л., 1978.
70. *Фурсенко А. А.* Президенты и политика США, 70-е годы. — Л., 1989.
71. *Черниловский З. М.* От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного суда США. — М., 1982.
72. *Чертина З. С.* Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. — М., 2000.
73. *Шпотов Б. М.* Промышленный переворот в США. В 2 частях. — М., 1991.
74. *Язьков Е. Ф.* История стран Европы и Америки в новейшее время. 1918–1945. — М., 1998.
75. *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана: доктрины и реальности ядерного века. — М., 1985.
76. *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт — человек и политик (Новое прочтение). — М., 1981.

Зарубежная литература

77. *Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт. — М., 1993.
78. *Бурстин Д.* Американцы: демократический опыт. — М., 1993.
79. *Бурстин Д.* Американцы: национальный опыт. — М., 1993.

80. *Видал Г.* Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира. — М., 2003.
81. *Дай Т. Р., Зиглер Л. Х.* Демократия для элиты. Введение в американскую политику. — М., 1984.
82. *Джиснджер Э.* Верховный суд и права человека в США. — М., 1981.
83. *Вильямс В. Э.* Трагедия американской дипломатии. — М., 1960.
84. *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. — М., 1997.
85. *Киссинджер Г.* Дипломатия. — М., 1997.
86. *Ландберг Ф.* Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. — М., 1971.
87. *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. В 2 т. — М., 1992.
88. *Лундестад Г.* Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. — М., 2002.
89. *Майроф Б.* Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. — М., 2000.
90. *Маккарти Ю.* Вновь посетив Америку. Спустя 150 лет после А. де Токвиля. — М., 1981.
91. *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли. В 3 т. — М., 1962–1963.
92. *Селигмен Б.* Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. — М., 1976.
93. *Токвиль А.* Демократия в Америке. — М., 1992.
94. *Уилсон Дж.* Американское правительство. — М., 1995.
95. *Фонер Ф.* История рабочего движения в США. В 5 т. — М., 1949–1983.
96. *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. — М., 1993.
97. *Хофстедтер Р.* Американская политическая традиция и ее создатели. — М., 1992.
98. *Шлезингер А. М.* Циклы американской истории. — М., 1992.

Программа учебного курса «История США»

Цели и задачи

Целью курса является формирование у студентов базовых знаний по американской истории и умения раскрывать и анализировать следующие проблемы и вопросы:

- 1) зарождение, эволюция, основные этапы, современное состояние североамериканского общества;
- 2) сущностные черты цивилизации США, преемственность и обновление, общее и особенное в сравнении с западной цивилизацией в целом;
- 3) основные события истории США и их воздействие на изменение американского общества;
- 4) основополагающие факторы и содержание экономических изменений в США;
- 5) социальные классы и страты, расы и этносы в американской истории; социальные отношения, конфликты и консенсус;
- 6) политические институты, государственная власть, двухпартийная система и их роль в истории США;
- 7) ведущие деятели американской истории и их воздействие на исторический процесс;
- 8) периодизация, содержание, характер, преемственность и обновление внешней политики США.

Тематический план

Тема 1. Американское колониальное общество.

Тема 2. Война за независимость и образование США.

Тема 3. Эра джексоновской демократии.

Тема 4. Гражданская война и реконструкция.

Тема 5. Проблемы эпохи корпоративного капитализма.

Тема 6. От индустриального к постиндустриальному обществу. Экономика, социум, политика.

Тема 7. Этапы и содержание внешней политики США.

Тема 1. Американское колониальное общество

Возникновение и этапы североамериканских колоний. Три типа колоний. Общее и особенное в развитии протестантских, собственнических и рабовладельческих колоний. Отличие американского рабовладения от классического. Укоренение буржуазных социально-экономических отношений и его причина. Социальная дифференциация белого населения. Отношения белых, индейцев и чернокожих. Характер и роль религии.

Эволюция политической власти. «Смешанное правление» и его составляющие. Характер избирательного права. Соотношение демократии и олигархии. Политические фракции и их платформы. Характер политического конфликта.

Взаимоотношения Англии и колоний. Причина роста числа королевских колоний. Английский меркантилизм и его влияние на экономику Северной Америки. Семилетняя война 1756–1763 гг. и ее влияние на имперскую политику. Основные репрессивные законы и меры Англии в колониях. Зарождение и этапы антиколониального движения. Американское Просвещение как идеология антиколониального движения. Лидеры антиколониального движения: *С. Адамс, Д. Адамс, Т. Джефферсон, П. Генри, Т. Пейн*. Крах колониальной зависимости и принятие Декларации независимости 4 июля 1776 г. Содержание и историческое значение Декларации независимости.

Тема 2. Война за независимость и образование США

Причины американской войны за независимость. Война США за независимость как «двойная революция». Внутри- и внешнеполитические задачи революции.

Ход военных действий. Организация американской армии. *Д. Вашингтон* как главнокомандующий. Причины победы североамериканских штатов над Великобританией.

Внутриполитические преобразования революции. Принятие конституций штатов. Демократические нововведения в государственное устройство. Статьи Конфедерации 1781 г. Причины слабости и кризиса Конфедерации. Возникновение федералистского движения и его идеология. Филадельфийский конвент 1787 г. и выработка проекта

Конституции США. Состав участников конвента и их мотивы. Государственно-правовые доктрины конституции. Обсуждение конституции на ратификационных конвентах штатов. Одобрение конституции и ее дополнение «Биллем о правах».

Формирование американской государственности. Возникновение национальных политических партий. Федералистская и Республиканско-демократическая партии: их состав, социальная база и программы. А. Гамильтон и проект индустриально-торгового развития США. Т. Джефферсон и проект аграрно-демократического развития США. Федералистская партия у власти (1789–1801). Внутренняя и внешняя политика правительств Д. Вашингтона и Д. Адамса.

Республиканско-демократическая партия у власти. «Джефферсоновская демократия»: внутриполитические преобразования. Президентство Д. Мэдисона и обновление внутриполитического курса. Экономические и социальные изменения в американском обществе эпохи становления независимых США.

Тема 3. Эра джексоновской демократии

Экономические изменения в США в 1810–1830-е гг., начало промышленного переворота. Смена мануфактурного капитализма фабрично-заводским в текстильной промышленности. Бум на транспорте и его особенности. Успехи урбанизации. Освоение западных земель и его особенности. Социальные следствия промышленного переворота и освоения западных территорий. Конфликт «старых» и «новых» буржуазных слоев. Зарождение промышленного пролетариата. Национальный банк США как фокус новых социальных коллизий.

Политические изменения второй четверти XIX в. Партия национальных республиканцев и ее политический курс. Причины кризиса и раскола партии. Э. Джексон и джексоновские демократы, причины их победы на президентских выборах 1828 г. Оформление новой двухпартийной системы. Демократическая и Вигская партии: состав, социальная база, программы. Начало эры «массовой политики». Э. Джексон как политический деятель.

Джексоновские демократы и их реформы 1820–1830-х гг. Антимонополистическая стратегия. Конфликт вокруг Национального банка, его ликвидация и следствия. Аграрная политика Демократической партии. Рабочая политика. Политическая демократизация джексоновской эпохи. Индейская политика. Позиция в негритянском вопросе. Историческое место джексоновской демократии.

Тема 4. Гражданская война и реконструкция

Причины экономических успехов американского рабства в первой половине XIX в. «Король-хлопок» и его роль в экономике американского Юга. Изменение экономического и правового положения черных рабов. Запрет антирабовладельческой критики. Апология рабства на юге США. Д. Кэлхун. Положение чернокожих американцев в свободных штатах. Позиция северо-восточных политиков в негритянском вопросе. Компромиссы Севера и Юга в вопросе о рабстве. Миссурийский компромисс 1820 г. Компромисс 1850 г.

Зарождение аболиционистского движения в США. У. Л. Гаррисон, его идеология и программа. Партия Свободы и партия фрисойлеров — их антирабовладельческая платформа. Причины обострения противоречий Севера и Юга во второй половине 1840-х — начале 1850-х гг. Территориальный экспансионизм рабовладельцев и его причины. Закон «Канзас—Небраска» 1854 г. и его роль в углублении конфликта сторонников и противников рабства. Раскол внутри Вигской и Демократической партий. Образование Республиканской партии США, ее состав, идеология, программа. А. Линкольн и его политическая философия. Малая гражданская война в Канзасе 1856 г. Победа Республиканской партии на выборах 1860 г. Выход рабовладельческих штатов из федерального союза. Начало Гражданской войны.

Гражданская война 1861–1865 гг. Соотношение сил Севера и Юга. Конституционный период войны. Причины военных неудач армии Севера. Переход Севера к войне по-революционному. Гомстед — акт 1862 г. Прокламация об освобождении рабов в мятежных штатах. Геттисбергская речь А. Линкольна. Эволюция отношения Линкольна к чернокожим американцам. Линкольн как исторический деятель, его место в американской истории. Завершение Гражданской войны.

Реконструкция 1865–1877 гг. Различные планы реконструкции Юга и его восстановления в Союзе. Конфликт между президентом Э. Джонсоном и конгрессом США. Победа конгресса и начало конгрессовской реконструкции. 13, 14 и 15-я поправки к Конституции США, их значение. Социально-экономические и политические изменения в южных штатах. Прекращение реконструкции и его причины.

Тема 5. Проблемы эпохи корпоративного капитализма

Сделка Республиканской и Демократической партий 1877 г. и прекращение реконструкции Юга. Изменение характера Республиканской партии, ее переход на позиции финансово-промышленной элиты. Экономические и политические предпосылки смены «свободного»

капитализма корпоративным. Возникновение первых монополистических объединений. Роль государственных институтов в экономическом возвышении корпораций. Социал-дарвинизм: идеологическое обоснование социально-экономической трансформации американского общества. У. Самнер и социал-дарвинистская школа в социологии. Социальные и экономические следствия монополизации. Внедрение корпоративной элиты в государственную власть, подчинение ее влиянию двухпартийной системы. Сужение различий между Республиканской и Демократической партиями, кризис двухпартийной системы и его углубление.

Зарождение и нарастание массового протеста против социальных и политических следствий монополизации. Возникновение антимонополистических партий. Популисты, их программа и деятельность. Э. Беллами и национализаторское движение. Радикальные тенденции в рабочем движении. «Рыцари труда» и Американская федерация труда. Возникновение социалистических партий. Социалистическая рабочая партия и ее догматизм. Социалистическая партия США и ее политические успехи. Три течения в социализме. Влияние политического радикализма на общественно-политическую жизнь США.

Изменения в мышлении и политике просвещенной интеллектуальной и политической элиты. Истоки Прогрессивной эры 1900–1914 гг. Л. Уорд, Р. Илай, Г. Кроули и оформление социального либерализма. «Разгребатели грязи» и расширение массовой базы либерально-демократических реформ. Национальные выборы 1912 г. и победа либерально-реформаторских сил. Трансформация Демократической партии, приход к власти В. Вильсона и проведение национальных демократических преобразований.

Мировая война 1914–1918 гг. и прекращение либеральных реформ в США. Причины послевоенного консервативного курса. Политические победы Республиканской партии. 1920-е гг.: экономическая и социальная характеристика эпохи процветания. Президент США Г. Гувер, торжество философии и политики «грубого индивидуализма». Экономический крах 1929 г.: причины и следствия.

Тема 6. От индустриального к постиндустриальному обществу. Экономика, социум, политика

Экономический кризис 1929–1933 гг. и его воздействие на американское общество. Победа Демократической партии на выборах 1932 г. и разработка стратегии выхода из социально-экономического кризиса. Ф. Д. Рузвельт как политический лидер. Концепция «заправки насоса»

и мероприятия по расширению покупательной способности нижних слоев населения. Концепция и практика бюджетного дефицита. Законы о восстановлении промышленности, регулировании аграрного сектора и финансов. Наследие рузвельтовского Нового курса и споры вокруг него в исторической литературе. Развитие рузвельтовской модели в программе «Справедливого курса» *Г. Трумэна* в 1940-е гг. Республиканское правительство *Д. Эйзенхауэра* 1950-х гг. и оформление консервативной модели социально-экономического регулирования. Социально-экономическая стратегия и практика демократических правительств *Д. Кеннеди* и *Л. Джонсона* 1960-х гг. Развитие систем государственного социального страхования и социального вспомоществования. Особенности американского варианта социального государства. Особенности социально-экономической политики республиканского правительства в 1970-е гг. *Р. Рейган* и неоконсервативная модель социально-экономического регулирования 1980-х гг. «Экономика спроса» и «экономика предложения» как альтернативные и взаимодополняющие модели государственного регулирования экономики в США. Их эффективность и ограниченность. Особенности государственной экономической и социальной политики в периоды президентств *У. Клинтона* и *Д. Буша-младшего*.

Изменения в американской экономике во второй половине XX в. Этапы научно-технической революции. Темпы экономического роста в сравнении с другими развитыми странами. Американское постиндустриальное общество и его основные черты. Традиционные и новые отрасли промышленности, изменения в сельском хозяйстве. Социальные следствия научно-технической революции: пессимистическая и оптимистическая точки зрения. Разделение рабочего класса на «синие» и «белые» воротнички. Упадок профсоюзного движения. «Новые левые» 1960-х гг., их историческое место и причины упадка. Новые черты среднего класса. Американский верхний класс и его особенности. Различия в экономическом положении, образе жизни и культуре верхнего, среднего и нижнего классов. Снижение роли классового конфликта и его причины.

Обновление расово-этнических отношений. Две тенденции в афроамериканском движении. Его успехи и неудачи. Позиции других расово-этнических групп. Женское движение и гендерная революция как феномен современной американской истории.

Эволюция политической власти в США в новейшее время. Ее многосоставной характер. Соотношение демократии, плюрализма, элитарности и олигархии. Основные демократические нововведения но-

вейшего времени. Изменения в исполнительной, законодательной и судебной ветвях власти. Возрастание роли групп давления, лоббистских организаций, комитетов политического действия. Упадок влияния и активности третьих партий. Этапы эволюции двухпартийной системы. Республиканская партия: социальная база, идеология, политическая практика. Демократическая партия: социальная база, идеология, политическая практика. Соотношение консенсуса и альтернативности во взаимоотношениях двух партий.

Тема 7. Этапы и содержание внешней политики США

Образование США и формирование основ их внешней политики. Споры между Федералистской и Республиканско-демократической партиями США о внешнеполитических ориентирах в конце XVIII в. Причины внешнеполитического изоляционизма. Изменения во внешней политике в начале XIX в. Покупка Луизианы у Франции. Война с Англией 1812–1815 гг.: причины, ход, результаты. Присоединение Флориды. Причины территориальной экспансии США. Зарождение идеологии экспансионизма. Доктрина «предопределения судьбы». Доктрина Монро 1823 г.: идеология и политическая практика. Территориальная экспансия 1820–1840-х гг. Война с Мексикой. Аннексия Техаса, Калифорнии и Новой Мексики. Внешнеполитические отношения со странами Карибского бассейна и Тихого океана. Отношения с Россией. Покупка Аляски.

Внешняя политика США последней трети XIX – начала XX вв. Идеология империалистической экспансии. Развитие экспансии в Латинской Америке. Идеология и практика панамериканизма. Конфликты с европейскими странами из-за раздела сфер влияния в Латинской Америке. Испано-американская война 1898 г. Установление протектората над Кубой. Захват Филиппин и Гавайев. *Т. Рузвельт* и политика «большой дубинки». Новая интерпретация доктрины Монро. Агрессивная политика США против Мексики в период мексиканской революции 1910–1917 гг. Особенности экспансии США в азиатских странах. Экспансия на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв. Провозглашение доктрины «открытых дверей» в Китае, соперничество с европейскими странами. Роль США в арбитраже международных конфликтов в начале XX в. Посредничество в отношениях между Россией и Японией. Европейская политика.

США в Первой мировой войне. «Нейтралитет» начального периода. Вступление в войну на стороне Антанты. Американцы в Европе: военные действия и дипломатия. Итоги Первой мировой войны для

США. «Четырнадцать пунктов» *Вудро Вильсона*. Вооруженная интервенция против Советской России: причины и следствия. США на Парижской мирной конференции. Отказ от ратификации Версальского договора. Соперничество с Англией и Францией за мировое лидерство. Политика США в отношении Германии.

Внешняя политика США в 1930-е гг. Экспансия в Латинской Америке. Политика «доброго соседа». Признание СССР, советско-американские отношения. Политика «нейтралитета» в отношении европейских противоречий. Начало Второй мировой войны, нападение гитлеровской Германии на СССР, нападение Японии на США. Установление союзнических отношений США, Великобритании и СССР: причины и характер. США на конференциях в Тегеране, Ялте, Потсдаме. Итоги Второй мировой войны для США. Начало «холодной войны». Различные интерпретации ее происхождения и характера.

Внешняя политика США в период «холодной войны». Борьба с СССР за сферы влияния. «План Маршалла». Доктрины «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма. Создание блока НАТО. Война в Корее 1950–1953 гг. Военные интервенции США в страны Латинской Америки. Карибский кризис 1962 г. Война США во Вьетнаме. Гонка вооружений и ее последствия для США и СССР. Периоды «мирного сосуществования» и «разрядки» во взаимоотношениях США и СССР. Договор 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах. Договоры 1970-х гг. о сокращении средств противоракетной обороны и наступательных стратегических вооружений. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. и обострение «холодной войны». Приход к власти в СССР *М. Горбачева* и перемены в советско-американских отношениях в 1985–1991 гг. Окончание «холодной войны», ее итоги для СССР и США.

Внешняя политика США после окончания «холодной войны». Стремление к мировому лидерству. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в США и провозглашение Соединенными Штатами борьбы с мировым терроризмом в качестве главной стратегической цели. Отношения России и США на современном этапе. США и мир в начале XXI в.